

УВЕ КАПО

**ОБРАТНАЯ
СТОРОНА
ЕВРОПЫ**

**ПЕРЕИГРАЙ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ,
НО ЦЕНА ВЫСОКА: ВЕЧНОСТЬ**

Желая помочь своему другу, бывшему астронавту, учёный-экспериментатор изобретает прибор времени, способный перенести человека в прошлое на тридцать лет назад, чтобы его друг смог предупредить своего «двойника» о несчастьях, которые могут с ним произойти. «Двойник» получает информацию, которой не так-то просто распорядиться правильно. Его ждёт путешествие к спутнику Юпитера Европе, на котором люди обустроили станцию, пригодную для жизни и деятельности команды естествоиспытателей. Постепенно раскручивается загадочный клубок смертей астронавтов, устроителей этой станции, открываются скрытые от глаз простых смертных тайники Европы.

---

0. Начало

2 июля 2054 года, лунный космодром «Артемида».

Грузовой космолёт «Экспедиция-3» разительно отличался от других космических кораблей, приготовившихся к старту в ту ночь. Прежде всего, внушительными размерами: один только его двигатель в десятки раз превосходил обычный четырёхместный космический челнок. Мрачной горой возвышался он на одной из стартовых площадок, поражая своим гротескным видом. Готическими пиками были его острия, словно заведённые средневековым колдуном шарманки вращались сферические антенны, чёрным плащом окутала его тень.

Он был нелепо-архаичным в нагромождении своих форм и, одновременно, изящным, создающим атмосферу мистицизма.

Он ждал своей очереди.

Яркие, блестящие челноки всевозможных легкомысленных оттенков, предназначенные для путешествий в близлежащем космосе, казались наивными безделушками, однодневками, никчёмными пустышками. Они не претендовали на вечность. Они не были готовы ждать. Сияющие огни лунного города вдали, устремляющие в пространство лучи лазеров – всего лишь мишурой, бутафорией. В противовес всему этому легкомыслию «Экспедиция-3» будто напоминала о существовании чего-то значимого, весомого, отмеченного печатью долга, терпения, боли.

Два астронавта, Сергей Кедров и Билл Дэвис, были уже определены для полёта. «Так долго лететь и прибыть всего лишь на Европу», – пошутил Кедров. И правда, путь до одного из спутников Юпитера занимал больше двух месяцев, и то если повезёт. Ещё совсем недавно, лет этак десять тому назад, такое же расстояние было бы преодолено не меньше, чем за год. Современные космические «корабли дальнего плавания» ускорились невероятно за последнее десятилетие благодаря изобретению нового двигателя, позволяющего лавировать в гравитационных полях, используя при этом их энергию.

Через пару часов им предстояло взойти на борт грузового космолёта, примерно через неделю после этого погрузиться в сон, и проснуться опять-таки за неделю до прибытия на Европу.

1. Память одного дня

12 декабря 2079 года, побережье Индийского океана.

– Предвижу по вашим хитро блеснувшим глазам всё, что вы хотите сейчас сказать! Нет, это был, есть или буду не я. Вполне логичное и остроумное предположение, но – нет. Не мой пошиб. Я действую, как бы это сказать... исподволь, подбираюсь мягко, пружиня, заматаю следы. Время может изменить многое, но не характер, не стиль работы. Тут же – всё чётко, но напролом. Все условия соблюдены – безвременье замуровано так, что не подкопаешься. Но мусора, но следов! Нет, я не таков. И добавлю – не хотел бы я столкнуться с этим деятелем на узкой тропинке. Решительно не хотел бы! Это что-то вроде предчувствия. А, может, воспоминания?..

Слова доктора Филха постепенно затухали в сознании, вызывая из глубин памяти давно забытые, часто сменяющиеся образы. Сэм начинал клевать носом. Это часто случалось с ним в последнее время – он стал настоящей развалиной, а ведь ещё недавно казалось, что хуже некуда. Как бы ни так! Старость – падение долгое и беспощадное, но, к счастью, не бесконечное.

Скоро его единственный друг, доктор Филх убедится, что Сэм окончательно погрузился в сновидения, приглушит свет ночника и, ступая мягко, пружиня – как ему свойственно – покинет юдоль старости и боли.

Он помнил всё. Каждую деталь. Каждый блик и отзвук. Вообще-то, это было жестоко наделить его такой памятью. Памятью одного дня. Потому что только один день из далёкого прошлого вновь и вновь вставал перед глазами. Он называл его своим последним днём, хотя, конечно, это было не так. Правильнее было назвать его последним днём, когда он был астронавтом Сэмом Ричардсом.

В тот злосчастный день, около тридцати лет назад, он и его друг Роберт Лоуренс отправились исследовать пещеру на Марсе. Перед ними стояла задача добыть органические образцы для последующего исследования микробиологами – лабораторными крысами, как презрительно называл их Лоуренс. Астронавты были снабжены всем необходимым спелеологическим оборудованием. Технический прогресс не сильно повлиял на способ исследования пещер, будь то на Земле или на Марсе. Весь груз, включая запас провизии, нёс на себе дроид WR-39.

Марсианское солнце приятно слепило глаза, заставляя щуриться. Сэм не поставил защитный фильтр, как это сразу же сделал Лоуренс, потому что хотел насладиться сполна редкостной безмятежностью и яркостью дня. Обычно в марсианском воздухе много красной пыли, поднимаемой беспрестанно дующими ветрами. А такая кристальная ясность не предвещала ничего хорошего. В метеосводках значилось: к ночи разыграется буря. Это означало, что у них всего несколько часов, и если не успеют до вечера, то придётся переждать бурю в пещере. Такая возможность поворота событий была нежелательна, хотя и принималась в расчёт.

Вход в пещеру едва угадывался среди длинных и резких теней марсианских скал – неудивительно, что её открыли совсем недавно. Астронавты взяли у дроида инструменты и двинулись под мрачные своды. WR-39 пошёл следом, но остановился недалеко от входа: несмотря на высокую проходимость, он не был достаточно ловок для того, чтобы

сопровождать астронавтов.

Узкая шахта уходила всё глубже, и казалось, этому не будет конца. Но по мере продвижения проход расширился, пространство пещеры заметно увеличилось, появились боковые ответвления. Теперь свет фонаря то и дело выхватывал из темноты очертания гигантских каверн и фантастических сводов. А ещё немного погодя Сэму показалось, что они вдвоём попали в кусок швейцарского сыра: большие и маленькие круглые отверстия пронизывали шахту во всех направлениях.

– Эмменталь, – сказал Сэм.

– Чего-чего?

– Или Иллерталёр.

– А. Сыр.

Сэм шёл впереди и вдруг почувствовал, как почва уходит у него из-под ног. Он вскрикнул, страховочная верёвка мгновенно натянулась тетивой. Лоуренсу стоило невероятных усилий удержать напарника, а затем вытащить его. Потом они оба долго рассматривали крошащуюся породу, размышляя, стоит ли двигаться дальше. Сошлись на том, что поворачивать назад ещё рано.

– А ты тяжёлый, – сказал Лоуренс, хлопнув друга по плечу.

Справа начинался обрыв, и астронавты стали тесниться к отвесной скале, страхуя друг друга с повышенной осторожностью.

Скоро Сэм заметил тонкие, желеобразные «медузы», облепившие скалы. Это были самые распространённые обитатели марсианских пещер. Можно было остановиться, взять пробы и возвращаться на базу. Но внутренний голос подсказывал, что неисследованная пещера таит в себе много новых открытий.

Они услышали отдалённый гул и почувствовали лёгкое сотрясение почвы. Через несколько мгновений начали падать камни: видимо, стал обрушиваться свод. Сэм инстинктивно прижался к скале, надеясь, что землетрясение скоро закончится. Он заметил мечущегося вслепую Лоуренса. Мгновение, и тот был погребён под градом камней...

Всю свою последующую жизнь Сэм винил себя за этот день. Если бы он внимательно читал предупреждающие знаки, которые судьба щедро расставляла на его пути, а не потакал своим амбициям, принимая их за внутренний голос, его друг был бы до сих пор жив, а он сам прожил бы славную, интересную, насыщенную космическими приключениями жизнь. И сейчас, в старости, ему было бы что вспомнить.

Как ни жался Сэм к скале, камни достали его и там. Он успел послать сигнал о помощи перед тем, как в его мире воцарилась тишина.

Астронавта нашли только через сутки – на поверхности и правда разыгралась сильная буря, поэтому послать спасательный отряд было невозможно. Сэм выжил, но остался калекой. Правая нога до колена была ампутирована и заменена ультрасовременным протезом, действующим от импульсов в мозгу. Таким образом, астронавт Сэм Ричардс перестал быть человеком в полном смысле этого слова, если принимать во внимание только анатомическую составляющую, и стал частично киборгом.

Он ощутил себя на обочине жизни. Конечно, ему выплачивалось достойное содержание, позволяющее существовать безбедно, но деньги не могли заменить полноценную жизнь.

Сэм поселился в чудесном домике на берегу Индийского океана и собирался больше никогда не покидать Землю. Он считал себя калекой, отработанным материалом (о чём позже пожалел, но с годами тем более стало поздно что-то менять в лучшую сторону), что

потратил эти годы своей жизни зря. Надобность в нём могла возникнуть только у музея робототехники и электроники, что и впрямь не заставило себя долго ждать. Чем плох зритель и экспонат в одном лице? Этим ребятам Сэм втолковал раз и навсегда, кто он и зачем. А когда они, принеся глубочайшие извинения, поспешили удалиться, сел у порога и расплакался. В эту минуту он с убийственной ясностью ощутил: он никто, и ему – незачем.

Однажды случай свёл его с доктором Филхом, который на самом деле врачом не являлся, а был учёным и величайшим изобретателем – как он сам говорил о себе без тени смущения.

Филх, этот безусловно признанный гений, впрочем, не во всех областях, в которых заслуживал, был не только эксцентричен, но и экстравагантен. Например, он не признавал научных авторитетов, был тщеславен, тяготел к старине и очень любил поговорить, что не часто бывает свойственно учёным. Можно сказать, что Филх был редкостным болтуном.

Эксперимент, проводимый им в домашней физической лаборатории, с привлечением большого количества энергии, стоил ему пальцев левой руки и левого глаза. Врачи поставили ему вместо изящных пальчиков не менее изящные протезы, а глаз вознамерились вырастить в пробирке, что впоследствии и было сделано. Увечье ещё сильнее усугубило черты и без того несносного характера и привело к тому, что он рассорился в пух и в прах со всеми своими коллегами в научной среде.

Филх был совершенно одинок и заброшен.

Сэм подумывал о том, чтобы свести счёты с жизнью.

Несчастье сроднило их – бывшего астронавта и опального учёного. «Вместе мы человек», – горько усмехаясь, говорил Сэм. «И немного киборг», – добавлял Филх, любивший точность всегда и во всём, даже в мелочах.

На старости лет друзья поселились в одном доме. Сэм лично помог доктору обустроить в подвале научную лабораторию. Возможность того, что однажды всё это хозяйство может взлететь на воздух из-за такого отчаянного экспериментатора, как Филх, несколько его не останавливала. В душе он даже ратовал за подобный исход событий, полагая, что пасть во имя идеалов науки – достойная смерть. Даже если эти идеалы – не его собственные.

Впрочем, нужно быть справедливым к доктору: он всё время старался посвятить друга в свои замыслы. Постоянно твердил о гипотезах, теориях и грядущих величайших открытиях. Сэм не понимал и половины, но привык к подобным разговорам, и скоро ему стало трудно обходиться без этой словесной музыки.

– Я попробую объяснить. Представьте себе картину, обычную картину в рамке, висящую на стене. Из её нижнего левого угла – обозначим его точкой «А» – тянется извилистая направленная линия, которая, пройдя через всё полотно, заканчивается в точке «Б» – правом верхнем углу. «А» и «Б» – начало и конец некоторого временного отрезка, который мы изобразили линией. Вы, верно, полагаете, – важно говорил Филх, – что было бы проще провести диагональ, соединяющую «А» и «Б»? Это не столь очевидно. Движение по прямой не всегда оптимально! Когда река стекает с горы, повинаясь силе земного притяжения, бывает ли её русло прямым, а течение равномерным? Нет. Она то струится водопадом, то растекается спокойно и величаво. Иногда её русло распадается надвое. В другой раз, наоборот, она принимает пополняющие её ручьи. Удивительно, но аналогия с рекой как нельзя более точно описывает процесс течения времени. Время – это река. Или, по Платону, время – движущееся подобие вечности. Да-с! Многие это говорили и не единожды, но никто

до сих пор не сделал! Очевидно, что для воды совершенно естественно в рамках предложенной мной модели, стекать с горы вниз, а не наоборот. И не просто течь, а по пути наименьшего сопротивления – сообразно ландшафту. Чтобы укоротить путь реки, сделав его не столь извилистым, нужно приложить немало усилий: прорубить в горе туннель, например, или проложить трубопровод. На этом основывается моя теория путешествия во времени – в будущее.

Филх сделал небольшую паузу и продолжил:

– Говоря о путешествии в прошлое, также прибегну к аналогии, но несколько иного рода...

Сэм слушал внимательно, стараясь поскорее уяснить, к чему клонит друг. Это было не трудно: доктор не только говорил, но и рисовал схемы – мелом на чёрной доске. Большая электронная доска, стояла много лет в углу, неприкрытая, иногда подпинаваемая ногами. Сэм благосклонно отметил про себя, что Филх, похоже, вообразил себя оратором, читающим лекцию перед аудиторией. Его другу явно не хватало внимания.

– ...место это называется пересечением, и бывает оно абсолютным или относительным. Так вот, любезный друг мой! Пересечение – день аномалий (из-за близкого расположения временных слоёв), день ярких воспоминаний, когда прошлое будто встаёт перед глазами, и вспыхивают давно угасшие чувства, день *déjà vu*, «посылок» из прошлого, а также – время чудесных предсказаний. Перескочить из одного слоя в другой можно, и это я заявляю вам со всей ответственностью! Только энергия преодоления многократно превышает мощность разряда молнии. Как определить день пересечения? Где раздобыть энергию для перехода? Я посвятил таинству перемещения во времени всю свою сознательную жизнь. Вычленил из всего множества излучений тончайших эфирных полей именно те, которые указывают на направление и расстояние до ближайшего временного потока – совсем не просто, но вот результат!

Доктор как можно более артистичным жестом откинул ворох упаковочной бумаги, и взору его собеседника предстал прибор довольно архаичного вида благодаря хитросплетению сферических антенн, зеркал и проводов.

– Сложнее другое, – продолжал он. – Представьте себе, что вы не самым ювелирным способом укоротили путь реке, взорвав, например, стоящее перед ней препятствие. Да, результата вы добились, и благодарные воды хлынули в образовавшийся проём. Отступая от аналогий с рекой, вы приложили энергию в нужном направлении и изменили ход времени. Время действительно ускорилося, но увлекло в своём ревушем потоке всё ваше настоящее. Иначе говоря, пользы для эксперимента – ноль, не говоря уж о предполагаемой вреде. Фокус не в том, чтобы переместиться в будущее как можно скорее, а в том, чтобы переместить туда только определённый объект. Но и это, как выяснилось, не самое трудное. Главное – вовремя захлопнуть дверцу...

Лицо доктора вдруг сделалось грустным, и он посмотрел вдаль затуманенным взором, через маленькое окошко у самого потолка. Сэм понял – настала пора немного пофилософствовать, и постарался настроиться на лирическую волну.

Наконец, Филх тихо произнёс:

– Ландшафт – горы, холмы и низменности, по которым прокладывает себе путь река, совершенно реален, и нам не приходит в голову сомневаться в этом. Ландшафт, по которому течёт река времени, то срываясь водопадом с кручи – как в наше время, а то заболачиваясь и зарастая осокой и камышами – как в средневековье, также абсолютно реален, и если мы не

догадываемся о его существовании, то только из-за нашей слепоты и ограниченности. Назовём те берега, мимо которых несёт воды река времени, – безвременьем. Так вот, верх искусства учёного – не только проделать дыру в безвременье, но и вовремя замуровать её. С безвременьем шутки плохи, того и гляди, образуется воронка, так сказать, дыра во времени, способная затянуть всё, что совсем недавно или скоро. Всё нужно делать вовремя, особенно если это касается безвременья. Полагаю, что в своих опытах я справился с этим. Но меня ждало новое невероятное открытие. Когда я разрабатывал способы аккуратного перемещения по безвременью – закупорки туннеля, маскировки и прочее, я натолкнулся на следы подобной деятельности! Кто-то, когда-то, а, точнее сказать, время от времени занимался, занимается или будет заниматься, что, собственно, одно и то же в широком смысле этого слова, похожими экспериментами. Анализируя, я кое-чему научился... «Nullus enim locus sine genio» – нет места без гения. Неудивительно, что гений есть и у вечности. Предвижу, предвижу по вашим хитро блеснувшим глазам всё, что вы хотите сейчас сказать! Нет, это был, есть или буду не я. Вполне логичное и остроумное предположение, но – нет. Не мой пошиб. Я действую, как бы это сказать... исподволь, подбираюсь мягко, пружиня, заматаю следы. Время может изменить многое, но не характер, не стиль работы. Тут же – всё чётко, но напролом. Все условия соблюдены – безвременье замуровано так, что не подкопаешься. Но мусора, но следов! Нет, я не таков. И добавлю – не хотел бы я столкнуться с этим деятелем на узкой тропинке. Решительно не хотел бы! Это что-то вроде предчувствия. А, может, воспоминания?..

Сэму мучительно хотелось спать. Старость довольно депрессивная штука. Филх уже достаточно воздействовал на его воображение, не дав толком понять, к чему ведут все эти умозрительные построения. Музыка слов... Слова переплетались, менялись местами, то ускоряясь, как река, бегущая с гор, то начинали вальсировать и кружиться, как хлопья снега в морозном воздухе... Но доктор как будто не замечал состояния своего друга.

– И вот теперь, – говорил он, – по прошествии стольких лет я готов к эксперименту. Осталось найти добровольца. Кому бы я мог довериться также, как самому себе? Самое простое – послать свою собственную голограмму, но и тут есть подводные камни. И всё же, эксперимент я буду считать завершённым, если мне удастся послать человека в прошлое и суметь вернуть его назад!

Наконец-то Сэм услышал заключительные аккорды в речи своего друга!

– И ты ещё думаешь?! – сбросив с себя остатки сонливости, горячо сказал он. – Послушай, тебе не надо искать добровольца! У меня есть причина отправиться в прошлое! Да! У меня, у твоего друга, к которому ты настолько привык, что относишься как к роботу для разноски кофе. У этого ничтожного калеки, который уже давно забыл, где заканчивается он сам, и начинается презренный металл! И чёрт тебя подери, если ты будешь искать кого-то другого!

В глазах Филха мелькнуло понимание и даже гордость, а губы дрогнули в улыбке.

– Сэм, я хочу предупредить тебя. Я могу отправить тебя в прошлое, но боюсь, что ты не совсем представляешь. Позволь мне объяснить. Это будет не то же самое прошлое, которое было в твоей жизни.

– Попробуешь объяснить?

– Наверное, слышал выражение «в одну реку нельзя войти дважды»?

– Какое это имеет отношение?

– Прямое. Как я уже, кажется, сказал, в качестве модели времени я взял речное русло.

Время – русло, по которому течёт река жизни. Если ты переместишься в прошлое и попытаешься изменить жизнь тех людей, которых встретишь...

– Я попытаюсь изменить свою жизнь, – с нажимом сказал Сэм.

– ...то ты и в самом деле можешь добиться успеха. Например, ты мечтаешь встретишь «себя в прошлом» и предупредишь о чём-то важном – но, пойми, это будешь не ты! Да, этот человек будет как две капли похож на тебя, тогдашнего. Вот его жизнь ты сможешь изменить, если он воспримет твои предупреждения всерьёз. Если это «возмущение извне», то есть исходящее от тебя, будет достаточно сильным, то изменится не только его жизнь, но и жизнь всех последующих Сэмов Ричардсов. Но ты не сможешь изменить свою жизнь. Твоя жизнь уже прожита тобой до настоящего момента. Жизнь – это вода, которая течёт по пути наименьшего сопротивления, и те усилия, которые мы прилагаем, чтобы изменить своё существование к лучшему – это тоже наша судьба. Сколько нас было перед нами, сколько нас будет после нас...

– Да ты фаталист, друг мой!

– И да, и нет, – загадочно улыбнувшись, ответил Филх. – Вообще-то, чисто теоретически изменить судьбу возможно, но для этого нужно приложить сверхусилие. Я не претендую на истину в последней инстанции, в конце концов, это теория, которую можно подтвердить или опровергнуть фактами. Скажу лишь: жизнь всегда преподносит сюрпризы. У каждого из нас есть только единственный миг нашей жизни – настоящий. Ещё Сенека говорил: «Время и до нас, и после нас не наше. Ты заброшен в одну точку: растягивай её, но до каких пор?».

– Ты столько всего наговорил... – с досадой сказал Сэм. – Но скажи мне, разве предыдущее не определяет последующее?

– Время – это не хитроумный алгоритм и не резиновый шнур. За одно место потянешь, и другое обязательно изменится – это логика растягивателей резиновых шнуров. К тому же рассматривают это всегда в одном аспекте: изменение прошлого влечёт за собой изменение будущего. Почему, спрашиваю я, не наоборот? Нет, время, кажется, нечто другое. Это как параллельные миры, очень между собой схожие. Попасть в прошлое – значит, попасть в один из таких миров. Но в своё прошлое ты не можешь отправиться, так как в одну реку нельзя войти дважды. Поэтому ещё раз повторю, и прими это как данность: на изменение твоей жизни у тебя есть один-единственный миг, который зовётся «настоящее».

– Параллельные миры – это, по-твоему, прошлое и настоящее?

– Нет. Прошлое и настоящее – это параллельные миры. Их частности.

– И этих миров бесконечное множество?

– Конечно! Только не забывай, что мир дискретен, а континуум нам только снится!..

2. Сэм и Филх

В ту ночь Сэм долго не мог уснуть, ворочаясь с бока на бок. Континуум ему не снился, но собственные мысли не давали покоя. Обрести всё на один короткий миг и тут же потерять! Но надежда успела поселиться в его сердце, поэтому из всего сказанного доктором, в голове упрямо вертелось одно: теорию можно подтвердить или опровергнуть фактами, а жизнь всегда преподносит подарки. И постепенно слова доктора приняли для Сэма несколько другой вид: теорию *нужно* опровергнуть. Ради жизни.

Даже если Филх прав, и ему, Сэму, не суждено изменить свою собственную треклятую жизнь, он всё равно должен отправиться в прошлое. Хотя бы ради того, чтобы бесконечное множество его «других я» не становились жалкими калеками, и чтобы остановить бесконечный камнепад, убивающий Роберта Лоуренса.

Поразмыслив, он решил, что у него более чем достаточно причин отважиться на эксперимент. Этих причин у него бесконечное множество.

Но только под утро всплыло на поверхность то, что не давало ему спать, мешалось, как заноза. «Европа! Как я не подумал об этом в первую очередь? У меня появился шанс всё исправить. Не воспользоваться которым было бы преступлением против *моей* совести. Да что там... моя совесть... Это было бы преступлением против человечества. Вот для чего я жил, мучился долгие годы. Целый народ был срублен под корень. Как их?.. Меллы? События тех лет уже переосмыслили, но ведь уже поздно. Вряд ли они с Филхом смогут хоть что-то исправить, даже получив возможность перемещаться во времени. А всё-таки стоит попробовать».

Ему приснился необыкновенный сон, придавший сил. Ричардс даже не мог сказать толком, что ему снилось. Помнил только, что было много света, который всё усиливался, и вдруг Сэм понял, что летит с огромной скоростью вверх, к самому источнику света. Но это было не Солнце. Прямо перед собой, на расстоянии вытянутой руки, он видел два огромных серебристых глаза, именно они и источали этот мягкий, как будто струящийся свет, усиливающийся с каждой секундой. Он летел к ним, но никак не мог достичь. И были какие-то слова, Сэм твердил их во сне, но не мог вспомнить, когда проснулся. Слова напоминали молитву.

Сэм встал посвежевшим, полный надежды и решимости.

...

– И в этот раз и всегда... И много времени назад... Обрушивается не родившееся... Грядёт свершённое... Да будет так...

– Что это ты бормочешь? – Филх подозрительно смотрел на Сэма.

– Неважно... Приснилась какая-то бредятина.

– Ну-ну...

– Вот ты говоришь, перемещение во времени – это как рытьё тоннелей. Что, если мы попадём в тупик? Можно ли промахнуться и угодить не в другой временной слой, а в... безвременье? – спросил Сэм.

– Отчего же, промахнуться можно... – рассеянно ответил доктор – Можно промахнуться! Но вот в чём соль... Там, где появляешься ты, исчезает безвременье, а там, где есть безвременье, всё стерильно в абсолютном смысле этого слова: от времени, а следовательно, и от материи. Перефразируя Эпикура: там, где есть мы, безвременья уже нет, а там, где оно

есть – пока ещё нет нас. Правда, он говорил о жизни и смерти.

– Ты невозможен!

– Не волнуйся, на самом деле принцип действия моего агрегата таков, что он позволяет запустить демона только тогда, когда фиксирует излучение от другого временного слоя. Выбрать ошибочное направление то же самое, что не попасть из пушки в слона с расстояния метра!

– Ты сказал – «демона»?

– Daemon – фоновая программа, процесс, который начинает жить своей жизнью после того, как его запустят – Филх внимательно посмотрел на Сэма поверх очков в чёрной оправе, наморщив лоб. – Тебе кажется это забавным? Ты далёк от информационных технологий.

– Да, виновен, – согласился Сэм. – Но ответь мне, как я смогу вернуться в настоящее? В наше с тобой настоящее? Как я понял, тут фишка не столько во времени, сколько в мирах, а их бесконечное множество.

– Ты всё-таки решился... – с грустью в голосе произнёс доктор – О твоём возвращении я позабочусь. Каково мне будет коротать дни без единственного друга? Но подумай, стоит ли?

– Ещё как. Не только ради меня. Помнишь... Хотя с какой стати? Ну а всё-таки: около двадцати пяти лет назад произошло кое-что страшное...

– Погиб твой друг, а ты потерял ногу.

– Нет, во-первых, это было немного раньше, а во-вторых – если бы только это. Ты не понимаешь, о чём я говорю. Целая раса была уничтожена...

– Постой, ты про существ, которые жили в ледяной коре Европы и из-за которых погибли наши астронавты?

– Да, это была уникальная раса, вина которой только в том, что они восстали против незваных гостей, из-за которых могли погибнуть целые племена.

– Я знаю. Но как мы можем исправить это? Боюсь, ты преувеличиваешь наши скромные возможности, я говорил тебе, что...

– У меня есть идея. Я должен проверить кое-что.

...

В последующие несколько дней Сэм стал часто отлучаться из дому, иногда возвращаясь только под утро. Выглядел он озабоченным. И эта странная, нарочито бедная одежда... Филх понимал, что маскарад нужен Сэму для достижения какой-то цели. Но не слишком ли наивно? Филх порывался сказать об этом Сэму, но каждый раз сдерживался. Он знал, что наступит час, когда Ричардс сам всё объяснит.

Так и произошло. Однажды Филх застал Сэма в хорошем расположении духа.

– Ну что? – язвительно спросил Филх. Он позволил себе, наконец, выплеснуть свою обиду.

– Помнишь тех чудиков из музея робототехники, про которых я тебе рассказывал?

– Что-то не припомню... Хотя... Это те, которые предлагали тебе поработать сторожем?

– Не сторожем, а зрителем.

– Неважно. Ну и что с этими чудиками? Отомстил? – Филх улыбнулся. Он начинал оттаивать.

– Наконец-то и онигодились! – Сэм достал из сумки чёрный куб, каждая отполированная грань которого немного превышала размер его ладони. На одной из граней располагался кодовый замок в виде круга.

– Что это? Ты заточил их в куб? – Филх принял куб из рук Сэма. – А он тяжёлый!

– Это специальный футляр, непроницаемый для любого вида излучений.

– А что внутри?

– Внутри совершенно безопасная вещь. Можно достать, – Сэм открыл куб, быстро набрав код. – Вот, металлическая таблетка, чип. Внутри пусто, как и ожидалось.

Для подтверждения своих слов Сэм вынул из кармана пальто отвёртку и открыл чип. На его ладони лежали две пустые половинки.

– В чём тут соль? – спросил Филх.

– Нужен был футляр – он настоящий.

– Чего не сказать о чипе...

– Настоящий у меня есть. Долгие годы со мной, а я его даже не чувствую. Настала пора с ним расстаться, и ты мне в этом поможешь. Ты же всё-таки доктор, хоть и говоришь, что не доктор. И обе руки у тебя есть, хоть ты и говоришь, что одной нет.

...

Через два часа Сэм пил горячий чай из большой кружки. Левая рука у него была аккуратно перебинтована. Филх быстрыми шагами вошёл в комнату. В его руках тоже была большая кружка с чаем. Несколько минут они сидели молча. Наконец, Филх спросил:

– Так ты на работу в музей устраивался?

– Ага.

– Понятно... Но сейчас уже уволился?

– Они сами меня попросили.

– Ну, разумеется... А сделать похожий футляр попросил у...

– У одного русского. Старый знакомый, мастер на все руки...

– Сгонял в Россию? – поднял брови Филх. На его лицо вновь набежала тень обиды. – А у меня не мог попросить? Да, конечно, я не мастер на все руки! У меня и руки-то нет!

– Понимаешь, не хотелось тебя впутывать в это тёмное дело. К тому же ты все эти дни выглядел таким недовольным. Я попрошу тебя изготовить кое-что другое...

– Может, еще раз сгоняешь в Россию?! – Филх и в самом деле был задет за живое.

– Нет. Никто на всём земном шаре и за его пределами не сможет изготовить *это* в домашних условиях. Никто, кроме тебя.

...

Здоровье Сэма постоянно ухудшалось, поэтому эксперимент со временем следовало подготовить и провести в ближайшее время. Филху было известно, при каких обстоятельствах компаньон потерял ногу, поэтому, соглашаясь на его участие в эксперименте, понимал: декорации придётся сменить, потому что «боевые учения» пройдут на Марсе.

Хотя первоначально рассматривались и другие варианты. Например, Сэм мог предупредить своего двойника задолго до трагических событий. Но бывший астронавт никак не мог вспомнить, где и в какое время он находился на Земле в те далёкие времена. Тогда он был молод и «вполне» непредсказуем.

Кроме того, Филх, продолжая вырисовывать детали своей картины мира, сказал, что судьба индивидуума с наибольшей долей вероятности прослеживается именно по ключевым моментам жизни. Он назвал такие моменты контрольными точками или узлами. На практике это означало, что двойник Сэма мог ходить по другим дорогам, встречаться с другими людьми, жить в другой квартире. Если же индивидуум избежал прохождения через контрольную точку, значит, ему удалось изменить судьбу, развязать свой узел. А это, в свою

очередь, могло оказать влияние на судьбы близких ему людей. И так далее, по цепочке.

Друзья отправились на Марс и обосновались в дорогом, комфортабельном отеле «Аскреус». Филх был известен, хоть и по большей части скандально, поэтому он смог решить все вопросы с перевозкой необходимого оборудования. Для доступа к источнику энергии ему пришлось задействовать свои связи в научном мире, которых было немало, несмотря на вздорный характер учёного.

Филх заметил, что путешествие во времени не только чрезвычайно энергоёмко, но и отнимает много сил у посланника. Поэтому он настаивал на том, чтобы отправить в прошлое голограмму: рисковать без нужды здоровьем друга доктор не собирался.

Временные петли не были очень редким явлением, как успел убедиться Филх, но закономерности в их появлении ему не удавалось выявить. Поэтому оставалось терпеливо ждать, наблюдая за показаниями прибора.

– Годится далеко не каждая временная петля, – объяснял доктор. – Я ввёл такое понятие, как угол пересечения временных слоёв. Для его измерения используется градусная шкала от 0 до 180 градусов. Все пересечения больше 90 градусов для нас не годятся, как бы близко не находились при этом временные слои. Но это не всё. Важен размер петли. Большие петли, которые могли бы воскресить для нас предания давно минувших лет, встречаются сравнительно редко, но не они интересуют нас сейчас. Нас вполне устроила бы петелька меньшего размера, чтобы застать твоё альтер-эго непосредственно перед тем, как оно собирается сделать свой роковой шаг.

3. Новый Тарсис

Перед отлётом на красную планету Филх изготовил портативный «прибор времени», умещающийся в чемоданчике, и друзья таскали его с собой всюду, куда бы ни пошли.

Наконец-то Сэм увидел своими глазами легендарный город небоскрёбов Новый Тарсис! В бытность свою астронавтом, он застал строительство первого марсианского исполина, положившего начало целому городу. Тогда все называли его куполом по старинке, хотя было ясно, что этот красавец не чета «пузырям жизни», покрывающим марсианскую пустыню на участке более двухсот квадратных километров.

Город представлял собой апофеоз инженерной мысли. Своим названием он был обязан месту расположения. Как известно, между северным и южным полушариями Марса простирается обширная равнина Тарсис с необычной морфологией ландшафта. Своеобразность её заключается в том, что это самый гористый район на планете, на краю которого возвышается древний Олимпус – высочайшая вершина мира.

Новый Тарсис удивлял своим кажущимся малолюдьем. На его улицах лишь изредка можно было увидеть проезжающие автомобили, а тем паче людей, прогуливающих пешком. Некоторые здания напоминали своей зеркальной отточенностью лезвия ножей, острия которых дерзновенно устремлялись в кроваво-красное небо. Другие были призваны освежать в памяти известные земные шедевры архитектурного искусства – в основном их миниатюрными копиями. Сэм глядя на всю эту роскошь, только пожимал плечами: ведь есть же Лас-Вегас, чего же боле?

Чуть позже, к своему удовлетворению, он узнал, что в основном это были реалистичные трёхмерные голограммы.

В центре Нового Тарсиса располагалось, как и следовало ожидать, его сердце или, лучше сказать, душа. А ещё точнее – отдушина: огромный прозрачный купол в форме конуса, под которым росли деревья, благоухали цветы, будто прислушиваясь к журчанию ручьёв, а птицы деловито перепархивали с ветки на ветку. Был устроен даже небольшой живописный пруд с камышами, лилиями и прочими дикими утками. Воистину, это был островок земного рая на красной планете! В связи с этим Сэму пришла в голову мысль, что как бы далеко не забрасывал человек сам себя, будучи не в состоянии обуздать свой духовный порыв, везде и всюду он стремится обрести то, что оставил – землю и себя на этой земле.

Вся цитадель представляла собой лишь вершину айсберга, большей своей частью скрытого от глаз. Под городом была обустроена сеть туннелей, которая и впитала в себя почти весь человеческий муравейник.

Сэм и доктор исходили вдоль и поперёк пространство первого марсианского купола, откуда брала начало та злополучная экспедиция в марсианскую пещеру более тридцати лет тому назад. Большая удача, что его до сих пор не демонтировали, подумал Сэм. Всё вокруг вызывало ностальгию.

Лабораторию расположили прямо в номере отеля. Как уже было сказано выше, Филх склонялся к тому, чтобы послать в прошлое голограмму. А это требовало репетиции. К Сэму прикреплялись многочисленные датчики, на голову одевался «глухой» и «слепой» шлем. Филх включал усовершенствованный им лично аппарат по проектированию трёхмерных голограмм. Когда Сэм начинал видеть комнату, он вставал с кресла и шёл, куда только ему

заблагорассудится. На самом деле он оставался на месте, а все телодвижения совершала его электромагнитная копия. Голограмма некогда прославленного астронавта, а ныне убогого калеки Сэма Ричардса выходила из номера, спускалась на лифте в холл, ехала в метро до первого марсианского купола... Эти упражнения отнимали много сил у старика, требуя недюжинной концентрации внимания, но были необходимы, так как вырабатывали определённый навык. Например, он не мог сам открыть дверь, повернув за ручку. Приходилось приспосабливаться, прилаживаться, следовать за другими людьми, причём делать это как можно более натурально и так, чтобы никто ничего не заподозрил.

Филх говорил:

– Хорошую голограмму не отличить от объекта, даже прикоснувшись к ней. Вопрос в том, хватит ли у нас энергии, чтобы транслировать качественную голограмму через временной туннель в течение всего необходимого времени, потому что в противном случае свойства изображения сильно пострадают. Поэтому не стоит заострять внимание на таком несущественном свойстве голограммы, как осязаемость.

Сэму не слишком нравилась идея с голограммой, но доктор был непреклонен:

– Мало того, что переход отнимет много сил, но и с возвращением возникнут неопределённости. Я не могу гарантировать твоего возвращения на все сто процентов. Всё зависит от его величества случая. Да-с! А если мы пошлём голограмму, то для возвращения назад тебе будет достаточно снять шлем.

Могла ли голограмма говорить или издавать звуки? Легко – и то, и другое. Коль скоро техническая мысль достигла невероятных высот, и люди научились управлять электромагнитными волнами до такой степени искусно, что с помощью оных имитировали человека движущегося, то что им стоило смоделировать звуковые сигналы посредством всё тех же колебаний? Другое дело, что при нехватке энергии вслед за осязаемостью в жертву приносилась способность говорить.

Целый месяц пролетел как один день. Несколько раз прибор фиксировал приближение чужеродного временного слоя, оповещая об этом громким сигналом. Сэм и Филх устремляли взоры, полные надежд, к дисплею, на котором высвечивались параметры «гостя», а именно: расстояние до него, отдалённость по времени, скорость потока, угол пересечения и другие. В основном это были маленькие «петельки» величиной в месяц, год, пять лет... Но как-то раз прибор уловил сигнал от настоящего ископаемого чуда – временного зигзага длиной в пару миллионов лет.

– Хм! Знатная гостья, редкая, я бы сказал – раритетная! – прокомментировал этот случай доктор. – Будь мы на Земле, грех было бы упускать такой исключительный шанс. Но на Марсе время почти застыло, и только мы, пришельцы, ускоряем его ход.

Иногда Филх, будучи учёным, рассуждал как какой-то гуманный, в чём Сэм не преминул его попрекнуть.

Филх нервничал, да и Сэм переживал. Они оба беспокоились, но нужная петля никак не появлялась. И вот однажды ночью прибор времени испустил свой фирменный писк, оповещающий о возможности стыка времён. Доктор вскочил с кровати, зажёл светильник и, затаив дыхание, впился глазами в маленький дисплей. Спустя мгновение раздался его радостный возглас:

– Сэм! Скорей сюда! Кажется то, что нужно! – ознакомившись с показаниями, он присвистнул: – Повезло-то как! Прямо тютелька в тютельку. Но нельзя терять не минуты.

Твой двойник покинет первый марсианский купол примерно через час.

Сэм вглядывался в цифры на экране и не мог поверить, что фортуна наконец-то повернулась к ним лицом.

Надо заметить, что их аппаратура была настроена таким образом, что объект – человек ли, голограмма, – войдя во временной туннель, на выходе оказался бы в одном из самых тёмных и безлюдных уголков первого марсианского купола. Такой трюк доктору волею-неволею пришлось провернуть, поскольку гостиничный номер находился на минусдвадцатом этаже, в отеле, которого тридцать лет тому назад не существовало вовсе.

– Запускаю демона! – сказал доктор и набрал короткую команду на пульте управления.

Сэм, весь облепленный датчиками и с чёрным шлемом на голове, уже сидел в кресле. Он был натянут как струна: с минуты на минуту ему, а вернее его голограмме, предстояло встретиться лицом к лицу со своим прошлым! То, что прошлое будет не его, он, в общем-то, понял, но в глубине души надеялся, что это не так.

– До формирования временного коридора осталось несколько секунд... Приготовиться! Вперёд!

Сэм открыл глаза. Перед ним, в центре комнаты висела чёрная, расплывчатая точка, вокруг которой творилось неладное – воздух колебался, струился и вибрировал как расплавленная стекловидная масса.

– Ну, смелее! – подбодрил его Филх. – Это вход во временной туннель! Тебя что-то смущает? Извини, ну уж как получилось. Смотри! – Филх подбросил вверх монетку, и она, как показалось Сэму, распалась на атомы, закружилась вихрем вокруг портала, затем плавно перетекла в него и исчезла. Через несколько секунд друзья услышали, как упавшая монетка звякнула о каменный пол. Этот звук был какой-то особенный, нездешний, его сопровождало тонкое, звенящее эхо; не будет преувеличением назвать его потусторонним.

Даже пребывая в обличье голограммы, Сэму было страшно вот так вот запросто взять и нырнуть в никуда. Но времени на раздумья не оставалось. Он шагнул вперёд.

Начался головокружительный полёт. Сэму казалось, что он падает в бездонную пропасть. Инстинктивно он сжимался, ожидая удара об землю, и ничего не мог с этим поделать. Краем глаза он видел, что проносится мимо каких-то предметов, но летел так быстро и был настолько озабочен своей собственной участью, что не мог идентифицировать природу этих существей.

Полёт оборвался внезапно и совершенно безболезненно. Удара не последовало – конечно, потому, что Сэм был голограммой. Впрочем, размышлять опять было некогда. Прежде всего, он посмотрел себе под ноги: на полу лежала монетка. Сэм попытался поднять её, но пальцы сомкнулись, пройдя сквозь неё, что само по себе не вызвало удивления. Было ещё кое-что... Сэм не сразу сообразил, что именно, вернее, не сразу понял, как к этому относиться. В конце концов, какие у него права, он же голограмма. Но это переходило все границы: мало того, что своими собственными пальцами он не мог ухватить монету, так ещё и пальцев-то как таковых у него не было! Отсутствовали также руки, ноги и прочие части тела. Точнее, их не было видно.

Не может быть, чтобы Филх сэкономил на видимости: предупредить своего двойника об опасности, будучи невидимым, – утопия! Оставалась маленькая надежда – голос. Да, да, он будет голосом, ходячим голосом без тела, без носителя, как вам угодно, голосом совести, голосом, звучащим во тьме... Сэм попытался что-то сказать, но из его невидимых лёгких не

вырвалось ни звука – человек, к которому он для пробы обратился, его не услышал.

Отлично! Он ещё и нем как рыба!

Сэм предположил, что это временные технические трудности, связанные с перелётом, но на всякий случай сказал громко, так, чтобы Филх услышал и принял меры:

– Я невидим!

Он огляделся вокруг. Это и вправду был тёмный и совершенно безлюдный закуток. Сэм пошёл вперёд, желая как можно быстрее сориентироваться в обстановке тридцатилетней давности и найти своё альтер-эго. По его собственным расчётам астронавт Сэм Ричардс должен был вот-вот выйти на центральную площадь. Он прекрасно помнил, что некоторое время слонялся без дела, ожидая Роберта Лоуренса, прежде чем вместе с ним отправиться в марсианскую пещеру.

Сэм поднял глаза, увидел жемчужно-розовое небо сквозь прозрачную крышу купола, и у него снова, как когда-то тридцать лет назад, захватило дух от этого зрелища. Что не говори, ясность в тот день была сногшибательная. Когда он вдоволь налюбовался марсианскими красотами и стал рассматривать спешащих по своим делам людей, то заметил невдалеке астронавта в униформе. Тот, задрвав голову, разглядывал небо так же, как это делал Сэм всего минуту назад. Ошибки быть не могло: это он, его двойник.

Сэм не на шутку разволновался. Пора действовать, а он до сих пор оставался невидимым. Сквозь него, как ни в чём не бывало, проходили люди.

– Сделай что-нибудь, а то я всё ещё невидим! – сказал он Филху как можно громче. – И к тому же неслышим! Добавь энергии, объект в радиусе досягаемости!

Неизвестно, услышал его доктор или нет, но, подняв руки к лицу, Сэм увидел, что они сначала слабо замерцали, потом от локтей до кончиков пальцев прокатились молнии электрических разрядов. После этого видимость снова сошла на нет.

Тем временем, другой Сэм Ричардс встретился со своим напарником, и вскоре они, облачённые в скафандры, направились к выходным люкам. Вдалеке их поджидал WR-39. Сэму стало окончательно ясно, что эксперимент провалился. Пользуясь своей невидимостью и неуязвимостью, он выбежал из купола вслед за «объектом» и его спутниками, взобрался на ближайшую скалу и стал смотреть им вслед. Они медленно брели в лучах марсианского солнца, оставляя позади себя длинные тени и клубы красноватой пыли.

Вдруг кто-то схватил Сэма за руку. От неожиданности он вздрогнул, но сразу догадался, что это Филх, и настала пора возвращаться. Доктор отключил его от аппаратуры и снял шлем. У Сэма вдруг разболелась голова. Перед глазами поплыл Филх с шлемом в руках, вся их полевая лаборатория завертелась мельничным колесом, в ушах зазвенело, и он потерял сознание.

Очнулся оттого, что Филх хлопал его по щекам и брызгал водой в лицо.

– Ну, очухался... Как ты?

– Голова побаливает, и в глазах резь... – ответил Сэм. Он принял из рук доктора стакан с водой и сделал несколько глотков. – А там... там я был совершенно невидим. Я говорил тебе об этом, несколько раз...

– Я слышал. Добавлял энергии, но это не помогло. Ну, рассказывай про прошлое!

– Я встретил себя и Лоуренса. Но ничего не мог сделать... Что теперь? – спросил Сэм.

– Попытаемся извлечь уроки. Кроме твоей недееспособности, всё прошло идеально. Значит, я не ошибся с расчётами, и моя теория получила подтверждение по основным позициям. Кое-чему я несказанно рад... – Филх не мог сдержать счастливой улыбки.

– Чему же? – Сэм посмотрел на него с интересом.

– Я на пути к человеку-невидимке! Я ведь работал над этим раньше. Правда, не так много, как над прибором времени. Осталось понять, как это удалось. Этим мы убьём сразу двух зайцев – научимся делать голограмму видимой в другом времени и невидимой – в нашем! Я буду использовать этот же прибор! Сможем выкрадывать из музеев всё, что ни захочешь! И всё, что захочешь! Кстати, известный научный ляп в литературе: человек-невидимка должен был быть слепым из-за невозможности поглощения световых волн прозрачными молекулами родопсина. Но только не мой человек! Мой человек-невидимка – совершенно другой случай!..

Филх и вправду радовался как ребёнок, получивший новую игрушку, а Сэму почему-то в этот миг стало ужасно одиноко. Ему было жаль – себя, своего двойника в оранжевом скафандре, угрюмого Лоуренса, не ведающего, что идёт на смерть. И всё это – помноженное на бесконечность. Это как проклятие, посланное свыше, но за что? За какую провинность? Пора, пора положить этому конец.

– Теперь мне будет, чем заняться до следующего раза! – продолжал ликовать Филх. – Сэм, ты ещё не отказался от этой затеи? – внимательно посмотрев в глаза другу, спросил он.

– Нет, это же единственный мой шанс всё исправить, – ответил Сэм.

Филх вздохнул.

Снова началось томительное ожидание – для Сэма, но не для Филха. Доктор рачительно использовал каждую минуту. Он усовершенствовал антенну, благодаря чему получил возможность распознавать временные слои задолго до пересечения с ними. Также ему удалось найти некое подобие закономерности в их появлении. Он больше не говорил, что время – это река, но изрёк однажды, что оно «по своей топологии скорее напоминает клубок шерстяных ниток, намотанных крайне небрежно».

Вооружившись всеми этими новшествами, друзья продолжали ждать, но теперь «гость» не мог застать их врасплох, как было в предыдущий раз. Теперь они заранее знали, что ближайшие две недели, например, могут спать спокойно.

И вот по прошествии трёх месяцев на горизонте их ожиданий слабой звёздочкой засияла надежда. Временной слой, который вскоре должен был пересечься с их действительностью, отстоял по времени чуть более чем на тридцать лет, точнее – на тридцать лет и шесть месяцев. В иные времена они с негодованием откинули бы мысль о путешествии, которое продержало бы Сэма на чужбине полгода до желанной встречи с двойником. Но, увы, в свете новых открытий грядущая петля представлялась им оазисом в пустыне, потому что после неё обещалось затишье на долгое время.

Так или иначе, Филх был против. Не сможет Сэм усидеть в кресле столь долгое время, дожидаясь своего двойника. Конечно, его голограмме не возбранялось искать встречи с «объектом» до наступления рокового дня, но вероятность того, что «объект» находился на Марсе в это время, была ничтожно мала. А говорить о том, что экономически неосуществимо поддерживать голограмму в течение столь длительного времени из-за трат энергии, вообще излишне, так как это понятно всем и каждому.

Тем не менее, всё внимание сосредоточилось теперь на «перспективном» временном слое, по мере приближения которого выявлялись и другие неблагоприятные его характеристики. Открылось, например, что угол пересечения с ним был куда больше 90 градусов, установленных доктором как крайний предел.

– Это означает следующее, – говорил Филх. – Мы сможем послать голограмму, но очень скоро «гостевой» слой удалится от нашего на непреодолимое расстояние. Как следствие, мы не сможем поддерживать с ним связь, и твоё пребывание там закончится.

– Я полечу, – вдруг сказал Сэм. – Я сам, а не моя голограмма. И на этот раз я постараюсь довести дело до конца.

– Но...

– Никаких «но». Готовь аппаратуру, – решительно сказал Сэм, и в его голосе послышались железные нотки.

– Хорошо, – сказал Филх примирительно. – Но всё-таки... Как?! Как, чёрт возьми, ты собираешься жить там – без денег, без средств к существованию. Наши карточки ничего там не значат! Без всего... Без жилья! Ты знаешь, социальные службы вычислят тебя за считанные деньки, как бы ты ни маскировался.

– И всё же я попробую. У любого человека, даже бездомного, есть права. Я воспользуюсь этими правами и буду прозябать на Марсе, пока не выполню свою миссию. И у меня есть ещё одна существенная причина... Сколько, по-твоему, мне осталось? Вот, то-то же. Я просто не доживу до следующего благоприятного случая. Мне нечего терять. Кроме тебя, конечно.

– Но с этой потерей ты готов смириться... – обиженно промолвил Филх.

– Нет дружище, ты не понял, ты у меня есть. У меня нет самого себя. Судьба обошлась со мной несправедливо, я должен всё исправить.

– Судьба... – насмешливо протянул Филх. – А я, глупец, благодарил какую-то другую, видимо, судьбу, что встретил тебя. Это тоже достойная судьба. По крайней мере, для меня. Где я был бы, если бы не ты?

– Там же, где и сейчас.

– Так ли? Понимаешь, я всё бодрячком, бодрячком... Но ты даже не догадываешься, каково мне было, пока я не встретил тебя. Может, это тоже кое-что значит, а, Сэм?

Подготовка к путешествию занимала теперь всё свободное время. Сэм покупал то, что могло представлять хоть какую-то ценность тридцать лет назад, а, следовательно, могло помочь ему продержаться в прошлом. С этим он вполне преуспел.

Филх что-то неистово мастерил, пренебрегая сном и отдыхом.

– Это усилитель сигналов времени. Своего рода метка. С помощью одного устройства мы пометим мир, в который ты отправишься, и тем самым увеличим вероятность его обнаружения. Если я успею усовершенствовать свою машину, то как только ты включишь усилитель, я засеку сигнал и заберу тебя из прошлого. Так что ещё, может, свидимся! – ободряюще говорил он. – И кто знает, может пока ты не будешь меня отвлекать, я, наконец, изобрету кое-что похлеще, и уже не стану ждать у моря погоды! Захочу – к древним египтянам, захочу – к динозаврам! А захочу... Ну, не важно.

А однажды Филх принёс в гостиничный номер огромную сумку.

– Вот, – сказал он гордо. – Скафандр. Немного подержанный, но в отличном состоянии!

И в самом деле, это был аккуратнейшим образом сложенный космический скафандр облегчённой конфигурации. Сэм не мог сдержать удивления:

– А скафандр на что?

– Тебе понадобится. Или ты уже передумал лететь в прошлое? Голограмме, оно понятно, скафандр ни к чему, чего не скажешь о живом человеке, чувствительном к

всевозможным излучениям.

Наконец настал долгожданный час. Сэм надел скафандр и взял с собой усилитель сигналов, изобретённый, но пока не запатентованный доктором.

Филх совсем сник. Он выглядел несчастным и осиротевшим.

– Но ведь этим ты не изменишь *свою* жизнь, – привёл он свой обычный довод, так, на всякий случай.

– Ещё как изменю. Она наконец-то приобретёт смысл.

– Ты неисправимый романтик.

– От романтика слышу, – улыбнулся Сэм и спохватился: – Филх, ты не забыл, что я тебя попросил сделать?.. Ну, если придётся...

– Нет, я помню, не волнуйся. Ты это хорошо придумал, но сначала я проверю твой чип. Досконально!

– Я понял. Но смотри, будь осторожен, пальцев-то у тебя не так много осталось...

– Не волнуйся, дружище. Всё записано в истории: 5748-й – это легенда! Хорошо, что ты спёр тот куб, я бы никогда не догадался!

– Ты сделал бы его сам, а мне не хотелось тебя утруждать...

Друзья прощались навсегда, но всё-таки не оставляли надежду когда-нибудь свидеться. Напоследок, перед самым отлётом, Филх сказал Сэму:

– Помнишь, я тебе рассказывал про того, кто всегда опережает меня в моих экспериментах с безвременьем? Про моего соперника? Это не умпомешательство. Он реален. Какую мощь он демонстрирует!.. Как будто дразнит, вызывает на бой. А недавно, кажется, я получил от него сообщение. Оно закодировано, и у меня пока не было возможности вплотную заняться его расшифровкой, хотя я непревзойдённый мастер криптографии! Я успел выяснить, что все слова зашифрованы по-разному. Мне поддалось только последнее: *tempus!* Время! Он хотел сказать мне что-то про время! Возможно, я стою на пороге величайшего открытия всех времён и народов! А сейчас я всё думаю о том, кто бы это мог быть. И пришёл к некоему промежуточному выводу... Это демон безвременья, запущенный самой природой. Ты, возможно, опять обвинишь меня в излишней впечатлительности, не присущей учёному, но...

– Уж не полагаешь ли ты, что это... – внезапная догадка осенила Сэма.

– Да, да, она самая. Быстрая, неожиданная, беспощадная. Вырывающая нас из реки жизни. Аккуратно, поимённо, по списку.. Нет, я не претендую на истину, но в последнее время я стал всё чаще задумываться. Но многое сходится... – доктор склонил голову и прижал ладонь ко лбу. – Что-то я совсем расклеился...

Прибор оповестил о том, что «гость» находится совсем близко, а стало быть – пора. Доктор запустил демона, и через некоторое время в центре комнаты появилась тёмная бесформенная точка, кусочек неизвестной субстанции или, наоборот, отсутствия всяких субстанций вообще, готовая втянуть в себя всё, что совсем недавно или скоро, а особенно сейчас.

4. Бродяга

Насели на хвост далеко не сразу. Он был не единственным бродягой на бескрайних марсианских просторах, к тому же долгое время выглядел респектабельно и снимал комнату в недорогом отеле. Но всё хорошее когда-то заканчивается. С некоторых пор ему приходилось спасаться от многочисленных социальных работников, которые так и норовили улучшить его жизнь со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая депортацию на Землю. А это не входило в планы Сэма.

Игра в прятки утомила его. Скрываться от служб в столь ограниченном пространстве, которое представляло собой людское поселение на Марсе в 2050 году (это был комплекс из шести однотипных куполов или «пузырей» с подземными переходами между ними), было совсем не просто.

В первые же дни пребывания в прошлом Сэм побеспокоился о своём, так сказать, безличии. Иного выхода не было. Он начисто стёр дактилоскопический рисунок с пальцев. Причём сделал это так топорно (или искусно, что в данном случае одно и то же, так как соответствовало его намерениям), что по всем признакам это походило на результат несчастного случая. Да, было больно, ну и что с того? От этой операции его пальцы покрылись отвратительными, царапающими шрамами. Целый месяц Сэм ходил с забинтованными руками – бинты быстро пачкались и выглядели неаккуратно, но с этим пришлось смириться – у него не было денег, чтобы каждый раз покупать новые. А слишком часто бывать в медпункте, как и в любом другом общественном месте, ему казалось опрометчивым: важно было не примелькаться.

Намного проще и безопаснее было сделать эту операцию в своём времени, но тогда подобная мысль не приходила ему в голову, а если и приходила, то быстро улетучивалась. Сейчас он понял, что такое легкомыслие не имело под собой оснований. Так или иначе, его биометрические параметры были прямой наводкой на «другого Сэма». А чего нельзя было допустить, того нельзя было.

Скафандр и усилитель сигналов времени Сэм сдал в камеру хранения сразу по прибытии. И то, и другое олицетворяло его надежду когда-нибудь вернуться в своё время, к Филху, способному позаботиться о нём на старости лет.

Не будет лишним заметить, что по прошествии шести месяцев от респектабельности в наружности Сэма не осталось и следа. Выглядел он весьма плачевно. Руки в каких-то грязных бинтах, неопрятная одежда, длинные свисающие пряди – это полбеда. Самым печальным в его облике было отсутствие правой ноги до колена.

О потере ноги, то есть протеза, стоит рассказать подробнее.

Что скрывать, настал день, когда Сэму было нечем позавтракать, не говоря уж о том, чтобы оплатить гостиничный номер – он и так давно уже скитался по туалетам и тёмным закоулкам. И тогда он обратился к обществу таких же неприкаянных, каким был сам. Вот где пригодилось его логическое мышление и натренированная, хоть и ослабленная старостью, память. Сэм стал играть в азартные игры и преуспел. Благодаря выигрышам он держался на плаву некоторое время, пока приятели-картёжники не объединились и не обобрали его до нитки. Желая отыграться, он, к всеобщему ликованию, поставил на кон свой протез – единственную оставшуюся у него ценность. Кое-кто из новых знакомых, а именно молодой парень по имени Матеуш Новак, отговаривал его от этой дурной затеи, но напрасно. Сэм

был уверен в победе, однако проиграл. С тех пор он передвигался на алюминиевых костылях, которые ему раздобыли всё те же приятели. Играть Сэм не бросил – как-никак, это был единственный источник его доходов, но урок пошёл ему на пользу. Отныне он был настолько любезен, что позволял себя обыгрывать – не всегда, но время от времени.

В своих скитаниях Сэм забрёл однажды в маленькую церковь, обустроенную в четвёртом куполе. Он и не подозревал о существовании на Марсе прихода для верующих. Церквушка была сверх всякой меры стерильна, ненатуральна, как будто только что сошла с конвейера. Да и прихожан, по всей видимости, кот наплакал. Зато пастырь казался истинным слугой господи. Сэм нашёл тут если не веру, то хотя бы покой и сострадание. Он много разговаривал с отцом Александром, в основном их беседы заканчивались спором, в конце которого Сэм, возмущённый спокойствием и бесстрастностью духовника, разворачивался и уходил. Но всегда возвращался. Ему всё равно нравилось это место.

Сэм размышлял о превратностях судьбы, вспоминая свой «последний день». Тогда он не прислушался ни к одному из знамений, а ведь их было немало: приближающаяся буря, обвал грунта под ногами... Однажды он поговорил о знаках судьбы с Александром. В ответ священник протянул ему маленький бронзовый крестик. Сэм удивился, но принял дар с поклоном. Изображение на крестике было почти стёрто, настолько он был старым.

...

Наконец, наступил день, ради которого всё и затевалось, 14 февраля 2050 года. Видок у Сэма был ещё тот, но это можно было исправить. Он собирался попросить у Александра чистую одежду. А чтобы «объект» случайно не признал в нём самого себя, залепил левый глаз медицинским пластырем. Когда Сэм всматривался в своё отражение, решая, как отнестись к возникшему контрасту белоснежного пластыря с потёртой физиономией, то заметил в зеркало приближающихся с двух сторон людей в серой форменной одежде. «Приехали», – почему-то равнодушно подумал он.

Сэм знал, что за ним следили, но всегда был очень осторожен. Предпочитал находиться на виду, в людных местах. Этим он обеспечивал себе алиби, которое могло пригодиться ему при известных обстоятельствах, и успокаивал бдительность так называемых социальных служб.

Они шли быстро, и у него не было возможности убежать или незаметно смешаться с толпой. В утренний час под куполом малолюдно. С того места, где он стоял, Сэму был виден пепельный лоскут неба, которое только расцветало, чтобы чуть позже налиться дивной жемчужной розовостью...

...двое «серых» демонстративно вежливо попросили его следовать за ними, но когда он отказался, забрали костыли, схватили за руки и повели насильно. Сэм решил не сдаваться без боя, начал вырываться и поднимать шум:

– Отпустите, я же никому не мешаю! Прошу вас... Ведь скоро меня уже здесь не будет...

– И то верно, – ухмыльнулся здоровенный рыжий детина двухметрового роста.

– Вы не понимаете, это очень важно... Я бывший астронавт... Я почти киборг... – Сэм едва понимал, что бормочет.

– Ага, – устало согласился второй, даже не моргнув мутными водянистыми глазами навывкате. В противоположность первому он был тощ, как сушёная вобла. – Среди нас завелась важная птица. В приёмник тебя, киборга, к остальным киборгам.

Сзади подошёл третий, которого Сэм не мог видеть, и сунул электрошокер под самые

рёбра. Сэм чуть не потерял сознание от резкой боли и упал бы, если бы его не держали.

Они долго петляли по узким белым коридорчикам, потом спускались на бесшумном скоростном лифте. Сэму казалось, что в преисподнюю.

– Как бы копыта не откинул, – сказал усталый, безразличный голос.

– Ничего, сейчас приведём его в чувство! – хмыкнул детина.

Приёмник представлял собой небольшую комнату с белыми стенами, полом и потолком. Посреди комнаты стоял стол, за которым восседал их старший. Сэму сунули под нос нашатырь и усадили на низенький и неудобный стул с подлокотниками, стоящий прямо перед столом.

– Привели этого праздношатающегося, – доложили «серые» и отошли в сторонку.

Старший вышел из-за стола и подошёл вплотную к Сэму, глядя на него сверху вниз, как на опасное и отвратительное насекомое.

– Документы у вас имеются? – наконец спросил он.

– Нет, сэр, простите, утеряны... Почему меня привели? Я ничего не нарушал, – жалобно сказал Сэм.

– Снимайте показатели. Установим личность и отправим на Землю, – распорядился он, полагая, что на этом его работа закончена. – Шляются тут...

– Посмотрите-ка на его ручки, – весело сказал детина и, грубо схватив Сэма за руку, вывернул её ладонью кверху. Сэм только сжал зубы от боли.

Биопоказатели сняли тут же, не сходя с места. Старший довольно хрюкнул, предвкушая удовольствие:

– Думаете, стёрли отпечатки, так и не узнаем, кто вы? Наивно, право...

«Пропал я», – думал Сэм. Мыслишка эта билась в его черепной коробке, как птица, попавшая в западню.

Ответ на запрос пришёл через пять минут, но совсем не тот, которого они ожидали. Старший вытянулся по струнке, а с экрана его монитора донёсся недовольный голос, то и дело срывающийся на визг:

– Вы уже астронавтов депортировать с Марса собираетесь? Может, лучше вас всех разогнать к чёртовой матери, а?! Астронавт Сэм Ричардс... – голос начал перечислять заслуги Сэма. Когда он остановился, «старший» дребезжаще произнёс:

– Но это... это... вряд ли... Он какой-то грязный...

– А астронавты всегда чистые? Как вы, бездельники, дармоеды? Извиниться перед героем немедленно! Олухи царя небесного...

Экран погас. Старший опустил в кресло, будто он был шариком, из которого выпустили воздух.

– Эй, вы... – обратился он к своим помощникам, переминающимся с ноги на ногу.

– Да какой он астронавт... – начал было детина.

– Может, ещё раз снять биопоказатели, – предложил тот, что был похож на сушёную воблу.

– Не наше дело! Отвести туда, где он был, отряхнуть пыль, извиниться! Или... вот что... – Старший посмотрел на Сэма: – Что же вы, отец... Давайте вас, что ли, в клинику направим, в шестом куполе? Там о вас позаботятся, а то ведь за бродягу вас приняли...

В эту минуту в комнату вошёл высокий стройный человек в длинной чёрной сутане. Это был отец Александр.

– Уважаемые, – смиренно, с поклоном обратился он к людям в сером. – Этот человек, –

он показал на Сэма, – работает при церкви. Я могу за него поручиться. Он бывший астронавт, но сейчас не у дел. Прошу вас...

– Святой отец, знаем, знаем, ошиблись, с кем не бывает. По внешности судили. Приносим глубочайшие извинения вам и вашему подопечному. То есть, вам, – теперь он уже обращался к Сэму, – и вашему духовнику!

Сэму вернули костыли, помогли подняться со стула, проводили до лифта, не прекращая извиняться.

– Спасибо, Александр, что поспешил на помощь, – поблагодарил Сэм священника, когда они вдвоём поднимались на лифте. – Но как ты узнал?

– На то и друзья, чтоб помогать, – скромно ответил Александр, поглаживая бороду. – А как узнал... Тебе есть, кого благодарить за это кроме меня. Один из твоих дружков, с которыми ты прожигаешь свою жизнь, оказался не так уж плох. Увидел, что тебя забрали эти люди, и тотчас прибежал ко мне.

– Матеуш Новак... – задумчиво проговорил Сэм.

– Да, Матеуш. Он сказал, что тебя могут депортировать на Землю, а тебе никак нельзя покидать Марс, пока ты не сделаешь кое-что важное. Кстати, что это за важное такое?

– Извини, но пока я не могу ничего рассказать. Скажу лишь, что это во имя добра. Прошу, не сомневайся в этом. А сейчас я очень спешу.

– Я могу помочь? – спросил священник.

– Ты уже помог. Теперь я должен помочь себе сам.

Итак, он вновь обрёл свободу. Невероятное везение проявилось в том, что в своей пылкой речи его невидимый заступник из чиновничьего аппарата не упомянул о возрасте астронавта Сэма Ричардса. Да, в этот раз удача была на его стороне. Но как верёвочке не виться, правда всё равно откроется.

У Сэма оставалось несколько минут, чтобы предупредить своего двойника. Он боялся, что уже поздно. Из головы вылетели все те слова, которыми он собирался произвести на «другого Сэма» должное впечатление и убедить его не ходить в злополучную пещеру или хотя бы проявить максимальную осторожность. Но самое главное... Сэм достал из-за пазухи мягкую, пластиковую фотографию. Он хранил её у себя более двадцати лет, но она нисколько не потускнела. Это была копия другой фотографии, в своё время «улики №1» против меллов. Не так-то просто было найти её даже тогда, давно, когда произошли все эти события. На фотографии был погибший на Европе, под ледяным завалом, парень. Как его? Кажется, Анджей. Фамилия то ли польская, то ли чешская – Пановски. А рядом – странное большеглазое существо, мелл. Именно эта фотография, наряду с результатами обследований найденных тел, будет фигурировать как главная улика в постыдном деле против меллов.

Сэм вышел на центральную площадь и стал с пристрастием разглядывать прохожих. Зрение в последнее время всё чаще подводило его, поэтому приходилось шуриться, чтобы ни в коем случае не пропустить «того самого парня, который, может и похож на меня, но на самом деле мной не является». Сэму как обычно нездоровилось, а от всего случившегося за день и вовсе било крупной дрожью. Наконец он увидел своего двойника. Лихорадка и слабое зрение продолжали шутить с ним злые шутки, и ему показалось, что «другой Сэм» передвигается в неясном тумане, медленно, плавно, с трудом преодолевая густую субстанцию, сковывающую его движения.

В ладони Сэм зачем-то сжимал тот самый крестик, который подарил ему Александр, и

фотографию. Он без труда нагнал астронавта и позвал:

– Сэм... Сэм Ричардс! Пстой!

Но двойник продолжал неспешно «плыть». Тогда Сэм изловчился и, рискуя быть непонятым, схватил астронавта за руку.

– Стой, стой...

«Объект» остановился и наконец-то посмотрел на Сэма. В его взгляде скользила жалость и... неприязнь. От сознания этого Сэма как током дёрнуло. Он понимал, что ему нужно во что бы то ни стало удержать внимание астронавта. А это было не так просто.

– В пещере будет обвал... Я скажу тебе... я знаю... держись поближе к краю, жмись вправо... Пыль, красная пыль, она всюду, нет спасения... – продолжал лепетать он, с трудом подыскивая нужные слова.

Астронавт достал из кармана несколько монет и протянул Сэму. Тот схватил деньги, не думая, и успел вложить своему двойнику в руку маленький бронзовый крестик. Да! Пусть он сыграет роль того самого знака, которого, быть может, не хватило Сэму в тот злопамятный день.

– У меня было видение, – соврал Сэм, – я тебя узнал... Помни, держись правой стороны... – он подошёл к астронавту очень близко, так, чтобы ни одна живая душа не услышала их разговор. – А лучше: не ходи вовсе. Поверь, так будет лучше *всем*.

Астронавт положил крестик в нагрудный карман куртки. Теперь в его взгляде появилось любопытство и – Сэм готов был отдать руку на отсечение! – узнавание. А вот этого допустить было никак нельзя.

– Помни, что я сказал! Иначе сегодняшний день может стать твоим последним днём. И последним днём Роберта Лоуренса, – добавил он тихо, но вдруг по-старчески нервно встрепенулся и горячо продолжил: – Но это ещё не всё. Есть кое-что поважнее. Поважнее твоей жизни и смерти. И только ты можешь это исправить. Запомни: меллы, целый народ Европы будет истреблён, если ты не вмешаешься. Вот, держи, – Сэм отдал фотографию. – Это будет фигурировать как главная улика против меллов, и, как враждебных существ, их уничтожат – всех до единого, кроме тех «счастливицков», которых заберут для опытов. Запомни: они просто защищались, как защищался бы ты или я или любой другой человек или народ против нашествия узурпаторов. Ты должен сделать так, чтобы эта фотография никогда не была сделана, – сказал Сэм и заковылял прочь, быстро, как только мог.

Теперь оставалось затаиться и ждать. Худшее он узнает из новостей на следующий день. Что ж, у него хватит духу выдержать этот удар. А если всё-таки удалось изменить судьбу «другого Сэма», значит, не зря он прожил свою жизнь. Но для непосвящённых, к числу которых относились новостные агентства, благополучно завершённая экспедиция в пещеру – всего лишь будни, нанизанные на нитку повседневности. Об этом также сообщат в марсианских новостях, но мимоходом.

Сэм обосновался в самом укромном из всех известных ему уголков. До этого он позавтракал на деньги, которые дал ему двойник, мысленно воздавая хвалу присущей им, Сэмам Ричардсам, доброте. Теперь он дремал, время от времени поглядывая на часы и прислушиваясь к новостям. Передали, что прогнозируемая к ночи буря по своей силе превзойдёт все ожидания. Потом – что буря разыграется намного раньше, чем предполагалось, поэтому все работы на открытом воздухе сворачиваются до времени. Про двух астронавтов никто и не вспоминал. Никто, кроме Сэма. Если они спасутся от обрушения свода в пещере, то не минуют бури. Сколько же препон устроила им судьба в этот

день! Вот это запас прочности, вот это взаимозаменяемость невзгод!

Наступил вечер. Сэм больше не мог находиться в полудремотном состоянии и покинул своё безопасное место. Зловещие предчувствия доводили его до безумия. Если так трудно изменить судьбу одного-единственного человека, то что говорить о двух и более... Мог ли он надеяться, что его двойник выйдет из этой заварушки цел и невредим? А что ждёт Лоуренса? Сэм почти не помнил его лица и не мог поверить, что когда-то увидит его снова, а это значит...

...кто-то схватил его за плечо. Сэм вздрогнул и повернулся. Перед ним стоял его двойник. Лицо астронавта было преисполнено благодарности, а с губ вот-вот должно было сорваться «спасибо», но... Сколько затаённой горечи читалось во взгляде... А это значит... Лоуренс мёртв, по-прежнему мёртв.

Как будто в опровержение его мыслей, из-за спины «другого Сэма» показалась угрюмая физиономия Роберта Лоуренса. Сэм, не в силах справиться с грудой непонятных, навалившихся на него мыслей и чувств, поспешил уйти. К чему слова? Он не просто уходил, он спасался бегством, ежесекундно озираясь на Лоуренса.

– Судьба настигнет, всё равно настигнет... Как обмануть? Филх знает. Он всё знает, – шептал он.

Требовалось осмыслить победу. Радости не было. Может быть, он уже не способен радоваться? Может быть, эта эмоция, как и многие другие, требует тренировки, навыка? Страх переполнял его – в этом всё дело. Страх мешал ему радоваться. Его глодали сомнения: а вдруг что не так? В этот раз они смогли обмануть злую судьбу, но не отомстит ли она, не возвратит ли всё на круги своя, не заставит ли плакать кровавыми слезами?

Когда Сэм добрался до церкви и, обессиленный, упал на скамью, ему пришлось успокоение и понимание того, что любая судьба лучше, чем его. И всё, что сделано – сделано правильно. С этой новой, блаженной мыслью он и уснул.

5. Майкл Роу

17 августа 2054 года, спутник Юпитера Европа. Аудиодневник Майкла Роу.

>>>> Раз, два, три... Итак, я начинаю. Это первая моя запись. На Земле сейчас лето, август. А здесь нет таких понятий, здесь вообще нет времени, по крайней мере, мне так иногда кажется. Одна сплошная вечность. Нетвременье... Лучшее – Безвременье. О, неплохо.

В чём тут дело – не пойму. Может быть, аура места такова? Возможно. Но скорее всего дело во мне. Для меня всё стягивается в одно-единственное мгновение, то, которым я и живу. Тут – я как будто на острие бытия, потому что живу не прошлым или будущим, а самым что ни на есть настоящим. Не подумайте, что я философ, это не так, хотя... Почему бы нет? В последнее время я часто размышляю. Размышляю вслух. Ну, и чтобы окончательно не свихнуться... Остриё бытия. Хм, классно сказано. И на этом острие бытия сейчас кроме меня находится ещё одно странное существо. Он (а может быть, она?) похож на огромную змею с лапами. Именно так *она* и выглядит. Оно вполне безобидно, но только для меня, потому что я в очень прочной металлической капсуле. Это подводная лодка, которую мы называем «Дональд». Ну а если по-научному, то «Europe Don 34-MXald». А зовут меня Майкл Роу. Представился. Хорошо, что не преставился. А ведь разница в одной букве... Ё! Ну у него и пасть! Я про то существо, что плавает вокруг моего батискафа. Держу пари, оно хочет меня съесть. Завтра узнаю, как оно называется – Эльза Беккер мне скажет, сама же и придумает. Только зачем на латинском? Потому что звучит намного круче? Europeanen Dicus Zubasticus?

(именно сегодня утром я решил начать аудиодневник... мне немного... не то чтобы страшно... мне немного *неточтобыстрашно? Неточтобыжутко?* Бодро я так начал, надо бы так и продолжить. Ладно: мне немного не по себе. Довольны? И после того, как я понял, что мне немного не по себе, я решил: аудиодневник. По крайней мере, могу разговаривать сам с собой и не считаться при этом психом. Тонны льда надо мной!..)

Лет десять назад я плюнул бы в лицо всякому, кто сказал бы мне, что я буду плавать в подлёдном океане одного из спутников Юпитера. И не знал я тогда, что есть такой спутник Юпитера – Европа, и уж совершенно точно не мечтал о чём-то подобном.

Наша космическая станция, называется красиво – Гало (это какая-то аббревиатура) – находится внутри многокилометрового слоя льда, покрывающего Европу.

...не завидую я всё-таки нашим предшественникам, которые бурили этот лёд, а уж о вложенных в это дело деньгах и подумать-то страшно.

Скажу умно: грандиозный проект МКА, Международного Космического Агентства, – изучение и освоение спутника Юпитера, далёкой и чарующей Европы, начался более двадцати лет назад. Конечно, и задолго до этого к Европе посылались космические аппараты: «Пионер»... И другие. А, ещё «Улисс» – помню, потому что не прочитал.

Европа скована льдом. Это известно уже очень давно. Если лёд долго-долго бурить, то можно добраться до океана, что наши предшественники (мы называем их первопроходцами) и сделали.

Скажу ещё умнее: формула жизни чудесным образом заложена в формуле воды, а, следовательно, вода в жидком состоянии является почти синонимом жизни.

Сейчас здесь, на Европе, семь человек: капитан Егор Донцов, исследователь Майкл Роу (я), исследователь Эстер Годэн, экзобиолог и океанолог Эльза Беккер, инженер Сэм

Ричардс, врач и учёный-климатолог Кристина Белова, компьютерщик Крис Ковач.

Краткая предыстория.

Кому не хочется слушать мой бред – краткая предыстория и прочее – смело прокручивайте вперёд.

Но я настаиваю: краткая предыстория.

В 2040 к Юпитеру был послан косморобот, перед которым стояли задачи: измерить радиацию, выпустить зонд в атмосферу и другие исследования. Это была своего рода пробная ходка. А в это время проектировался двигатель, способный как можно быстрее донести оборудование для бурения льда на поверхность Европы, разрабатывалась надёжная защита от радиации, создавались гидроботы для спуска в подлёдный океан... Но, как всегда, очень нужен был человек-первопроходец, смельчак, спаситель мира почти что. И не один. Поэтому готовился специальный отряд астронавтов. Всё это было чрезвычайно секретно, даже сами астронавты не были посвящены во все подробности этого дела, до поры до времени, конечно. Самая первая «Экспедиция» на Европу – это уже история космонавтики; наша команда пришла следом, можно сказать, на всё готовенькое.

Что касается меня, тогда я был особенно далёк от космоса, поскольку просто занимался дайвингом, дельтапланеризмом, горнолыжным спортом. Преимущественно, конечно, дайвингом. Я побывал во многих точках мира. И, видимо, чего-то достиг, так как однажды раздался звонок, и таинственный голос назначил мне встречу, на которой обещался сделать интересное предложение. Гм. Бояться мне было нечего, врагов я не нашёл за свою короткую двадцативосьмилетнюю жизнь, но всё-таки жутковато было усаживаться в чёрный правительственный автомобиль с непроницаемыми стёклами. К счастью для меня, это было не чем иным, как началом новых приключений на грани фантастики: меня пригласили в отряд астронавтов. Но когда и где, а главное, чем я это заслужил? Ведь я был одним из многих успешных аквалангистов. Да, принимал участие во многих научных экспедициях, но не как учёный, а как практик. Поразмыслив, я уверился в том, что этим я обязан произошедшим со мной случаям невероятного везения. Ни дать, ни взять, ангел был у меня за спиной, иначе трудно предположить причину, по которой я выжил один раз в глубоководной впадине, другой раз, когда подвергся нападению акул. В обоих случаях провидение было ко мне благосклонно, да и сам я не позволял себе падать духом.

Предложение и вправду оказалось исключительно интересным.

Трудно представить, сколько всего нового я узнал и испытал с тех пор, как, во-первых, попал в отряд астронавтов, а, во-вторых, ступил на борт корабля «Экспедиция-2». Чего только стоят два месяца полёта по направлению к Юпитеру, большую часть которых, к моему личному сожалению, следовало провести, будучи погружённым в искусственный сон, в то время как нашу космическую шхуну безжалостно швыряло в гравитационных волнах межзвёздного эфира. Никто и никогда не видел ни этих волн, ни, тем более, эфира, но именно благодаря их существованию стало возможным создание учёными гравитационного двигателя, способного домчать нас к далёким орбитам солнечной системы, шутка сказать, всего за каких-то пару месяцев.

Работёнка эта по мне. Подводные миры и всё такое... Не хватает, правда, аквалангов. Из подводного снаряжения мы располагаем только вот этими полуавтоматическими батискафами, «Дональдами», у нас их два, парой автоматических гидроботов для исследования особо опасных и глубоких мест, а также у нас есть торпеды. Чего-чего, а этих

малышек у нас хватает, сколько их – секрет, и как ими управлять – тоже. В случае свирепой необходимости у нас есть инструкция связываться с МКА. А вот аквалангов пока нет. Говорят, что обычный земной акваланг не подходит, так как у него защита не та, в первую очередь от «возможного контакта» с представителями неземной флоры и фауны. От себя хочу добавить, что контакт этот ещё как возможен, и у меня было достаточно времени, чтобы убедиться в этом.

Два слова о радиации. Юпитер рядом, снаружи всё зашкаливает, хотя наши ребята регулярно снимают показания датчиков, расположенных на поверхности в радиусе нескольких километров, но при этом латы на них будь здоров навешаны, средневековые рыцари отдыхают.

Атмосфера на Европе минимальна, если не сказать условна. Низенькие, жутковатые метановые облачка, которые лишь счётное количество раз освещал яркий свет космических кораблей землян. И тогда они походили на голубоватую призрачную дымку. Иногда моросят колючим метановым дождём. Метаново-аммиачные зеркала лужиц дополняют этот поистине минималистический пейзаж европейской поверхности. Я и снаружи был не раз, я знаю, о чём говорю.

Вода же океанская почти как наша, только соли в ней ещё больше. Чистая и прозрачная. Одним из первых исследований, проведённых роботами на Европе, было определение химического состава атмосферы, льда и воды. Вердикт таков: дышать нельзя, пить можно, но только после соответствующей обработки, разумеется.

Европа мала, и, наверное, просто не в состоянии удержать сколько-нибудь значимую атмосферу. А ещё я иногда думаю, что в некотором смысле маленькой планете – мне нравится называть Европу планетой – «повезло», что находится она достаточно далеко от Солнца, благодаря чему сумела сохранить свой океан за толстым слоем льда. Горячее металлическое ядро способствовало зарождению жизни много миллионов лет назад. Подобно тому, что жидкая вода является катализатором жизни, вода в твёрдом состоянии является защитником жизни. И даже от инфракрасной радиации Юпитера! Здорово, правда? Так что поторопились бы там, на Земле, с аквалангами для нас.

Иногда я говорю самому себе, занимайся-ка, Майкл, своим делом, борозди просторы океана в батискафе, а об атмосфере и прочих премудростях пусть рассуждают учёные.

Хотя мне действительно не хватает акваланга, но я понимаю, что даже этот *Dicus Zubasticus* (а что, хорошее название я придумал) легко перекусил бы любым аквалангистом и даже не подавился бы. Это я понимаю. Хорошо, что он уплыл.

Здесь много гейзеров и есть даже подводные вулканы. Они изрыгают оранжевую лаву, которая застывает почти сразу, образуя причудливые изгибы. У подножий их копошится жизнь: флуоресцентные раковины европейских мидий, белые медузы, шевелящиеся красные и ядовито-зелёные анемоны, тумановидные обremosы. Глубина океана разная – на своём батискафе я не могу погружаться слишком глубоко. Но есть и так называемое мелководье. Сейчас я подробно исследую – метр за метром одно из таких неглубоких мест.

...заросли белых и жёлтых рифов. Мимо величественно проплывает – парит – стая гигантских зеркальных наутилоидей, между которыми иногда проскакивает электрическая молния. Семьи наутилусов всегда держатся вместе. Я думаю, это как-то связано с электричеством. Им есть от кого обороняться.

А вот кого здесь действительно много, так это морских змей. Больших и маленьких,

плоских, похожих на извивающиеся ленты, круглых и напоминающих гладкую прядь волос. Их расцветки впечатляют. Продольные и поперечные светящиеся полосы, яркие и непредсказуемые, как неоновая реклама. Встречаются даже удивительные пульсирующие создания.

Что ещё интересного? Есть в этом мире чемпион среди вулканов, названный Драконом. Огромен он невероятно для такой мизерной планетки, – ведь Европа меньше нашей Луны – и как только ему удалось вырасти до таких размеров, и что в нём поддерживает жизнь? Но поскольку это вулкан-загадка, сообщу лишь тот замечательный факт, что, по всей видимости, он является к тому же единственным островом на всех необъятных гладких просторах. Живым, изрыгающим время от времени, драконом.

Кстати, тут есть отливы и приливы, и во время отлива между льдом и водой образуется область пониженного давления, которая довольно-таки быстро заполняется, можно сказать, затягивается водой. Это может представлять определённую опасность для путешествующих на батискафе, например, быть резко втянутым в эту область. Столкновения со льдом тогда не избежать. У инженеров была масса причин, чтобы сделать батискафы сверхпрочными. <<<<

>>>> Раз, раз... На сегодня отснятого материала достаточно, возвращаюсь на базу...

Расскажу о тех, кто был тут до нас, это моя излюбленная тема. Имена этих ребят я знаю наизусть, они для меня настоящие герои. Джош Бир, Роберт Лоуренс, Герман Зотов, Аэра Холлингсворт, Керрио Винс, Янко Вукотич, Мэтью Дюбуа и Грэм Питерс. Всего восемь человек, восемь героев, и никто и никогда не сможет убедить меня в обратном. Они начали основывать колонию, пригодную для жизни, что было совсем не просто. Из восьми астронавтов на Землю вернулись лишь четверо, тайными героями. Они не были ни гидронавтами, ни экзобиологами, и, уж тем более, секретными агентами. Простые парни, крепкие и негибачаемые, надо ж было как-то заставить эти металлические громадины выполнять свою работу: бурить и плавить древний лёд насквозь. Надо было также выжить те три с половиной года, что выпали на их долю здесь. Пробурив лёд примерно на две трети вглубь, они повернули перпендикулярно и создали во льду огромный грот-пузырь, в который поместили модуль, пригодный для жизни, являющийся также нашей исследовательской лабораторией. Назвали этот уникальный модуль жизнеобеспечения более чем скромно – «Галактика». Это не просто наш дом на несколько лет, а дом со скрытыми, незадействованными возможностями: «Галактика» является к тому же ядерной подводной лодкой. Дело в том, что наша исследовательская деятельность подразумевает в перспективе большую мобильность, нежели чем передвижение в «Дональдах» с черепашьей скоростью. Да и планы учёных, пославших нас сюда, могут круто измениться.

Проект «Юпитер-Европа», несомненно, один из самых дорогостоящих в истории трат Земли на освоение космоса.

На Земле трудно представить такой «орешек с ядрышком», как Европа, потому что «скорлупка» представляет собой десятикилометровый нарост льда. Пролетая мысленным взором через эту древнюю толщу, вероятно, можно отсчитывать периоды нарастания льда, подобно тому, как мы узнаём возраст дерева по годичным кольцам. Такой лёд должен надёжно защищать людей от смертоносного излучения Юпитера. Но как говорят, на лёд надейся, а сам не плошай. Сделана дополнительная защита: тонкие свинцовые панели по

всей внутренней поверхности грота.

Над отверстием во льду, на поверхности, сооружён большой купол, Гало, каркас которого составил корпус огромной установки, использовавшейся ранее для бурения шахты. Вниз по шахте спускаются два скоростных лифта.

Также обеспечена теплоизоляция, насколько это возможно в таких нечеловеческих условиях, в достижении чего главную роль играла герметичность. Тепло в гроте никогда не было, самый, что ни на есть лютый мороз, но всё-таки не -150, -200, а хотя бы -10. У самой воды температура не должна опускаться ниже отметки -2 градуса по Цельсию.

От грота ведёт покатый туннель до воды, оборудованный лифтами, в том числе для спуска и подъёма батискафов и гидроботов. Он устроен с учётом возможных приливных течений. Один из «подъёмников» в два раза больше по размеру, чем требуется сейчас, так как в скором времени, с прибытием грузового космолёта, мы ожидаем получить плавательные средства более внушительных размеров.

Внутри обитаемого модуля есть всё, что необходимо для жизни. Конечно, пища сублимированная, зато воду мы берём прямо из океана, она подвергается очистке и опреснению. Это шаг вперёд по сравнению с недавним прошлым, когда вода с любой степенью загрязнения проходила повторную очистку и вновь употреблялась. Так приписывали инструкции – и это среди океана!

Кстати, одно из ближайших исследований – рыбалка с последующей дегустацией. Ха-ха! До сих пор мы не позволяли себе ничего подобного, несмотря на то, что доподлинно известно: первопроходцы рыбачили здесь, да ещё как! Как мы про это узнали? Очень просто: эти крутые парни не считали нужным наводить за собой идеальный порядок. У шлюза прямо-таки жуть что творилось – тут вам и рыбные останки, и обрывки каких-то сетей, и «приспособы», в духе «если у вас нет крючков, сделайте их из гвоздей, а если у вас нет и гвоздей, то сделайте их из костей».

Да и кто смог бы им запретить рыбачить, даже если бы и посмел? Мы – команда куда более посредственная, поэтому куда более дисциплинированная.

В модуле предусмотрена искусственная регулировка гравитации – ведь Европа даже меньше Луны. Есть у нас тренажёры и одна центрифуга. В кают-компани – целые заросли растений. Не они, конечно, главные производители кислорода. Пригодную для дыхания смесь газов производит специальная регулируемая установка. Всем нашим большим домом и Гало управляют электронные мозги... <<<<

>>>>...на сегодня я своё отплавал. Подвожу батискаф к огромному отверстию во льду, которое является воротами в наш, искусственно-созданный, земной мир, вынырываю из океана, проверяю показания приборов... И выхожу из батискафа.

Слово «ворота» я применил как в переносном, так и в прямом смысле. Огромный, круглый шлюз в океан обычно закрыт грубыми решётчатыми створками из металлических прутьев, похожими на ворота. Я бы даже сказал, подозрительно-кустарными створками. Кажется, они делались в спехе и чуть ли не из подручных материалов. Перед тем, как батискаф спускают на воду или, наоборот, поднимают, створки открываются. При этом если успевают намёрзнуть лёд, то вода от него очищается.

Я пробыл под водой около трёх часов, а теперь уступаю место Эстер – теперь ей предстоит сесть за руль «Дональда»! Запаса кислорода в наполненных баллонах хватает примерно на двое суток, но на такое долгое время мы никогда не

погружаемся.....<<<<<

>>>>>...раз-два! Раз!

– Привет, Эстер! Небольшое интервью. Готова стать... звездой морскую?

– Конечно, Майкл. А как твои успехи на звёздном поприще?

– Великолепно. Я плывал в северо-западном направлении, потом на глубину спустился.

Там мне повстречалась огромная, зубастая рыба. Если встретишь её, передавай от меня привет.

– Обязательно.

– Но больше не фотографируй её, а то она заболит звёздной болезнью...<<<<<

>>>>>...на этом я заканчиваю запись, но в конце дня расскажу что-нибудь ещё. Но только не в режиме «здесь и сейчас». Оказывается, это непросто: что-то делать и одновременно записывать себя на диктофон...<<<<<

>>>>>...Раз, два... Сейчас уже вечер, я собираюсь посмотреть то, что отснял сегодня, а потом лечь спать. Но сначала продолжу свой рассказ с того момента, как Эстер в своём облегающем гидрокостюме... хм... отдала швартовые. Гм... Как-то не очень хорошо звучит. Лучше так: продолжаю с того момента, как Эстер, прекрасная и юная, села за штурвал «Дональда». Да, так гораздо лучше.

Эстер. Чёрные прямые волосы доходят до плеч. Тёмные брови, смуглая кожа, яркие глаза. Тонкие губы почти всегда серьёзно поджаты. Она невысокая, даже на пол головы ниже меня, вся такая тоненькая и отточенная. Характер под стать внешности – серьёзный, какой-то несгибаемый. По крайней мере, мне так кажется...

Но хватит про Эстер. Надеюсь, она этого не услышит? Или, наоборот, подсунуть – пусть послушает?

Так вот, Эстер. Села в батискаф, закрыла люк, а я стал подниматься на лифте. Путь к нашему дому тоже дело нешуточное: нужно подняться по пологой траектории на высоту около пяти километров (угол подъёма примерно 30 градусов). В это время можно откинуться на спинку кресла, закрыть глаза... Музон... Кому как нравится... Но вот наконец подъём окончен, и я выхожу из лифта. С позволения компьютера, который сказал своё веское «ок», я прохожу через герметичный отсек внутрь нашего дома, а затем в свою крохотную каюту, являющуюся местом моего сна и отдыха. Кладу на стол карту памяти, наконец, стаскиваю с себя тесный костюм. Тут же звонок – мягкий вкрадчивый голос – это Эльза Беккер – произносит:

– Майки, ты уже тут? Нас приглашают в столовую.

– Уже иду.

Да, именно так он и сказала – Майки. Началось всё с лёгкой руки Кристины Беловой, она стала называть меня Мишей на русский манер, оправдываясь тем, что Майкл и Михаил – одно и то же имя. Я особо не протестовал. Тогда Эльза также решила дать мне уменьшительно-ласкательное. Я не знаю, что и думать. Скоро уже начну злиться!

Они что-то говорили про кудри. Им нравятся мои кудри.

И «столовая» – громко сказано. Это всего-навсего маленькая треугольная комнатка, где можно собраться всей командой, чтобы поесть и поговорить. Для такого места есть более подходящее название: кают-компания. На мой взгляд, это самый уютный уголок в нашей

«Галактике», потому что там устроены настоящие заросли из диковинных растений, привезённых с Земли. Как называются эти растения, я даже не предполагаю, но мне кажется, что некоторые из них я уже видел на маленьких экзотических островах, где я побывал в качестве аквалангиста. Посреди комнаты круглый стол, вокруг – стулья. На одной из стен большой монитор, а вдоль другой расположена барная стойка. Это всё очень символично, едва намечено – возможно, кому-то требуются напоминания о Земле такого рода... Если пройти мимо стойки по узкому коридорчику, то можно очутиться опять-таки в треугольном помещении, похожем по предназначению на кухню. Здесь много холодильников, откуда мы черпаем запасы пищи, а также есть посуда, плиты и другая кухонная утварь.

Но когда я вышел из своей комнаты, направляясь в столовую, то увидел, что навстречу мне несётся Крис Ковач, наш программист. Глаза диковатые, как, впрочем, и всегда, он ведь компьютерный гений. В руках связка разноцветных проводов и ещё какие-то замысловатые штуковины.

– Крис, что случилось?

– Грузовой подъёмник на большой шахте сломался! – быстро говорит Крис и мчится дальше.

– Эй, я могу чем-то помочь? – кричу я ему вдогонку, но он уже далеко.

Вообще, такое случается с лифтом.

Крис Ковач. Славный малый. Почти всегда в своей любимой клетчатой рубашке и джинсах. Жёсткие короткие волосы цвета соломы. Почти всегда небритый, по крайней мере, до тех пор, пока борода не отрастёт настолько, что начнёт ему мешать. Всегда чем-то озадаченный, для него отдыхать – значит спать, а не спать – значит решать проблемы мировой важности. Сам он невысокого роста, плотного телосложения, на круглом добром лице светло-голубые, будто выцветшие, глаза в обрамлении почти белых ресниц.

Я иду дальше в кают-компанию, но по дороге встречаюсь с ещё одним представителем технической интеллигенции – на этот раз это ни кто иной, как Сэм Ричардс собственной персоной. Его обычная манера – самоуверенная улыбка всё повидавшего на свете человека. Сэм приветствует меня коротким кивком головы.

– Сэм, – говорю я, – Крис сказал, что лифт сломался.

– Знаю! Опять эту бандуру заклинило. Там, на поверхности, Кристина, ей нужно вниз...

– Да, это серьёзно. Я могу помочь?

– Пока не требуется помощь, посмотрим, что там такое.

Немного о Ричардсе. Улыбаться в своей обычной манере он вполне может себе позволить, потому что действительно много всего повидал, всюду побывал, решая при этом массу технических проблем. Человек-легенда, про таких в пору разные истории рассказывать замирающим шёпотом. Думаю, что среди нас семерых он самый старший и опытный... Если бы он был солдатом, то можно было бы сказать про него – закалённый в боях. Но он не солдат, а астронавт. Участвовал в строительстве лунного купола, исследовал пещеры на Марсе, пережил марсианскую красную бурю, чудом остался жив. И всё потому, что был старым опытным волком, который видел смерть рядом с собой и издалека чуял опасность. Ганимед, Ио, Каллисто – это не только спутники Юпитера, но и послужной список Сэма Ричардса. А теперь и Европа. Лицо у него подходящее: загорелое, решительное, чуть красноватое, будто навеки впитавшее в себя марсианскую пыль. Светлые, зачёсанные назад волосы, мускулистые руки, открытые по локоть. Что может тут приключиться, ведь среди нас Сэм Ричардс!

В кают-компании двое: капитан Егор Донцов и Эльза Беккер. Я присоединяюсь к ним. Где остальные, ясно: Эстер в океане, Крис и Сэм занимаются устранением неполадки с лифтом, Кристина наверху в ожидании. Разговор среди присутствующих о той же поломке. Меня собираются ввести в курс дела, но я говорю, что уже осведомлён.

Эльза:

– Три месяца уже здесь, ни одной поломки, а тут за последнюю неделю...

Капитан:

– Надеюсь, парни разберутся. – «Парни» – это конечно Крис Ковач и Сэм Ричардс собственными персонами. Тут Егор Донцов поведал нам с Эльзой одну из своих длинных «фирменных» историй, на этот раз случай, произошедший при строительстве космодрома на Луне, который показывал, как бывает важна инженерная смекалка нешаблонно мыслящих людей. А мы, как всегда, заслушались, едва не утратив связи с реальностью. – Ну а ты, Майкл, как сегодня сплавал? – спрашивает он.

– Прекрасно, – отвечаю я в своей обычной манере, – видел такую рыбку потрясающую, вы не поверите, трёхметровая...

– И вот с таким глазом, – ехидным фальцетом говорит Крис, входя в кают-компанию. При этом он держит руки как будто связанными в запястьях, раскрыв ладони, показывая размер огромного глазного яблока. У этой шутки уже выросла борода, но улыбается он до ушей – и у всех сразу отлегло.

– Всё в порядке? – спрашивает капитан у Криса.

– Так точно! – шутовски рапортует Крис.

– А где Кристина?

– Она уже у себя, сейчас оттаёт и придёт.

– Оттаёт? – переспрашивает Эльза.

– Ну да, она же ездила на «Буране», и вдруг метановый ливень откуда ни возьмись... – на полном серьёзе отвечает Крис и только хитрые глаза его лукаво поблёскивают.

Спустя некоторое время и в самом деле входит Кристина.

Кристина Белова. У неё густые тёмно-каштановые волосы, гладко причёсанные спереди и собранные сзади в длинную косу. Высокая и миловидная. Правильные черты лица, разве что одна бровь сильнее изогнута. Всё, что она делает или говорит, никогда не подвергается сомнению, такая уж у неё репутация.

– Кристина, рад тебя видеть. Что произошло? – спрашивает капитан, желая услышать и её мнение.

– Лифт сломался из-за неполадок с электроникой, – отвечает она, приподняв слегка одну из своих изогнутых бровей. – Я сверила показания датчиков активности Юпитера, всё совпадает с теми, которые расположены здесь, но один вышел из строя, пришлось заменить...

– Вышел из строя? – переспрашивает Эльза. – Ого! А как часто они выходят из строя? – никто не замечает, как я возвожу глаза к небу.

– Не слишком часто, но бывает, – спокойно отвечает Кристина. – Погодные условия слишком непредсказуемые.

– Но они были созданы для таких погодных условий, – справедливо замечает капитан.

– Капитан, нам нужны более совершенные приборы – для измерения сверххолодной температуры. И ещё – магнитное поле Юпитера, мы его измеряем, но опять-таки

недостаточно точно, потому что наши совершенные приборы не настолько совершенны, чтобы уловить быстроту изменения магнитного поля. Как будто не успевают, и поэтому получается, что график изменения магнитного поля больше отражает среднюю величину, а не действительную картину.

– Хм... Почему ты так думаешь?

– Термометры часто показывают минимально возможную температуру. Это раз. А датчики – если один из них перезагрузить, то его аппроксимация не совпадает с остальными.

От себя хочу добавить, что умные словечки вроде «аппроксимация» то и дело мелькают в речи наших астронавтов, но не должны пугать, я сам уже давно свыкся.

– Кристина, изложи всё это в МКА. А сами мы можем исправить? Усовершенствовать?

– Посмотрю, что можно сделать, – деловито отвечает Кристина. В руках она вертит новый датчик, будто собираясь им пообедать.

После сублимированной трапезы собравшиеся стали обсуждать предстоящую рыбалку.

Эльза:

– Что наживлять будем?

– Конечно, блесну. Только вот клюнет ли? – говорю я.

– Клюнет, конечно. Ведь *они* это делали, – отвечает Егор Донцов, имея в виду наших предшественников. – Если не получится обычным земным способом, то придумаем что-нибудь похлеще! Но будем надеяться на лучшее.

Всем нравится эта идея. Все любят рыбалку. Почему-то мы были уверены в пригодности здешней рыбы, более того, бьюсь об заклад, у всех заранее слюнки потекли, поэтому экспертизу считаем излишней тратой времени (первопроходцы местной рыбкой отнюдь не брезговали). Вообще-то, рыба как продукт питания у нас здесь есть, уже приготовленная, в достаточном количестве. Почти вкусная, как и все те прекрасные продукты диетического питания, которые мы потребляем. Но хочется свежепойманной рыбки – это раз, хочется почувствовать себя добытчиком – это два, а третье – мы такие же крутые, как те парни, что и экспертиз-то не признавали. И главное, по крайней мере, для меня, оно же четвёртое, увидеть воочию, прикоснуться живьём к трепещущему обитателю иноземных миров не через стекло «Дональда», а по-настоящему. «И съесть его», – подсказывает внутренний голос. Одним словом, рыбалка – это хорошо, и мы этого давно ждали.

Вот, рассказал. Болтун – находка для врага... А теперь возвращаюсь в свою каюту и начинаю просматривать отснятый материал. Ага. Включил камеру, плыву. Подумать только, надо мной десять километров льда... Свисают сталактиты. Часто они не белые, а какие-то жёлтые, будто ржавые, иные на вид будто мхом поросли – жизнь берёт своё. В некоторых местах видна слоистая структура льда. Впереди чудесные ворота, будто подготовленные для меня самой природой – сталактит, свисающий не сосулькой, а гигантским обручем неправильной формы. Не могу удержаться, медленно проплываю внутри. Ещё немного и – вниз, на глубину, навстречу тайнам... Стоп! Прокрутить назад, там было что-то маленькое и тёмное... Как не вовремя я свернул, теперь не разглядеть, что это... Вроде как маленькая серая коробочка лежит в одной из лже-пещерок. Хм, как сразу не заметил? Видать, не тем глазом смотрел. Это я сейчас увеличу, чтобы все хорошо рассмотрели... да, вот так вот... А дальше спуск вниз. Навстречу попадается отбившийся от стаи зеркальный наутилус. Немного покрутился вокруг него. Спускаюсь ниже. Стайка морских змей, двигаются

настолько синхронно, что кажется, будто это одна гигантская лента! Шарахнулись от меня в сторону. Среди них парочка пульсирующих особей, интересно, какие они на вкус? Продолжаю спуск. А вот и мой друг! Dicus Zubasticus. Сначала от неожиданности я вздрогнул, когда этот длинный налетел на меня, показав острые зубы, а затем понял, что это удача и стал медленно плавать рядом с ним. Отличный материал, ребятам, думаю, понравится. Но что там за коробочка? Откуда она взялась?

На этом я запись заканчиваю и ложусь спать. Оказывается, это не так-то просто полдня наговаривать на диктофон...<<<<

6. Эстер находит пещеру

Эстер, сев за руль батискафа и погрузившись в океан, сразу взяла «восточное» направление.

У всех гидронавтов «Галактики» были индивидуальные области исследования – географически и содержательно. Конечно, они могли и пересекаться, но до сих пор это было скорее исключением, чем правилом. Все семеро членов команды, так или иначе, были непосредственно связаны с изучением океана, но чаще других погружались Майкл, Эстер и Эльза.

Эстер манили горячие подводные источники, гейзеры, однако большинство из них исследовать было непросто: шутка сказать, средняя глубина океана Европы более семидесяти километров. Исключениями были гидротермальные источники, расположенные на склонах Драконьего острова. Станцию «Галактика» предусмотрительно разместили на приличном расстоянии от вулкана (опасное это соседство), но всё-таки Эстер уже несколько раз сплавала до склонов затаившегося вулкана и обратно. Благодаря её исследованиям многие виды животных были классифицированы и получили названия.

Причудливы очертания сульфидных башен, дымящих, как заводские трубы. Их основания засыпаны светлым рыхлым осадком, состоящим из тончайших пород. Горячий рудоносный «дым» поднимается на десятки, а то и сотни метров, сталкивается с холодной водой и пеплом опадает вниз.

Там, где из базальтовых разломов вырываются струи кипящей воды, насыщенной минералами, появляются удивительные организмы.

Склоны курганов кишат гигантскими червями, почти ничем не отличающимися от земных вестиментифер. Эти существа сидят в блестящих двухметровых трубках, один конец которых прикреплён к дну, а из другого высовывается ярко-розовый венец щупалец. Колонии европейских вестиментифер окружены скоплениями двустворчатых моллюсков, некоторые из которых величиной с фарфоровую тарелку.

Копшатся пятнистые крабы, устраивая себе жилище из ракушечника или обкусывая щупальца вестиментифер. Большая подводная змея Эя, похожая на широкую атласную ленту нежно-жёлтой расцветки, безбоязненно проплывает мимо батискафа. Её сопровождают две кораллово-розовые змейки вдвое меньшего размера – самцы вида. Алые анемоны выпускают облака неоновой краски...

Сегодня Эстер запланировала исследовательскую работу у горячих источников, с которой довольно быстро управилась. Поэтому по пути на станцию она решила сделать небольшой крюк...

Интересное место нашла она к востоку от «Галактики». Оно напоминало лес, растущий вниз головой – сталактиты были повинны. Эстер придумала подходящее название: Айсвуд, ледяной лес. Координаты запомнила. Не бог весть, какой интерес может представлять скопище гигантских сосулук, но там ещё она увидела тёмный провал, напоминающий вход в пещеру. Тогда ей было некогда – сейчас она выкроила кусочек.

Эстер включила яркое освещение для съёмки и, вот чудачка, намеренно добавила зелёного – чтобы ещё больше погрузиться в воображаемый лес. Тусклые искорки со сталактитов будто зазывали её. Осторожно продвигаясь между ледяными «деревьями»,

стараясь ничего не задеть и не порушить, смелая Эстер привела свой батискаф к тому месту, где недавно заметила пещеру. И вот, когда «Дональд» развернулся на тридцать градусов, чтобы как следует осветить вход, локаторы бокового обзора зафиксировали тёмную, бесформенную массу, стремительно вынырнувшую из пещеры и скрывающуюся в чаще сталактитов.

Эстер не на шутку испугалась, но она была смелой и в батискафе. Или: она была смелой в батискафе.

– Я не по зубам этим тварям, пока нахожусь в батискафе, – сказала она и сначала поплыла за случайно спугнутой тварью, а потом, не найдя её, вернулась к входу в пещеру: даже мельком взглянув в отверстую тьму, можно было не сомневаться, что вперёд и вверх тянется проход.

«Эстер, ты дала название пещере?» – как эхом пронеслось у неё в голове. Зажмурила глаза и прижала ладони к ушам. Эстер представила сидящего рядом с собой черноглазого, с чёрными кудрями до плеч, никогда не унывающего Майкла, и в душе у неё посветлело, страхи прошли. Сверив по приборам координаты, она направила батискаф к пещере. «У неё уже есть имя...» – послышалось снова. «Ну вот, снова! Нервишки пошаливают», – Эстер поёжилась и нервно оглянулась, будто внутри батискафа мог находиться кто-то кроме неё. «Надо передать на станцию мои координаты», – она нажала кнопку радиосвязи, но вместо гудков услышала только помехи, белый шум. Теперь, казалось, нужно повернуть назад, оставив мысль о пещере, но будучи по своей природе очень реалистичной, Эстер повела батискаф к пещере.

Внутри пространство пещеры оказалось достаточно широким, огромные сталактиты и сталагмиты смыкались как зубы в разверстой пасти дракона. Покуда хватало света, было видно, что вперёд и вверх ведёт широкий туннель, заполненный водой.

То слева, то справа Эстер замечала тёмные провалы, боковые проходы. Ужас прошёл, и её поглотил восторг первооткрывателя.

Долго и осторожно вела Эстер свой батискаф; рация по-прежнему не подавала признаков жизни. Вдруг туннель резко взмыл кверху, Эстер едва успела притормозить, чтобы не врезаться в ледяную стену. Крутой вираж, луч лазера – вперёд по курсу!.. Мгновение – и что-то неуловимо изменилось – батискаф стал неуправляемым, закачался как на волнах, свет прожекторов, обычно с трудом пробивающийся сквозь воду, вдруг вырвался из мутной пелены и переполнил пространство. Ей стало ясно, что батискаф вынырнул на поверхность воды. До этого она даже подумать не могла о такой возможности. Что ждёт её в этом враждебном, а в его враждебности она почему-то перестала сомневаться, надводном мире, если она сейчас же не осуществит погружение? И хотя Эстер была не из пугливого десятка, она тотчас принялась опускаться батискаф под воду.

Но судьба в это же время распорядилась иначе: будто щелчок раздался в ткани мироздания, миг – и крошечная тьма окутала её и батискаф, мановением силы извне «Дональд» превратился в игрушечный шарик. Легко перевернулся, понёсся куда-то кверху, стукнулся обо что-то, плавно покачнулся и завертелся как волчок. Всё вокруг стремительно закружилось... Только это поняла Эстер, теряя сознание.

7. Окин

Сначала Грэм стал её лучшим другом.

Любая другая могла сказать про него: тупой верзила.

Любой такой Окин могла врезать за такие слова.

Она восхищалась не его физической силой, хотя в первую очередь его мощь привлекала внимание, притягивала и завораживала.

В нём было что-то настоящее. Он был как большой ребёнок, который однажды поверил в чистоту этого мира и не за что не хотел расставаться с этой верой. А ведь мир был грязен, отвратителен, и делали его таким люди, которые-то как раз и расстались с этой верой давным-давно.

Окин не помнила, когда, наконец, сняла *rose-tinted glasses* – розовые очки – так давно это было, наверное, ещё в начальной школе. Такие, как Грэм Питерс попадались не часто, но всегда пробуждали воспоминание о чистом, добром, справедливом мире, о сферическом мире в вакууме – образ, который сложился в детстве. В такие минуты она осознавала, что пока остаётся хотя бы один такой – настоящий – человек, не всё потеряно для этого мира.

Да, розовые очки были давно сняты, содраны с кровью, и безжалостно выкинуты на помойку. Что правда, то правда. Но кто сказал, что она смирится с тем, что этот мир можно терпеть только через розовые очки? Кто сказал, что она не будет бороться?

Ей было слегка за двадцать, ему – хорошо за тридцать. Судьба свела их в лунной колонии. Это была не просто тюрьма – Окин и всегда раньше это знала. Во-первых, по своей сути это была каторга. Все заключённые должны были работать на руднике – не важно, находишься ли ты в предварительном заключении, или уже получил срок. Тяжёлая работа для всех, попавших сюда.

Да, Окин и раньше было известно про это гиблое место, средоточие нарушенных прав людей, разрушенных судеб, язву на теле человеческой совести, но только она никогда не думала, что лунный рудник станет частью её жизни. Ей пришлось испытать твёрдость лунных пород на собственной шкуре.

Во-вторых, сюда привозили особо опасных. Не воров, которые сели только потому, что не поделились с вышестоящими чиновниками, не убийц, не маньяков, не устроителей пирамид, обворовавших сотни и тысячи простых людей. Нет. Такие персонажи были своими для системы, по крайней мере, не нарушали её основ. Система их берегла, лелеяла как любимых детей. По возможности, их деяния наказывались формально: например, ударялся такой любимчик в бега на свой собственный остров в океане, и только спустя несколько лет ему предъявляли обвинение. Но срок давности истёк – говорила система. Или так: украд дитятя миллионы, а то и миллиарды у народа, что делает система? Ласково журит: поделись с другими моими любимыми детками, не будь жадиной-говядиной. Если дитятя послушно делится, то система не только не наказывает вора, а возносит. Если проявляет жадность – сажает под домашний арест в семикомнатной квартире. То есть просто ждёт, когда дитятко одумается и поймёт, что надо делиться. Укравший мало наказывается жестоко, система будто говорит: не достоин ты быть моим дитём, для этого ты слишком туп и неповоротлив. Чтобы стать моей частью, ты должен красть много, обокрасть многих, чтобы было чем делиться. Например, может представлять сугубо специфический интерес такой вопрос: почему система всегда была как-то странно лояльна к убийцам, особенно к тем, кто убил

многих, но никогда не прощала фальшивомонетчиков? Потому что убийцы помогают держать народ в страхе, убийцы должны быть в каждой системе, иначе на кого указывать перстом, отвлекая внимание от любимых детей системы? А фальшивомонетки подрывают основы, мешают обкрадывать людей. Пытаются занять место, которое уже занято самой системой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Система состоит из людей, люди – её составные части.

Всё это было кристально ясно для Окин ещё в школе.

Система начинает отбирать для себя воспитанников ещё в школе.

Следуешь ли ты общим правилам, подходишь ли по формату, конформно ли твоё поведение? И тому подобные вопросы интересуют систему.

Изгоев видно сразу.

И наказывать их начинают сразу – будущие любимчики системы. Это первое испытание для них. Не дрогнешь ли ты, изгоняя себе не подобного? Не успели ли в детстве бабушки, матери вложить семена добра, которое может прорасти в самый ненужный момент? Достаточно ли ты мёртв?

Сюда сгоняли таких, как Окин – людей, подозреваемых в самом страшном: в стремлении показать системе её истинное лицо, в способности нарушить её размеренный ход. Фальшивомонетки (наивные жулики) давно канули в прошлое, сейчас в этой сфере наказуемо только умение проникать в электронные мозги слуг системы. Славное племя хакеров – примерно до 20-х годов 21-го века – также успешно кануло в прошлое, но нашло в себе силы возродиться в новом обличье. Системы безопасности стали настолько совершенны, что самому хитроумному алгоритму было не по зубам пробить эти заслоны. Хакерское затишье 30-х – всего лишь затишье перед прыжком. От физики – к информации (нечто эфемерное) – и снова к физике. Такова была нехитрая диалектика возрожденцев. Хакеры сороковых предстали перед системой в новом обличье, в новой маске анонима. Век хакеров-одиночек подошёл к концу на этом витке борьбы противоположностей. Нет, они не вымерли окончательно, эти персонажи редко-редко да встречались на полях сражений, но стали настолько нетипичны, что не попадали не под одну классификацию.

Одиночка, истинный враг системы и не только истинный гений, но и величайшее дитя человечества (не системы, нет, но – всё ещё живого человечества) – борец за свободу, продолжал существовать как явление, но его почти нельзя было идентифицировать. О них и не знали, поскольку, если бы и обозначился такой волк-одиночка, то был бы не иначе как ментальным гигантом, у которого, как следствие, с большой долей вероятности хватило бы ума придумать способ оставаться инкогнито.

Но почему так произошло? Куда могли подеваться в своей массе эти гордые деятели? Стало так: на новом витке развития цивилизации людей взломать систему, начиная с её электронных мозгов, стало возможно, только изменив ментально на физическом уровне некоторые системные биты тайной, секретной, завуалированной информации, хранящейся в самых скрытых кишках неприступных серверов. Одних только знаний для этого, ясно, было недостаточно.

...

За маской анонима скрывались теперь не одиночки, но хакерские общества, очень сплочённые, надо сказать, общества, в сердцевине которых – опять-таки с большой долей вероятности инкогнито для рядовых членов – находился ментальный гигант. Гений своего

места. Реже – два.

Нужны им были специальные знания? Или им достаточно было обладать ненаправленной ментальной энергией, расходящейся, как лучи в пространство? Конечно, как лучи в пространство нельзя было: нужны были очень специфичные знания. Поэтому-то такие люди были величайшей редкостью.

Рассказы об их существовании приравнивались к мифам. Что-то вроде такого: мой друг знал парня, который видел парня, брат которого был таким парнем. На самом деле почти никто этих парней не видел, точнее, почти никто не мог знать точно, является ли человек "ментальщиком" за исключением посвящённых: у обществ было множество степеней защиты.

...

Система – так или иначе – порождает своего антипода.

Система – всегда – представляет его воплощением зла.

Иногда – так и бывает, если только можно представить зло больше, чем сама Система.

Но бывает и по-другому: случается так, что пресловутый антипод – единственная весточка добра от ещё живых людей – миру.

Солдаты системы – всегда мертвы.

Солдаты антипода – всегда живы.

Это принципиально.

Окин ни в чём не обвиняли. Система до сих пор боялась признаться самой себе, что один из её антиподов, с которым она думала, что уже справилась, возродился. Система понимала, что противник пока слаб, и хотела уничтожить его во младенчестве.

Окин была виновата в том, что её подозревали в связях с другими подозреваемыми.

Система ничего не могла доказать. Признать, что её собственные методы стары и не применимы для борьбы с новорожденным (или восставшим из пепла) антиподом, означало убить самую себя. Так как солдаты системы мертвы, то они не могут придумать ничего нового – всё, что они знали о живом мире, откуда изначально происходили все, они узнали давно, когда были живы.

Система не может измениться качественно, поэтому она предпочитает думать, что не хочет меняться.

Система всегда убеждена в своей правоте.

Общества постоянно менялись и не могли иначе. Это был принцип их существования. По большей части они были неуловимы для системы.

Чтобы выйти из тюрьмы нужно проявить конформность – протянуть руку одному из слуг системы, например, адвокату.

Окин не хотела проявлять конформность. Система и так бы её вскоре выплюнула (Окин бы у неё в горле застряла). Окин собиралась ждать.

На её счастье, в обществе были те, у которых были деньги, и которые могли это сделать, не гнушались этого: протянуть руку чёрту.

«Сильные мира моего» – так Окин называла таких людей. Они были руками, она – маленьким разделом мозга.

Окин была благодарна системе за то, что узнала Грэма.

Грэм Питерс был астронавтом.

Окин поняла, что его просто подставили.

Грэм не хотел в это верить.

Окин знала это до того, как заговорила с ним впервые.

Оставшись наедине в своей камере, она закрывала глаза, снимала электронные наручники и выключала камеру. Редко – начинала бродить по другим камерам. Так она встретила Грэма.

Когда она встретила его второй раз – сняла ему наручники. Он удивился, её это позабавило. Она увидела, как он потёр запястья и посмотрел на камеру.

...

Одевать наручники на расстоянии она не умела, поэтому утром Система увидела, что у Грэма свободны руки. Такая мелочь, казалось бы, но Система была настороже. Беднягу затащали по кабинетам, проверяя его умственные способности, допрашивая. У Грэма не было умения отключать электронику, это можно было сразу понять, взглянув на его простое, открытое лицо, но система спустила свору и долго гнала его по своим коридорам.

Окин стало очень стыдно, она ругала себя за проявление слабости.

Системе было проще списать всё на сбой электроники и заменить Грэму наручники.

На этот раз Система оставила Грэма в покое.

А он, выходит, узнал кое-что новое. И это знание далось ему почти даром. По крайней мере, Окин в это верила. Её баловство было всего лишь предтечей к знакомству. Он был классным и понравился ей. А Окин привыкла думать, что может почти всё: она не могла ничего, когда приходила к пониманию, что может не всё. Поэтому мысль о собственном *почтивсемогуществе* вошла в привычку – эта ложь самой себе была вынужденной мерой.

...

– Привет, это я сняла тебе наручники, – сказала тихо Окин, когда через несколько дней вклинилась своим подносом между Грэмом и ещё кем-то при раздаче завтрака.

Грэм на несколько секунд потерял дар речи, только смотрел на неё во все глаза.

– Правда? А зачем? – всё, что он нашёлся спросить.

– Извини, не смогла удержаться. Я думала, ты поймёшь, что утром их хорошо бы защёлкнуть.

– Как ты это сделала?

– Я всё могу.

– Тогда почему ты здесь?

– Именно поэтому.

– Почему не уйдёшь отсюда?

– Я забыла сказать, что *почти* всё могу. Почти – это не всё. И скорей всего, скоро меня выпустят. Адвокат, знаешь ли. Сделка с системой.

Грэм промолчал. Опустив голову, он смотрел на свои руки.

– Но я не уйду без тебя. Это будет моим условием.

Грэм удивлённо и испуганно посмотрел на неё:

– Кто ты?

– Неважно. Я – Окин. Меня так зовут. Ясно? И больше я – никто.

Подошла раздача – робот шлёпнул Грэму лепёшку серой, горячей каши – нужно было обязательно протягивать руки – держать при этом тарелку. Система не уставала учить тех, кто не являлся ею. Дальше – с конвейера Грэм взял запакованный бутерброд и запакованное яблоко, стакан с чаем.

Грэм кивнул Окин на свободные места, он хотел продолжить разговор.

– Ты не виноват. Знаешь об этом? – спросила его Окин, перекладывая еду на стол. –

Тебя подставили. Но возможно, тебе придётся признать вину – сделаешь, как скажет адвокат.

– А какой адвокат?

– Мой адвокат. Я уже сказала, чтобы сначала он занялся твоим делом.

– Я знаю, что я вообще-то не виноват, но я всё равно должен был следовать Уставу, я солдат.

– Ты оказался бы здесь в любом случае. Не понимаешь? Сыграли на твоём чувстве справедливости. – Пауза. – А куда ты потом?

Грэм ошарашенно взглянул на неё:

– Потом?!

Окин посмотрела на него.

– Ну да, потом, когда выйдешь отсюда. Ты разве не думал об этом?

– Сначала надо выйти.

– Ты не думаешь о будущем? Мы, может быть, больше с тобой и не увидимся, если не скажешь, где тебя найти.

Грэм улыбнулся:

– А ты хотела бы со мной увидеться?

– Конечно. Разве это ещё не ясно?

– Было бы мне так всё ясно, как тебе... Потом, наверное, мне придётся снова искать работу.

– А ты...

– Астронавт. А ты про это не знала?

– Нет. Я всего не знаю. Ну и долго астронавты ищут работу обычно?

– Боюсь, что тюрьма – не лучший пункт в биографии.

– Убрать?

– Чего – убрать?

– Ладно, забей. Скольким людям нужно всего "убрать", чтобы казаться лучше перед лицом системы? Не нужно ничего убирать. Лунная тюрьма – это заслуга, а не пункт, как ты выразился. Это надо нести с честью, хоть это и трудно.

...

Грэм и Окин и правда встретились после колонии, на Земле, на берегу Средиземного моря. Оба были свободны несколько дней – они пытались стать счастливее.

– Когда ты понял?

– Когда ты сказала, что сняла мне наручники. А когда ты?

– Сейчас. Я ведь до нашей встречи тут, на Земле, не знала, что ты свободен.

– По-моему, это не имеет никакого значения, любовь – или есть, или её нет.

– Имеет. Просто можно не давать воли чувству.

Грэм сокрушённо покачал головой.

– Спросила бы. Я не смог бы не давать воли чувству. Оно сильнее меня.

– Мне очень часто приходится управлять своими чувствами. Например, я знаю, что могу не так уж много, но верить мне нужно в своё всемогущество...

– Ты так и не сказала, кто ты.

– Тебе можно довериться. Я состою в обществе, которое противостоит системе. Это тайное общество. Смотри, если проболтаешься, тебе никто не поверит, – улыбнулась Окин.

– Я слышал о таком обществе. Поэтому ты смогла снять наручники?

– Да.

– А можешь, к примеру... остановить мои часы?

– Ты до сих пор их носишь? – Окин продемонстрировала свои свободные запястья. – Я – никогда не надену. Потому что сразу вспоминаю наручники.

– Но время-то знать надо, – Грэм обнял её за талию и немного вскружил.

Здесь, в этом потаённом уголке мира, на берегу Средиземного моря, у них всё-таки получилось стать счастливыми. На несколько дней им даже удалось оторваться от цивилизации, пожить дикарями – ничего кроме моря, гор, солнца, любви.

Обвенчал их ветер. После купания они забирались на скалу, открытую всем ветрам. Ветер ерошил их мокрые короткие волосы – её светло- и его тёмно-русые, их лица на ветру становились более жёсткими, теряли всё то, что ещё оставалось от детства, глаза становились светлее, будто выгорали на солнце. А может быть, они казались светлее на фоне загорелой кожи.

– Смотри, что делает ветер.

– Что он делает? – спросила Окин.

– Он нас венчает.

– Как это?

– Смотри, как он спутал наши волосы – они как венец теперь.

– Терновый? – хитро уточнила Окин.

Помолчав, Грэм ответил:

– Надеюсь, что нет.

– Почему ты решил стать астронавтом?

– Я, наверное, родился с этим.

– Я тоже мечтала в детстве. Но всё по-другому вышло.

Грэм рассмеялся:

– Познакомились-то мы в лунной тюрьме!

– Да, в лунной! – подхватила Окин. – Вот я и стала астронавтом – до Луны тоже нужно было долететь.

– Главное – вовремя оттуда свинтить.

...

Грэм долго искал работу – его не брали из-за судимости. Но однажды сами позвали. И кто? МКА! Грэм сперва даже не понял, с чего вдруг так. Но просто поверил в свою удачу, поверил в то, что ему дали второй шанс, как он сам про это говорил.

– Будете бурить лёд? – спросила Окин, когда узнала, что он собирается лететь на Европу.

– Да, это будет трудная экспедиция.

– Сколько?

– Там – три - три с половиной.

– Погоди... Может, стоит отказаться.

– Послушай, я им нужен, они вцепились в меня, как... А мне нужна работа. К тому же ты не знаешь, о какой сумме идёт речь, – Грэм ухмыльнулся.

– Деньги – не всё. Ты уверен, что это не билет в один конец? Европа – это же Юпитер, это просто с ума сойти как далеко. Я состарюсь до того, как ты долетишь до туда.

– А ты не старей и жди меня.

– А что мне остаётся?!

Грэм отдернул занавеску и посмотрел на море.

– На Европе есть подлёдный океан...

– Знаю.

– Океан – твоё имя. Окин... Почему тебя так называли? – Грэм с улыбкой посмотрел в её синие глаза.

– А мне почём знать? Не знаю. Знаешь, Грэм, если ты так решил, то лети. Ты же астронавт. Я не стану подрубать тебе крылья. Знаешь, что?

– Что?

– Я бы на твоём месте тоже согласилась бы. Но...

– Перестань. Не так уж-то и долго. Четыре года в общей сложности или около того. И мы станем просто невероятно богаты.

– Ты станешь. И сколько?

– Мы станем. – Потом Грэм отвёл ей волосы, наклонился и шепнул на ухо.

– Ну да, это... нормально.

– Нормально?!

– Ну, хорошо, что ты хочешь услышать? Это много, очень много. Но ведь твоя работа того стоит. Я думаю, что это очень тяжёлая работа, а главное – риск. И такая сумма ещё больше настораживает, Грэм.

– Я сказал – вернись, значит, вернись.

Она обняла его.

– Я люблю тебя.

Он молча смотрел за горизонт. Слова были лишними.

...

Полуторогодовалая Сибил устраивала комнату с игрушечной мебелью, иногда подзывая Окин, чтобы та посмотрела, как хорошо живут её куклы. Окин редко оставляла дочурку играть одну. Они почти всегда были вместе. Иногда Окин усаживала сероглазую и белокурую Сибил в специальное кресло, пристёгивала её, после чего они отправлялись на побережье. Маленький двухместный самолёт взмывал вверх со стремительной скоростью к огромной радости Сибил, которая не знала страха. У моря они могли пробыть целый день. Маленькая Сибил была бы не прочь и переночевать на берегу, но Окин каждый раз уговаривала её. «Прилетим завтра или послезавтра». «Завтра!» – Сибил никогда не шла на большие уступки. Каждый день девочка спрашивала Окин про отца. Она уже знала, что он астронавт, хотя не знала, что это такое. «Он сейчас очень далеко, Сибил. Знаешь, как он обрадуется, когда увидит тебя?» – с улыбкой спрашивала она кроху. «Знаю! Вот так!» – девчушка начинала прыгать и хлопать в ладоши, показывая, как по её мнению будет радоваться Грэм. Окин смеялась. Она давно не была так счастлива. До сих пор Грэм не знает о дочке. Окин собиралась оставить заявку на передачу видеописьма для него. Но в её жизни произошли события, которые заставили её отложить задуманное.

Примерно через два года после того, как «Экспедиции» улетела к Юпитеру, предварительно вобрав в себя Грэма, Окин взломала МКА, очень аккуратно, почти не оставив за собой никаких следов – по крайней мере таких, какими мог заинтересоваться админ. Ей этого особо не нужно было, она сделала это просто так, даже не ради любви к искусству. Причина была более чем эфемерна: ей приснился странный сон. «Сны почти всегда странные, но этот – чемпион». Ей приснились два больших, как блюдца, серебристых глаза, излучающие какое-то сияние. Глаза принадлежали существу, и это существо

повторяло как заклинание слова, напоминающие притчу или молитву.

– И в этот раз и всегда... Грядёт свершённое... – сказала Окин вслух, вспоминая.

Сон, в общем-то, был хороший. Полсна она летела над городами, потом над лесом и пустыней, а потом услышала эти слова и полетела как бы на зов. И так получилось в этом сне, что летит она к этим двум глазам. Потом существо читало свою проповедь.

«Земля Анорра, меллы, которые живут в пещерах... Коллективный разум... Они умеют охотиться... Могут управлять головоногими... Люди, которые могут нарушить хрупкий баланс этой цивилизации... Бурение льда очень опасно для меллов...». Ощущение было такое, будто она прикоснулась к чему-то сокровенному. К сокровенному тайному знанию.

В этом сне было много чего ещё, но вспомнилось, собралось это не сразу, получилось, что в течение дня она как бы собирала свой сон по крупинкам, по мозаинкам. В конце дня воспоминание сложилось в более-менее связную картину. Впрочем, Окин не исключала, что некоторые пробелы она заполнила своими собственными домыслами, после чего всё стало одного цвета и никак не отличалось одно от другого. Размежевать стало нельзя.

Абсолютная аутентичность получившейся картины была под вопросом.

Но так как речь шла всего лишь о сне, коих, вообще говоря, сотни или тысячи, то с этим можно было вполне смириться.

Тем не менее, Окин сделала то, чего не делала до этого никогда в жизни. Она взяла ноут и от и до описала свой сон – во всех привидевшихся подробностях. Получился какой-никакой рассказец.

– ...и маленький народ меллов испытал ужас бурильных скважин, скрежет титановых зубьев металлических машин, вгрызающихся в их мир... – вслух прочитала Окин одно предложение, усмехнулась и добавила: – Глупее не придумать.

Вообще, Окин привыкла внимательно относиться к своим видениям, снам и прочему – это было косвенно связано с её профессиональной деятельностью. Поэтому на всякий случай она и пропарсила сайт МКА, о чём упоминалось выше. Результат: не нашлось никаких следов, упоминаний того, что на Европе найдена разумная жизнь.

Поэтому «обличающий текст», как и сон, она решила временно забыть, отложить в долгий ящик, потому что ей не хватало фактов, а спросить, понятное дело, было не у кого.

...

Окин и её семья – мать Дэрин, семнадцатилетняя сестричка Уна и маленькая дочурка Грэма – Сибил, от которой и Дэрин, и Уна были без ума, – жили в небольшом двухэтажном доме на окраине города. Домик был старый, выдавший виды. Его достоинством был огромный трёхместный гараж – два места занимали автомобили, и одно, самое большое, место – маленький двухместный самолёт Окин – надёжное технологическое чудо с вертикальным взлётом и посадкой и способностью развивать скорость до тысячи километров в час. Кирпичные стены дома покрывала выцветшая и облупившаяся серо-голубая краска. Вокруг раскинулся большой сад. Когда отец и бабушка Окин были живы, сад цвёл и благоухал, но со временем всё пришло в запустение. Мать, а иногда и Уна с Окин, успевали обработать только небольшой участок, на котором высаживали овощи, клубнику. Остальная часть сада была отдана на произвол судьбы. Некогда выложенные цветным камнем тропинки заросли травой, на фруктовых деревьях поселились птички семейства. Маленький фонтан в глубине сада совсем одичал, и белая фигурка ангела со склонённой головой выглядела одиноко и запущенно. В этом доме прошло детство Окин и её сестры. Теперь тут раздолье для маленькой Сибил.

Однажды днём Окин шла домой после того, как отвела Сибил в детскую группу – крохе надо было предоставить возможность «тусоваться» со сверстниками, хотя сама она отдавала явное предпочтение общению исключительно со своими: мамой, бабушкой и юной тётёй. Солнце стояло в зените, и было так жарко, что, казалось, будто воздух дрожит от напряжения; розовое звенящее марево поднималось со всех сторон от горизонта. Ощущение тревоги не покидало Окин с самого утра, но всё это можно было списать на избыточную мнительность.

Матери и сестры дома не должно было быть. Дэрин была на службе, а Уна – ягнёнок, как ласково называла сестричку Окин, – уже вторую неделю гостила у своей подруги в загородном доме. В доме не было никого, кроме кота. Зазвонил телефон.

Голос на другом конце трубки представился: это был её бывший куратор Дэвид Морсби. Окин хорошо помнила его: такой в меру упитанный и хорошо воспитанный пожилой дядька. Она была благодарна ему хотя бы за то, что свою работу – в течение полугода после колонии он должен был отслеживать её сколько-нибудь заметные перемещения, всегда уметь ответить, где её можно найти и чем она занята, – он выполнял формально, не лез с лишними расспросами, а по истечении полугода не счёл нужным давать напутственные слова. Но сейчас-то что ему нужно? Неужели она ошиблась насчёт нейтральности этого дядьки, и он всё-таки собирается подпортить ей нервы? Прошло-то уже два года.

– Здравствуйте, Дэвид, – ледяным голосом отчеканила Окин, – чего звоните?

– Окин, извините, поверьте, совершенно не хотел вас тревожить и даже совершенно забыл о вашем существовании, что, конечно, идёт мне в плюс. Но меня обязали. Поэтому нам с вами нужно встретиться и поговорить с глазу на глаз. Именно поэтому я вам и звоню. Представляю себе, насколько кажусь вам омерзительным, но ничего не могу поделать: служба есть служба. Я прошу вас назначить удобное для вас время на завтра для этой встречи. О месте сообщу вам позже.

Окин промолчала, обдумывая ответ.

– Молчите? Я перезвоню вам через час, вы соберётесь с мыслями, успокоитесь, и мы поговорим ещё раз. Повторяю: это не моя идея. До свидания, Окин.

Окин хотела в сердцах зашвырнуть куда-нибудь телефон, но вовремя сдержалась. Нужно успокоиться, как только что разумно посоветовали, и унять мелкую дрожь, откуда ни возьмись появившуюся в кистях рук. Она села в кресло, с силой сжала подлокотники, потом отпустила и попыталась собраться с мыслями. У неё один час, потом этот тюлень позвонит ещё раз.

...

Дэвид Морсби сидел у окна в глубоком кресле, в таком эргономичном кожаном гиганте, и курил трубку. Из окна была видна залитая солнцем лужайка, рядом навес, под которым, он знал, на круглом столике стоял графин с холодным лимонадом и стаканы. Цветочная клумба, вокруг которой бегали его внучки – Сэра и Хлоя. Они расшевелили ленивого пса, Стюарта, который тоже носился с ними как угорелый – на такой-то жаре...

Сам он весь был как будто из прошлого или даже позапрошлого века. Он чувствовал себя древним архозавром, вылезшим из затянутого ряской болота.

Он размышлял. «А эта девочка, Окин... Довольно колючая особа». Морсби уже предвидел, хотя и не обладал даром предвидения, что хлопот с ней не оберёшься – именно из-за её колючести. Как бы она сама себе не навредила. А он? Что он? Он просто будет делать свою работу. Он всегда славился умением обращаться с людьми, вовремя подыскать к

ним какой-нибудь ключик, подобрать какой-нибудь код, именно поэтому к нему иногда обращались с просьбами сильные мира сего, тоже, в общем-то, и в чём-то люди. Так и в этот раз. Всё, в чём её подозревали, было, по мнению Морсби, откровенным бредом. А он к тому же был её бывшим куратором: эка занесло птичку – на Луну! Ему было даже жалко её немного – отправить сущего ребёнка – сколько ей? двадцать? от силы двадцать пять! – в лунную колонию. Морсби был уверен, что это не просто чья-то ошибка, а чья-то откровенная дурость. Что эта девица может собой представлять?

– Синий взгляд из-под нахмуренных бровей... – вслух подумал он, держа в руках электронную табличку с её личным делом. – Нет. Она не умеет взламывать сервера. Их взламывают злые дядьки или чего-то там возомнившие о себе вьюноши. Девочки с синими глазами их не взламывают.

...

Окин напряжённо думала. Морсби обещался позвонить через час. Что ему нужно? Старый лис не проговорился, да и сама она хороша: могла бы и спросить! Хотя он бы всё равно ничего не сказал. Сайт МКА? Они не могли её отследить – даже такая, как она сама не смогла бы себя саму отследить. Тогда что ему нужно? Может быть, появились какие-то новые правила, и Морсби теперь каждые два года будет напоминать ей о Луне? Как же её достала эта тупость.

Ладно, скоро узнаю, подумала Окин. Нужно постараться выглядеть в меру наивной и невинной в глазах этих людей (важно не переборщить), чтобы: план А – стряхнуть их с хвоста, план Б – если стряхнуть с хвоста не получится, то хотя бы разузнать о них побольше и понять, как с ними бороться, т.е. собрать сведения – слова, взгляды, позы и паузы – всё имеет значение и несёт информацию. Это раз. Второе: её просили назначить время встречи, а о месте хотят сообщить позднее, чтобы она заранее не подготовила никакого подвоха. А какой может быть подвох? Смешно. В голове у них совершенная каша, возможно, что от безделья, с презрением подумала Окин. И, видимо, они подразумевают, что она достаточно мобильна и сможет за полчаса добраться до назначенного места в назначенное время. Что ж, замечательно! Она взяла с письменного стола белого коня – деревянную шахматную фигуру – и повертела в руках.

Сидя в уютном старом кресле, Окин даже слегка задремала. И тут телефон зазвонил во второй раз.

...

– Окин, и снова – здравствуйте! – В трубке послышался знакомый бас. – По поводу необходимой нам – и вам – встречи, готовы ли вы назначить время?

– Меня устроит любое время в пределах разумного, – ответила она, демонстративно зевая в трубку.

– Вы не работаете? – Морсби сделал небольшую паузу, впрочем, не рассчитывая услышать ответ. – Ах да, сидите с дочкой. Хорошо. Тогда выберу я... Итак, завтра утром ровно в одиннадцать часов предлагаю Вам встретиться, чтобы побеседовать с глазу на глаз на совершенно безобидную тему. За полчаса до встречи я сообщу Вам о месте. Всего хорошего, Окин.

Она, затаив дыхание, слушала, как какое-то время Морсби не прерывал связь, дожидаясь её ответа, но молчала. В трубке послышались гудки. Окин посмотрела на белого коня, который до сих пор был у неё в руках. Потом поднялась с кресла, подошла к столу и выбрала самое подходящее, самое безопасное место для фигуры на доске. Она вспомнила, как играла

с отцом в шахматы, а дедушка подходил и говорил ей почти всегда невпопад: «Лошадью ходи!». Окин улыбнулась.

...

«Видимо, это тут», – подумала Окин, подъезжая к живописному месту на пологом склоне горы, уступами спускающемуся к морю. Она оставила мотоцикл на парковочном месте, сняла шлем. С моря дул холодный ветер, и доносились жалобные крики чаек.

– О чём вы хотели поговорить? – с ходу начала Окин, подойдя к столику, за которым расположился пожилой джентльмен. К его чести, он пришёл один. Едва завидев её, он поднялся из-за стола.

– Доброе утро, мисс, – сказал Морсби, почтительно улыбаясь и протягивая ей руку. Ответом было сухое рукопожатие и презрительный взгляд. Она была намерена сразу расставить все точки над *i*, не забывая всё же о том, что нужно разыграть карту наивности.

– Присаживайтесь, мисс... – как ни в чём не бывало продолжал Морсби.

– Я, кажется, задала вопрос, – гнула свою линию Окин, усаживаясь.

– ...и не стоит так злиться, поверьте, мне ничуть не больше вашего хочется торчать здесь, на холодном ветру. – Морсби достал сигары и предложил Окин закурить. Из любопытства она взяла одну. – Видите ли, ваш друг, Грэм Питерс...

Глаза Окин метнули молнии. Дэвид откашлялся.

– ...так вот, ваш друг нанят МКА для экспедиции к Юпитеру, и – вот же совпадение! – пролетело два года, а на днях кто-то ломанул их сервер...

– Какое уж тут совпадение? – криво усмехнулась Окин.

– Вы знаете, я с вами абсолютно согласен в этом вопросе! Какое уж тут совпадение! Но, тем не менее, владельцы сервера очень обеспокоились и вызвали меня, вашего старого куратора. Возможно, шерстят всех! Как говорится, и вы попали под раздачу. Понимаете, я им так и сяк, дескать, моя подопечная ни на что такое не способна – ни в умственном, а тем более в моральном плане. Но они говорят: старик, иди и делай свою работу. Так вот я хочу лично спросить у вас, Окин, прямо: ваших рук дело?

– Нет, конечно, – с вызовом сказала Окин. – Что такое сервер?

– Ну-ну, не перегибайте палку, милая Окин... Наивность хороша в меру. А ваши дружки (кстати, вы поблагодарили их за то, что по их милости побывали на Луне?), ваши дружки – они-то как? Они могли устроить взлом?

Необычная, как и всё происходящее, сигара никак не хотела зажигаться, да и пахла она каким-то мёдом. Окин бросила её в стоящую рядом урну, достала и закурила свою сигарету.

– О чём вы?

– Ясно, они бы вам всё равно ничего не сказали. Так я и передам. Но знайте, Окин, меня снова обязали следить за вами очень внимательно, до тех пор, пока не найдут виновного. Вы уж извините, но если захотите покинуть город, то не забудьте оповестить вашего старого куратора. И раз в неделю...

– ...вы будете мне названивать, чёрт подери!

Окин встала и уже развернулась, чтобы уйти, как Дэвид её окликнул:

– Окин!

– Что???

– Вы сняли электронные наручники Грэму?

Окин разозлилась:

– Вы спятили?! Катитесь к чёрту!

...

«Старый лис, напоследок припомнил про наручники, на что рассчитывал?! Хотел ещё больше меня разозлить? Зачем ему это? Тогда, может быть... Он что, предупредил меня, дал знать, что эта маленькая шалость всё-таки оказалась у меня в портфолио? Морсби не прост, ох, как не прост!..».

Окин не понимала, как она могла проколоться с сервером. Понятно, что её не отследили – иначе она уже была бы за решёткой и «звёздное небо в клеточку». Но ведь как-то узнали о самом факте взлома. Когда всё утихнет, она решила наведаться к ним ещё разок, чтобы внимательно посмотреть, чего она могла не заметить.

Вообще, взломать их мог кто-то другой. Ведь Окин действовала всегда исподволь, подбиралась мягко, пружиня, заметала следы. Тут три варианта: первый – они усилили защиту (перешли на качественно новый уровень, который придётся изучать, если это подтвердится), второе – кроме Окин их взломал кто-то ещё, не такой умелый, как она, и обильно наследил, и третье – кто-то взломал Окин. «Если третье, то не хотела бы я столкнуться с этим взломщиком на узкой дорожке диска! Решительно не хотела бы!»

...

Всего было три основных варианта.

Первый: она оставляет всё, как есть, тогда Морсби продолжает делать три вещи – во-первых, верить, что Окин не виновна, во-вторых, неформально быть на её стороне, и в-третьих, пасти её исключительно по долгу службы, тем самым отравляя ей и без того горькую жизнь.

Второй: её команда взламывает их, убирает порочащую инфу о том, что она когда-то, три года назад, сняла наручники Грэму Питерсу (враги могут только подозревать её в этом, прямых улик у них нет), тогда, возможно, её истинные тюремщики перестанут натравливать Морсби. Милый старикашка будет только рад, что его оставили в покое.

И третий: всё то же самое, что и во втором варианте, только Морсби, как будто невзначай предупредив, на самом деле устроил ей проверку. Поэтому, как только он увидит, что компромат исчез, сразу поймёт, чьих это ловких рук дело. И тогда ей несдобровать. Может быть, это даже ловушка его личного изобретения: скажем, ничего такого в её личном деле заведено и не было, а он сам взял, да вписал, и ждёт теперь, уложив холёные ручки на круглом животике, когда запись исчезнет. Тогда Окин окажется на крючке, с которого ей так просто не спрыгнуть. Такой вариант годится ещё и потому, что он объясняет, почему Морсби настаивал на личной встрече: всю ту дрянь, что он ей наплёл, можно было и по телефону сказать. Так нет же, ему нужно было встретиться с ней лично, с глазу на глаз. Для чего? Ясно, увидеть её реакцию. Ах ты, старый опоссум!

Что-то нужно было с этим делать.

Сначала Окин решила не идти напролом, а попробовать решить проблему изящным способом. Дэвид Морсби – её куратор, и у него, может быть, есть доступ к корректировке её данных. Не факт, но возможно. Поэтому убрать ненужную, порочащую её информацию нужно от его имени. Ну и как можно заставить его это сделать? Окин удавалось проникать только в электронные мозги – это был особый, редкий дар, отнимающий много сил. Как проникнуть в дряхлые мозги куратора Окин не знала. Ведь нужно было не только удалить компромат из её личных данных, но и воспоминание об этом компромате из головы Морсби. Задача оказалась неразрешимой.

Тогда ей пришлось в голову сделать вот что: если случай с наручниками многократно

повторится, то, наконец, посчитают, что дело не в чьей-то воле и ментальных способностях, а в неисправности наручников, и тогда, возможно, снимут с неё подозрение. По крайней мере, можно будет усыпить бдительность Морсби, и он совершенно спокойно воспримет исчезновение маленького и по сути незначительного факта из личного дела Окин Магвайр. Или поймёт, что его подлый план провалился.

...

Окин знала, что осуществление задуманного отнимет много сил, но она намеревалась растянуть его во времени. Она уже довольно долго находилась в ужасной депрессии, а теперь ещё добровольно взвалила на себя этот груз. А всё из-за мелкой шалости в лунной тюрьме около трёх лет назад. Окин думала о Грэме, о его красивых сильных руках, о его сером взгляде из-под опущенных ресниц, редкой улыбке. Мысли о нём придали ей силы, и она принялась снимать чужие наручники. Ассоциативным рядом служили тюрьма, камера, руки, электронный замок. Это было не просто: нужно было погрузиться в полную тьму, тишину и искать в этой глухой темноте нужные ей ряды битов 00101011, 00111000, ...

...

«Когда идёшь навстречу солнцу, не думай, что где-то оставил свою тень. – Писала Окин карандашом на чистом листке бумаги. Её руки немного дрожали. – Откуда я зацепила это?». Капля воды упала с её мокрых волос, а потом закапали слёзы. Белая бумага покрылась выпуклыми кругляшами. После первых двух наручников она была совершенно измотана. Ведь она побывала не где-нибудь, а опять в своём личном аду, в лунной колонии. «Можно было и на Земле, можно было даже на Марсе... – Окин не знала, но ходили приглушённые слухи и о марсианской тюрьме. – Заодно и узнала бы... Но я вернулась в то самое место моего заключения...». Тяжёлая капля достигла кончика носа и бухнулась на «солнце».

«Действительно, откуда я знаю эту фразу? Это похоже на сентенцию или афоризм». В поисковике ничего однозначного не нашлось, но Окин вдруг наткнулась на страничку с командой астронавтов – с теми самыми, которые отправились на Европу вместе с Грэмом. По Окин будто ток прошёл – она совершенно не ожидала этого. Про каждого было написано немного, какие-то факты из биографии и тому подобное. Оказалось, что «Когда идёшь навстречу солнцу, не думай, что где-то оставил свою тень» – ни много ни мало, а жизненный девиз одного из астронавтов, Аэра Холлингсворта. «Вот меня занесло, – подумала Окин. – Возможно, что мои мысли о Грэме привели меня туда. Но надеюсь, что нет, так как это могло бы означать, что... какая-нибудь электроника там выйдет из строя. Вероятность исчезающе мала, но всё же. Нужно быть аккуратней». Подумав, Окин пришла к мысли, что не могла так уж сильно накосячить. И ещё решила не думать про Грэма в следующий раз, когда...

...

Мэтью Дюбуа имел отличительную особенность по сравнению с остальными членами экипажа «Экспедиции», да и по сравнению с большей частью людей вообще: во-первых и во-вторых. Во-первых, он думал о будущем, но не это, конечно, отличало его. Во-вторых, он думал о будущем, почти как о настоящем. А это было то самое. О прошлом он также иногда думал, как о настоящем, но это не было такой уж отличительной чертой его характера. Один из двух IT-специалистов в нынешней команде, он решительно не понимал, почему для того чтобы Джошу Биру, капитану экипажа «Экспедиции», покинуть Европу, нужно не только спросить разрешения у МКА, но и получить от них коды доступа на взлёт. Мэтью легко себе представлял следующую рекогносцировку: уматывать отсюда надо срочно, но вот незадача,

кодов на взлёт нет, а их получение в самом благоприятном случае займёт несколько часов. Да и дадут ли их?.. Мэтью просто считал, что это неправильно. А раз это неправильно, то нужно постараться исправить. Это могло спасти их ненужные жизни в нужный момент, потому что... Всем здесь было, мягко говоря, давно уже было не по себе. Систему защиты взломать ему одному было не под силу. Мэтью ненавидел слово «невозможно». Оно напоминало ему о его слабости, недостаточности. Нужен был ментальщик. Но конечно, эти люди очень редки и скрыты, а здесь, на Европе, кроме него всего один «айтишник». Подойти, да прямо спросить? Если он и слышать про такое не слышал, то просто покрутит у виска, да и всё. Если не захочет признаваться, то тоже не скажет. Но есть мизерная вероятность того, что он ментальщик, и что он сознается.

– Зотов...

– Чего?

– Ты мне вот что скажи: ты – ментальщик?

– Дюбуа, ты что, спятил? – Герман Зотов внимательно всматривался в его лицо, будто и в самом деле пытаясь понять, спятил ли Дюбуа.

– Ну, нет, так нет. Я же просто так, ради интереса поинтересовался. Мало ли... А то нас тут девять человек – и не одного ментальщика. Странно, думаю, как-то...

– Нас тут восемь, – хмуро поправил Зотов.

– Точно. Ясно.

Мэтью собирался развернуться и уйти – глупо это как-то было даже спрашивать про ментальщика, но тут Зотов сказал:

– Кто ж сюда ментальщика отправит? Если мы с тобой тут – значит, мы оба точно не ментальщики. Малейшего подозрения достаточно, чтобы развернуть такую кандидатуру.

– Это ясно. Я на всякий случай, Зотов, спросил.

– Коды на взлёт?

– Ты тоже об этом думал?

– С первого дня «Экспедиции».

– Я буду так пробовать, без ментальщика.

– Удачи, – мрачно напутствовал Зотов.

Мэтью подбирался и так, и сяк, все копыя обломал, но даже близко подступить не получилось. Ему было не впервой залезать в самые скрытые коридоры электронных мозгов, но без хорошего, работающего с ним рука об руку ментальщика, дело не продвинулось ни на йоту.

...

Мэтью не переставал думать о кодах и через пару месяцев решил попробовать кое-что ещё. Застопорюсь на том же камне преткновения, что и всегда, думал Мэтью, но всё же попробовал безо всякой надежды проскользнуть дальше, уже предвидя предупреждающее сообщение системы безопасности... Но какого же было его удивление, когда удалось проникнуть в прежде закрытую от него за семью печатями область памяти. Мэтью даже задержал дыхание, подумав, что он допустил ошибку, не так понял. Попробовал ещё раз – путь для него был открыт! Не веря в свою удачу, Мэтью сделал всё, что хотел, что считал своим долгом чести сделать. Все коды доступа были теперь перед ним как на ладони. Сохранив все изменения, скрыв по возможности свои следы пребывания в запретной зоне, Мэтью рванул к Герману. Тот, на радость, был в своей каюте.

– Герман, ты что... Ты помог? Ты всё же из этих, из ментальщиков?

– Нет, Мэтью. У тебя что, как-то получилось?

– Да!

– И коды доступа...

– Получены!

– Ты гений! Слушай, может у тебя открылись скрытые способности?

– Кто знает! – засмеялся Мэтью. – Мне явно кто-то помог. Кроме тебя подозреваемых нет. Так что сознавайся.

– Мэтью, точно не я. Покажешь, как сделал?

– Пошли.

Мэтью долго водил Германа по электронным коридорам компьютерной памяти, все боковые двери в которых были кем-то настежь распахнуты...

8. Счёт открыт (Герман)

Аудиодневник Майкла Роу

>>>>...нужно было отправить блесну как можно глубже, так как у самого льда редко-редко проплывало что-нибудь предположительно съедобное. Решетчатые створки, сделанные из грубых металлических прутьев, не открывали.

Что касается меня, то я хоть и человек, максимально приближённый к морскому миру, но всё же не заядлый рыбак. Просиживать с удочкой в ожидании клёва – занятие не для меня. Но ловить рыбу здесь, на Европе, совсем другое дело, нежели чем на Земле. Чего только стоит осознание того, на что мы отважились: на задворках Солнечной системы, где-то в окрестностях Юпитера... Да, кстати, все решили сначала дождаться Эстер, а уж потом... Она должна бы уже вернуться.

Кристина и Эльза приготовили всё необходимое для проведения экспертизы улова. У них имелись наборы с реактивами, микроскопы с умопомрачительным увеличением, и другие приборы самого последнего слова науки и техники.

Самым аутентичным среди нас любителем порыбачить оказался капитан Донцов. Он сообщил, что к этому занятию приучил его ещё дедушка по линии матери. Предвкушая азартную рыбную ловлю, он, тем не менее, беспокойно поглядывал на часы.

– До сих пор нет Эстер. Майкл, во сколько она отплыла?

– Около семи вечера, сразу после меня. Уже три часа прошло, – ответил я.

Рация была исправна, но Эстер так и не ответила на мои позывные. Я не на шутку забеспокоился, да и не только я, все были в напряжении. По её плану исследований выходило, что она взяла курс в восточном направлении «исследовать гейзеры», а также собиралась «изучить комплекс ледовых изваяний и возможные пещеры».

– Это и в самом деле не быстро, – сказал я.

– Можно начать пока без неё, а потом она к нам присоединится, – сказала Эльза. На том и порешили.

В идеале мечтали поймать две-три рыбины разного сорта, исследовать их. А уж потом, на следующий день, когда будет дано «добро», заняться ловлей более серьёзно. Правда, всё равно каждого пойманного представителя местной фауны придётся рассматривать под микроскопом, прежде чем съесть.

С помощью грузила и лески невообразимой длины мы отправили блесну вглубь метров на сто и стали ждать. Вдруг поплавок дёрнулся, и мы принялись наматывать леску, после чего увидели трепыхающееся создание, заглотившее блесну. Это была рыба, напоминающая земного угря, белая, не более тридцати сантиметров длиной, с прозрачными удлинёнными чешуйками, отливающими перламутром.

Довольно быстро мы наловили три рыбины, две из которых оказались морскими змеями, и отправили их на экспертизу. Вся историческая рыбалка была бережно снята на видео...<<<<

>>>>...Эстер всё ещё нет. Капитан задействовал мощную рацию, предназначенную для радиосвязи в экстремальных ситуациях, но она упорно не отвечала. Оставался всего один батискаф. Было решено отправить меня на поиски. Я поплыл к тем самым ледовым изваяниям, которые собиралась исследовать Эстер, точными координатами

которых я располагал.

Пройдя примерно половину пути, я увидел, что эхолокатор зацепил два крупных объекта, перемещающихся на довольно большой глубине. Своими размерами они намного превосходили наши батискафы! Я передал сообщение об этом по рации. Не хотелось бы мне, чтобы эти двое заинтересовались моей скромной персоной.

Но вот и ледовые изваяния. Всё время пути я не оставлял попыток достучаться до Эстер, но она не откликнулась; также постоянно я держал связь со станцией.

Такой невиданной красоты здесь, на Европе, я ещё, пожалуй, не встречал. Шик-блеск, да и только, недаром же она заинтересовалась этим местом. Исплавав всё вдоль и поперёк и ничего не обнаружив, я отправился к склонам вулкана, к гейзерам...<<<<

>>>>...исчезновение Эстер стало громом среди ясного неба. Ничего плохого с нами до сих пор не происходило за все три месяца, пока мы здесь. Оба автоматических гидробота непрерывно исследовали склоны вулкана, изображения, передаваемые ими, просматривали двое дежурных. Сейчас у экрана находились Ричардс и Ковач. Это было первое ночное дежурство. И они были на связи с Эльзой (когда я вернулся ни с чем, место в батискафе заняла Эльза).

Куда пропала Эстер? Мысли об этом не давали мне уснуть, и я постоянно ворочался. И тут я вспомнил, что во всей этой суматохе совсем забыл рассказать команде о маленьком сером предмете, продолговатой коробочке, случайно снятой мною на камеру. Я соскочил с кровати и снова стал просматривать своё видео. Да, мне не показалось, артефакт – искусственно созданное нечто, возможно таящее в себе свидетельство какой-то тайны – имел место быть. Путь до него хорошо прослеживался. Я решил завтра же с утра оповестить о случайной находке всю команду и как можно скорее сплавать за ней.

Артефакт лежал в выемке во льду. Выемка зияла тёмным пятном, складывалось впечатление, что это вход в небольшую пещеру.

С самого начала мы исследовали эти узкие углубления, посылая туда гидроботы, но не одно из них не оказалось пещерой или проходом, ведущим куда-то. Самая длинная «пещера» была не более четырёх-пяти метров в длину, а исследованы были десятки. С тех пор мы стали называть эти углубления лже-пещерами. А что, если мы заблуждаемся? Что, если среди «обманок» попадаются и настоящие пещеры? Тут меня как током дёрнуло, уже засыпая, сквозь сон, я вспомнил, что Эстер отправилась исследовать в том числе «возможные пещеры». Меня осенило. Чёрт возьми! Что, если её исчезновение каким-то образом связано с этим? Огромный краб, похитивший Эстер вместе с батискафом, протягивал и ко мне свои змеиные – змеиные? – щупальца.

Я стряхнул сон и побежал к Сэму и Крису, дежурным, рассказал им всё – и про коробочку, и про свои подозрения.

За день я ужасно устал. Кстати, замечу: обычно сон здесь накрывает довольно быстро, стоит только коснуться головой подушки, как.....<<<<

...

Когда Герман Зотов повернул «Буран» к светящемуся вдали кораблю, он уже предвидел свою гибель. Температура внутри катастрофически падала. Столб света вдали чёткой линией разрезал небо на две части, Герман знал это, но глаза его уже ничего не могли разглядеть. Он установил координаты для езды на «автопилоте». «Буран» послушно поехал

к космолёту. Герман хотел пошевелить пальцами ног, но понял, что уже не может этого сделать. Сознание уходило, сливалось в чёрную точку где-то внутри черепной коробки, отчего было нестерпимо больно. Последним усилием воли он положил правую руку на запястье левой, тем самым включив рацию, и хрипло прошептал: «Еду домой». Когда всё закончилось, и закончилось ли вообще, Герман не знал.

Рация не сработала, «Буран» нашли два дня спустя. Он был сделан на Земле для работы в сверххолодных условиях на спутниках Юпитера.

Герман превратился в ледовую статую, памятник самому себе.

...

>>>>...раз... раз... Утро следующего дня. Герман Зотов? Один из? Ну и сон...

Сэм долго вглядывается в сильно увеличенное изображение серой продолговатой коробочки, похожей на мыльницу и по форме и по размеру. Обычно смеющиеся глаза его мрачнеют.

– Интересно, что это? – задаёт он вопрос, не ожидая, впрочем, получить на него ответ, поэтому делает предположение: – Мыльница? Что бы это ни было, думаю, оно до сих пор валяется там, и уже довольно-таки давно: будто мхом поросло.

– Скорее осадочные породы... Нужно поскорее забрать это оттуда, – почему-то сердито говорит Крис Ковач. – Я чувствую, за этим кроется величайшая тайна.

– Тут ничего, кроме величайших тайн, вообще нет, – хмуро замечает Эльза. Она прибыла на батискафе около часу назад – без результата. – Забрать? И каким же кустарным способом? Гидробот обязательно напортачит.

Да, это было проблемой. Но надежда на лучшую жизнь не умирает, так как примерно через месяц мы ожидали прилёта грузового космического корабля с Земли. Космолёт «Экспедиция-3» с двумя астронавтами Кедровым и Дэвисом на борту, погружёнными в искусственный сон, вот уже целый месяц летел по направлению к Юпитеру. В нашем обитаемом модуле были забронированы свободные каюты для них.

Наши мечты о грузовом космолёте, или, как мы говорим, «грузовике», были похожи на планы детей перед Рождеством. Чего бы нам обязательно хотелось? Аквалангов: для погружения на небольшую глубину и громоздкие глубоководные. Двухместные батискафы, один, а лучше два. Неплохо было бы получить небольшую подлодку-ядерку.

– Можно его усовершенствовать, – говорит Сэм про гидробот. – Например, привязать сеть к его «рукам», таким образом, что если он и уронит мыльницу, то в сетку. Готов этим заняться. После того, как Эстер найдётся, конечно.

Не теряя времени, я прыгаю в «Дональда» и отправляюсь на поиски. Я уже знаю, куда поплыву в первую очередь: искать вход в пещеру, которая так заинтересовала Эстер...
<<<<

9. Мягкие лучи

Было абсолютно темно, даже рук своих она не могла разглядеть. Голова раскалывалась. Ощупав лоб, Эстер измазалась в чём-то липком. Кровь. Вся голова в крови. Видимо ударились очень сильно. Глупо было снимать шлем.

Света нет. Рация? Всё тот же белый шум. «Что произошло? Как мне выбраться из этой переделки?» – стучали вопросы в голове лихорадочным пульсом. Во рту ощущался металлический привкус.

Она вспомнила, что когда-то брала с собой фонарь, боясь очутиться в полной темноте. Страх давно прошёл, так как всё работало надёжно, но фонарик должен быть где-то остаться. Понимая, что он может быть только в выдвижном шкафчике под пультом управления в одном из двух батискафов, Эстер открыла дверцу шкафчика, и нащупав пластмассовый цилиндр – удача! – включила свет.

Снаружи, кто бы там ни находился, её не могли заметить, потому что панорамный иллюминатор был односторонне прозрачным. Зато Эстер угрожала другая опасность: если батискаф был «вынут» из воды, то малейшие колебания внутри него могли привлечь внимание загадочного похитителя. Сколько же времени прошло, пока она была без сознания? Оказалось, что почти целый час. Было душно, воздух в батискафе заканчивался. Эстер надела шлем, проверила систему жизнеобеспечения скафандра. Всё в порядке, можно вдохнуть полной грудью.

Она стояла перед выбором: что-то предпринять или сидеть сложа руки и ждать спасения. «В воде люк не откроется, сработает автоматическая защита. Если я на суше, то, выйдя из батискафа, подвергнусь риску быть съеденной или превратиться в ледышку», – сокрушалась она. Конечно, скафандр для спусков под воду в батискафе очень прилично защищал от холода, но до разумного предела.

«Если меня каким-то образом занесло на берег, – Эстер горько усмехнулась, – то вряд ли меня отыщут. Они не смогут даже попасть сюда, потому что мы бессильны в техническом смысле!».

Она закрыла глаза и вспомнила родителей, их дом на берегу реки, как в детстве отец учил её плавать. Мама боялась воды и всё время просила не заплывать далеко. Эстер была единственным ребёнком в семье. Вспомнила, как в юности пришли мечты о космосе. Родители гордились ею и всегда поддерживали. У неё была великолепная семья, но это было само собой разумеющимся, вроде как иначе и быть не могло. Она стремилась к большему. В отряде астронавтов на её счету был, по крайней мере, один рекорд: она была самым молодым астронавтом в истории Земли. Целый год на космической орбитальной станции, потом полёт на Луну. И вот теперь – Юпитер, Европа. Родители были против, они хотели нормальной жизни для дочери. Мама со слезами на глазах упрашивала её не соглашаться на долгую космическую экспедицию, отец хватался за сердце. «Бедные мои старики», – с горечью думала Эстер сейчас. От досады на себя голова у неё пошла кругом. «Расслабилась, забыла об опасности! Не могла хоть на неделю отложить эту пещеру!». Эстер представила, как Егор Донцов сообщает о ней, как о без вести пропавшей. «Бедные, бедные мои мама и папа... Ну нет, не бывать же этому!».

В столь подавленном состоянии мысли о родителях придали Эстер уверенности в своих силах. В голове созрел план: разведать обстановку и при удачном стечении обстоятельств

подкатить «Дональд» к самой кромке, сесть внутрь, раскататься, скатиться в воду и – скорее от этого страшного места! Что и говорить, план рискованный! Но иного не дано. Поэтому она отважилась приоткрыть люк батискафа, находящийся вверху, на самую малость. Опасения оправдались: батискаф не в воде. Луч фонаря скользнул в образовавшийся зазор – снаружи всё спокойно. Возможно, хищник потерял к ней интерес, уплыл в океан в поисках чего-нибудь менее металлического и более съедобного. Эстер открыла люк полностью и выбралась наружу, ловко подтянувшись на специальных поручнях, прикрепленных к потолку.

Батискаф находился в огромной пещере, не в пример той, в которой был помещён модуль «Галактика». Луч света терялся в густой темноте. Сверху то тут, то там свисали вниз или устремлялись вверх массивные сосульки; иногда природа создавала колонны, сливая воедино сталактиты и сталагмиты.

Посветив вверх, Эстер ахнула. Ей показалось, что огромный туннель, сотворённый силами природы, бесконечно уходит ввысь, теряясь среди арок, мостков, переходов и других образований, некоторые из которых свисают наподобие лиан. Света фонаря было недостаточно, чтобы охватить всю картину целиком, но и одного вырванного лучом фрагмента хватило, чтобы представить себе её. Однако нельзя было терять время на разглядывание, нужно было приводить в действие план по собственному спасению.

...Когда яркий свет опалил глаза Смолистого, он в панике скрылся. Не хотелось неприятностей. Что это такое? Никогда не видел он таких существ. Наутилусы – те другие, не такие ослепительные. Они держатся стаями, а у него хватает ума держаться от них подальше. Ведь когда между ними вспыхивает яркая сетка молний, это очень больно. Но зато одинокий наутилус, отбившийся от стаи, – лакомая добыча. Его стоит поймать. Твёрдый снаружи, но мягкий и вкусный внутри. И никакого колючего электричества: один наутилус не умеет создавать молнии.

И всё-таки это похоже на удачу. Смолистый был очень голоден: в последнее время попадалась только мелкая рыба, но разве это еда? Разве можно этим насытиться? А этот огромный светящийся шар плавает рядом с его жилищем, более того, направляется прямо в пещеру. Редкое везение.

Окутанная вначале густым маслянистым туманом, добыча была схвачена. Затем Смолистый перенёс «улов» поближе к своей норе, но так и не смог найти слабое место в твёрдой оболочке гигантского существа.

А голод всё настойчивей гнал на поиски пищи. Ему было разрешено охотиться только в океане...

После непродолжительных поисков Эстер нашла то, что искала – «колодец» или туннель, ведущий вниз, в темноту океана. Не верилось, что это происходит с ней, напоминало сон. Шок от пережитого атрофировал чувство опасности, как что-то избыточное, мешающее принимать решения.

Теперь нужно задраить люк снаружи и катить батискаф к колодцу что есть силы. Эстер никогда не была слабачкой, а сейчас тем более не могла себе этого позволить. Спустя некоторое время часть плана по выживанию была приведена в исполнение. «Дональд» стоял на устойчивом «пяточке» рядом с «прорубью». Люк – удачно – сбоку. Осталось запрыгнуть внутрь, закупориться, потом раскататься... Но не успела она перевести дыхание, как

огромные резиновые щупальца показались из туннеля, мгновение – и её окутал чернильный дым. Не разбирая дороги, Эстер кинулась прочь от неземного ужаса. Сумасшедше скачущий круг свет от фонаря освещал ей дорогу. Сзади наступала чёрная громадина, погоня сопровождалась каким-то шипением, звучными шлепками и шуршанием тысяч змей по ледяному насту.

Бежать было невообразимо трудно – почти в полной темноте, по бугристой поверхности, к счастью не скользкой, в неудобном скафандре. Очевидно, она уступала в скорости. Равнодушно подумалось: «Ещё немного, и всё кончится». Круг света впереди лихорадочно прыгал, тени бесновались как очумелые. Прямо перед её лицом неожиданно возникла свисающая до самой земли «лиана». Эстер ухватилась за неё, подобно тому, как утопающий хватается за соломинку. «Всё, конец», – подумала она, но всё равно стала ползти по лиане, как вдруг почувствовала, что «лиана» начала стремительно подниматься, и сама она вместе с лианой взмывает вверх с фантастической скоростью. Эстер зажмурилась, а когда, наконец, осмелилась открыть глаза, то ничего не увидела, потому что в руках вместо фонаря была спасительная «лиана», а полёт между тем продолжался. Посмотрев вниз, она заметила маленькую светлую точку и поняла, что это оброненный фонарь. «Я спасена, но как, чёрт возьми?!» – недоумевала Эстер.

Полёт оборвался так же неожиданно, как и начался. Вокруг себя Эстер увидела лучезарный свет – мягкое, то ли серебристое, то ли золотистое свечение; светящиеся круги, зависшие в воздухе. Секунду спустя она с холодящим сердце ужасом поняла, что эти круги ни что иное, как большие светящиеся глаза каких-то существ. Ещё она увидела, что у всех особей, окружающих её, к счастью на довольно-таки большом расстоянии, разное количество глаз. Некоторые внимательно смотрели единственным не моргающим глазом, другие подмигивали ей сразу тремя. А у некоторых, совсем как у людей, глаз угадывалась пара. Впрочем, на этом сходство с людьми заканчивалось. Существа были маленькие, некоторые почти голые, с большим количеством конечностей, без видимого деления их на руки и ноги. Всё это было похоже на дурной сон.

Эстер огляделась. Теперь света хватало и без фонаря. Мягкие, струящиеся лучи, исходящие из глаз этих существ успокаивали, несмотря на первоначальное отторжение. По крайней мере теперь она не чувствовала угрозы. Самое главное – спасение от гигантского монстра с множеством щупалец. «Скорее всего, это был головоногий, научившийся перемещаться по суше», – подумалось ей.

По всей видимости, эти диковинные существа живут здесь. Возможно, они очень смышлёные, и у них есть что-то вроде зачатка интеллекта. Вид вокруг говорил о подобии примитивной цивилизации: беспорядочно свисающие лианы однозначно служили подъёмниками. Из чего они? На ощупь мягкие, будто кожаные. Вглядевшись, она увидела, что «подъёмники» действительно сделаны из кожи, возможно из шкур морских змей. О существовании в этом мире чего-то не морского Эстер как-то не привыкла думать. Многоярусная пещера уходила кверху, затем сужалась. Задрав голову, Эстер увидела, что на каждом ярусе свет усиливается, и догадалась, что источник света тот же – глаза этих странных существ. Ярусы напоминали огромные балконы неправильной, природной формы. Мягкий рассеянный свет кое-где преломлялся, проходя сквозь сталактиты, становясь то голубым, то зеленоватым, а то играя радужными переливами. Была здесь и растительность. То ли глаза Эстер всё больше привыкали к полумраку, царящему в пещере, то ли свет постепенно усиливался, но в глубине яруса, за неподвижно глазающими существами, она

разглядела пышно разросшиеся кусты, заросли голубых растений, напоминающие земные мхи и лишайники, только многократно превосходящие их по размерам. Ещё она обнаружила, что жизнь в этой огромной сталактитовой пещере не только перебралась на сушу, но и обрела крылья: какая-то птица стремительно пронеслась прямо перед её лицом, чуть не задев крылом. Возможно, это была не птица, а очень крупное летающее насекомое или крылатое животное.

Что и говорить, положение незавидное: она застряла между небом и землёй, руки слабеют, голова идёт кругом от голода и холода, да и воздух в скафандре вот-вот закончится. Только когда? Потерян счёт времени.

Существа, стоящие до этого почти неподвижно, задвигались. Конечности у них оказались очень длинными, почти одновременно они стали протягивать их к Эстер. Это было отвратительно, ледяные мурашки забегали у неё по спине.

– Кто вы?! – закричала она, но через скафандр не вырвалось ни звука.

– Мы пещерные жители, – голос прозвучал как будто у неё в голове. – Мы живём здесь давно, сколько помним себя, сколько помнят наши прародители. Мы древние, как лёд и океан. Ты пришла к нам. Ты пришла не одна. Лёд тревожите, будите страх. Уходите. Передай людям, чтобы оставили нашу землю, Анорру.

Существа, пещерные жители, всё же не могли дотянуться до Эстер, но тут, откуда ни возьмись, в их руках появилась палка с крюком на конце, они смогли зацепить лиану, на которой висела Эстер, и притянули её к ближайшему «балкону». Эстер осторожно ступила на твёрдую поверхность. Её руки не хотели отцепляться от спасительной лианы, но она заставила себя это сделать, затем шагнула вперёд. Существа не предпринимали больше никаких действий, и голос в голове молчал. Казалось, они очень внимательно наблюдают за ней, как будто хотят понять, сколько угрозы несёт в себе незваная гостья.

Эстер по вполне понятным причинам отодвинулась как можно дальше от края пропасти. Никакой угрозы в ней отродясь не было, и пещерные жители довольно быстро это усвоили. Множество длинных конечностей потянулось к Эстер. От ужаса она почти перестала дышать. Существа, по своему росту едва доходившие Эстер до пояса, заглядывали ей в лицо огромными лучистыми глазами и ощупывали её скафандр.

– Не прикасайтесь ко мне! – снова закричала Эстер, и существа разом отпрянули.

Тут из толпы выдвинулся вперёд старый пещерный житель. То, что он самый старый среди собравшихся, она поняла, а может быть почувствовала, бросив один единственный взгляд. Подобно всем остальным, он был маленький, едва ли трёх футов роста. Сморщенная кожа желтовато-коричневого оттенка. Два ясных серебристых глаза смотрели на Эстер снизу вверх, при этом имели, как ей показалось, простое и доверчивое выражение. Одежды на нём было мало, но удивлял сам факт её наличия. Это были лохмотья из кожи каких-то существ, а так же вязаное серо-голубое тряпье.

И вновь в её голове зазвучал голос:

– Мы здесь живём. Это наша земля – Анорра. Мы зовём себя меллами, пещерными жителями. Меня зовут Ликлянин. Я старейшина этого небольшого племени, что вознесли тебя кверху.

– Меллы, – зачарованно повторила Эстер. Она поняла, что теряет связь с реальностью и впадает в какой-то транс. Сквозь шум в ушах услышала свой собственный голос: – Так вы разумны?

Ликлянин, видимо, не счел нужным отвечать на этот вопрос.

– Как вы выжили здесь? – Эстер обвела руками вокруг и увидела подобие улыбки на сморщенном личике старейшины.

Всем остальным меллам понравился её жест, и она увидела, что существа стали плавно водить своими конечностями – кто во что горазд, и у кого сколько их было. Это показалось забавным, и на миг она почувствовала себя Белоснежкой среди гномов. Слабость вновь охватила её и Эстер подумала, что для этого полно причин: голод, холод, а также возможно самое страшное – недостаток кислорода. Она поняла, что нельзя терять ни минуты, и вновь обратилась к старейшине:

– Прошу вас! Помогите мне. Я теряю кислород и больше не могу здесь находиться. Мне надо вернуться к себе на базу. Я вижу, что вы разумны и понимаете меня! Там внизу огромный головоногий, он охотится за мной, и я никак не могу выбраться. Вы уже один раз спасли меня, спасите же ещё раз!

– Ты можешь уйти прямо сейчас. Он не тронет тебя, он подчиняется нашей воле здесь, в пещере. Твоё круглое плавучее средство привлекло его, как возможная добыча. Иди и не чувствуй страха. Смолистый останется в пещере, пока ты не уплывёшь в своей лодке. Но внизу, где начинается большая вода, наша власть заканчивается, там много опасностей, и Смолистые – меньшая из них. Иди же! И передай людям, что они незваные гости. Уходите и не будите страх.

«Легко сказать *иди же!*» – подумала Эстер, обводя вокруг себя взглядом. Меллы подступили плотно и заглядывали ей в глаза снизу вверх, некоторые протягивали длинные гибкие руки, чтобы ощупать её защитный костюм. Но вдруг как по команде они расступились, давая Эстер проход к свесившейся «лиане» из змеиных шкур. Ужасно робея, подозревая неладное где-то глубоко на дне пещеры и в то же время понимая, что иного выхода нет, Эстер, что было силы, схватилась за лиану. Почувствовала, как падает вниз с большой скоростью, крепко зажмурилась, стараясь ни о чём не думать. Падение прекратилось также внезапно, как и началось, и стоило невероятных усилий не выпустить лиану из рук. Она машинально поглядела вниз и увидела лежащий на земле фонарь. Спрыгнула вниз, и лиана взмыла вверх за пределы видимости. Эстер подобрала свой фонарь и стала тревожно озираться вокруг. Монстра нигде не было видно. Или затаился в густой темноте? Нельзя терять ни секунды – сколько раз за сегодняшний день она повторяла эти слова?

«Дональд» мирно стоял у самого обрыва в пропасть. Что там? Вода? Или это сухопутный туннель, который бог ведь как глубоко тянется вниз? И может статься, этот прыжок в неизвестность будет последним, что ей доведётся?

Люк был открыт, значит внутри такой же холод. Эстер прыгнула внутрь, если только это телодвижение хотя бы приблизительно можно было назвать прыжком. Скорее это был какой-то торопливый «влез внутрь». Дальше предстояло действовать по плану. Она задрала люк и стала раскачивать батискаф изнутри. Эстер перемещала центр тяжести своего тела то в одну, то в другую сторону, стараясь привести шар в неустойчивое положение. Вскоре, как и ожидалось, «Дональд» соскочил с края пропасти и с бешеной скоростью понёсся вниз, в неизвестность, гремя своими металлическими боками по скату. Эстер как могла, подготовилась к бешеному падению, но всё же это были невероятные скачки. Вдруг падение закончилось, и она поняла, что батискаф наконец-то достиг воды. Тут произошло маленькое спасительное чудо: свет внутри неуверенно задрожал, а затем включился. Эстер врубила двигатель, и «Дональд» поплыл вперёд, сам себе освещая путь в крошечной тьме туннеля.

Все механизмы и электроника работали на удивление исправно. Опасаясь возможного преследования, Эстер старалась как можно быстрее пройти все повороты. К счастью для неё, путь был не слишком извилистый, а разветвления нисколько не затрудняли нахождение пути, поскольку были гораздо уже основного туннеля. Наконец, маневры закончились, и с огромным облегчением она увидела, что «Дональд» вынырнул из пещеры.

И вдруг – о, ужас! – локаторы показали неминуемую встречу с чем-то огромным и круглым! Внезапно страх сменился ни с чем не сравнимой радостью, потому что Эстер увидела, что это был ещё один «Дональд». Она включила рацию и после щелчков и шуршания услышала позывные: «Эстер! Это ты! Ну, наконец-то! Ты меня слышишь? Ты меня слышишь?!».

– Майкл, я тебя слышу! – почти закричала она. – Нельзя терять ни минуты, у меня заканчивается кислород!

Два огромных металлических шара почти синхронно развернулись и на максимальной скорости поплыли по направлению к станции «Галактика».

10. Артефакт

Аудиодневник Майкла Роу

>>>>...когда мы доплыли до базы, Эстер пришлось буквально вытаскивать из батискафа, потому что она была почти без сознания. Ещё в дороге я оповестил ребят о нашем скором появлении и о том, что понадобится экстренная помощь, связанная с последствиями кислородного голодания. Всё было проделано оперативно. Эстер извлекли, одели кислородную маску, закутали в тёплое одеяло и как можно быстрее доставили наверх. Кристина обработала ей рану на голове. «Сильно стукнулась обо что-то, – сказала она, – возможно даже сознание потеряла после удара». Всё-таки Эстер несказанно повезло, видимо в рубашке она родилась: запас кислорода в баллонах кончился примерно за минуту, как её вытащили. Все мы восхищались нашей героической исследовательницей, и всем не терпелось услышать рассказ о её злоключениях. В том, что это были именно злоключения, никто и не думал сомневаться.

Кристина не отходила от Эстер ни на минуту, наблюдая за её состоянием.

С ней всё было хорошо, и это по всем признакам походило на счастливое избавление от большой беды, но это было не безоблачное счастье, потому что оставалось много загадок. Не откладывая в долгий ящик, всей командой мы ринулись смотреть видеоматериалы, которые привезла Эстер. Все, кроме Кристины и самой виновницы суматохи, расположились в кают-компании и погрузились в просмотр.

По всей видимости, она включила запись, лишь когда приблизилась к своей цели – комплексу ледовых изваяний. Взорам открылась потрясающая красота ледяного леса.

– Прекрасные кадры, – сказал Сэм и добавил, что нужно промотать запись.

– Прекрасные – и промотать? – съехидничал Крис.

– Да. Иначе будем любоваться природой, но долго не узнаем, где пропала Эстер.

Стали мотать вперёд, как вдруг Сэм велел остановить и прокрутить немного назад.

– Смотрите, что это? Вроде помеха, что-то тёмное и расплывчатое. Чёрт побери, да это движется!

При увеличении огромного чёрного пятна не обнаружилось никаких особенностей, за которые мы могли бы зацепиться – это было просто плотное облако, без лап и прочих конечностей. Понятно было, что Эстер заметила чёрное нечто и, немного помедлив, всё же повела батискаф следом за ним. Я всегда знал, что она смелая. Я бы даже сказал, безрассудная; надо будет поговорить с ней об этом её никчёмном безрассудстве на грани фола.

Потом мы стали свидетелями ещё более отчаянной храбрости Эстер, когда разделили с ней радость открытия пещеры. Я радовался её исследовательским успехам, зная при этом, что, возможно, мы всё ближе к разгадке её исчезновения.

Через какое-то время запись просто оборвалась. Вернее, мы ничего не могли разглядеть в полной темноте, но таймер продолжал отсчитывать секунды и минуты. Все напряжённо вглядывались в тёмный экран. Поскольку долго ничего не было видно, мы опять включили ускоренный режим просмотра. Спустя какое-то время наше терпение оправдалось. Откуда ни возьмись, появились маленькие тусклые огоньки. Сперва они перемещались довольно хаотично, но потом всё же приблизились к камере вплотную. После этого запись оборвалась

окончательно и бесповоротно, на экране была одна большая помеха.

Все мы были слегка ошарашены. Первым нашёлся Крис:

– Какие-то светящиеся точки, я бы даже сказал, пятна. Кто-нибудь хоть что-нибудь понимает?

– Надеюсь, Эстер нам многое объяснит, когда проснётся, – сказал Донцов.

Крису было поручено провести экспертизу видеозаписи, а попросту говоря, как следует рассмотреть увеличенное и сильно увеличенное изображение и сделать выводы, прибегнув в случае необходимости к помощи экспертных компьютерных программ...<<<<

>>>>...к слову об экспертизах. Как я говорил раньше, Эльза и Кристина должны были провести экспертизу над пойманными рыбами – можно ли их есть и всё такое прочее. Так вот, экспертиза показала, что два выловленных экземпляра из трёх вполне пригодны для пищи. Одна из змеек, голубая, содержала много ядовитых соединений. Её, как и двух других, скрупулезно изучили, составили научное описание, причислили к классу, виду, отряду, иначе говоря, подогнули под классификацию, нашли сходство и различие с известными науке животными.

Две другие мы собирались съесть. Но почему-то мне уже не хотелось. Историческая трапеза внушала страх, а страх мало способствует аппетиту.

Но были среди нас бесстрашные люди. Например, капитан Егор Донцов. Он, как старый рыбак, показал нам пример, голыми руками очистив все удлинённые перламутровые чешуйки с одной из рыбин, положил её на сковороду, залитую маслом, и изжарил, не моргнув глазом. По модулю раскатился непередаваемый аромат, что способствовало аппетиту.

Сам же первый и испробовал, велел остальным обождать хоть часок, а уж потом... Голодными мы не были, были только изголодавшимися. Каждому досталось по малюсенькому кусочку. Все так важно дегустировали, со знанием дела пытаюсь определить, на что именно похож вкус...<<<<

>>>>...Эстер спала долго, это был беспокойный сон, потому что дыхание её иногда становилось чересчур учащённым, и сомкнутые веки вздрагивали. Кристина сидела рядом на стуле; вскоре её должна была сменить Эльза. Я рассказал Кристине последние новости – про тусклые передвигающиеся точки или пятна в просмотренном видеоматериале. Она, задумчиво глядя куда-то перед собой, ответила, что может быть, это чьи-нибудь глаза. А я подумал про себя, что Кристина, наверное, очень устала, раз говорит такие нелепости. Но вслух, конечно, ничего не сказал.

Но чуть позже я изменил мнение о её словах, потому что эта версия была ничем не хуже остальных. Особенно если учесть, что остальных вообще не было, кроме идеи о светящихся рыбах, способных зависать какое-то время на одном месте, как осы или, что гораздо ближе к нашей подводной тематике, как морские коньки. Почему бы ни светиться глазам?..<<<<

>>>>...раз, два, три... Теперь, когда Эстер вернулась на базу, мы могли заняться добыванием артефакта – предмета, который я случайно заснял на камеру. Сэм Ричардс взялся за дело и соорудил для одного гидробота специальное приспособление: прикрепил к его «рукам» обычную рыболовную сеть таким образом, чтобы «мельница» (или

«шкатулка») не упала вниз, когда гидробот будет пытаться ухватить её всеми своими тремя руками.

Я и Сэм сели в батискафы и отправились на поиски артефакта в компании с гидроботом. Капитан Донцов остался на базе, чтобы по возможности руководить нами и в случае необходимости вмешаться в управление. Крис проводил экспертизу видеозаписи, Эстер спала, а Кристина только собиралась уснуть. Эльза была рядом с Эстер – ждала её пробуждения и готова была помочь, если потребуется.

Прямоугольный предмет, покрытый сверху мшистым налётом, лежал в том самом месте, где я его впервые увидел, и смиренно дожидался, когда его заберут. Именно это мы и осуществили, действуя продуманно и достаточно слаженно. Теперь он мирно покоился в сетке. Возможно, это было послание, которое наконец-то нашло своего адресата. Или предупреждение об опасности. Или просто какой-нибудь европанин обронил свой портсигар, когда навеселе заплывал к себе домой. Многого можно было себе вообразить, но больше всего нас интересовали факты, и мы хотели поскорее определить, что это за чудная штука.

Мы вернулись на станцию, осторожно вынули нашу находку из сети и очистили её от ржавой мшистости, чего делать не надо было. И что открылось нам? Это в самом деле была рукотворная вещь! Удлиненная металлическая коробочка размером с ладонь и толщиной примерно в два пальца. Углы скруглены, а на крышке выдавлены надписи в две строки на неизвестном никому из присутствующих языке и изображение головы какого-то зверя. Я бы сказал, что если это и не лев, то похож на него как две капли воды. На боку коробочки мы увидели полосу для набора кода, как у старинных сейфов! Только там были не цифры, а непонятные иероглифы.

– Закрыта так, что не откроешь, – сказал Крис, пытаясь открыть коробку руками. – Сейчас отвёртку принесу! Или попотеть над кодом?

– А готовы ли мы к тому, что может находиться внутри этой шкатулки, – задумчиво проговорил капитан. – Пока не стоит открывать. Нужно её просканировать – это раз. А потом смотрите, – он тихонечко потряс её около уха, – там что-то шуршит. Не взрывчатка ли какая-нибудь? Хотя по виду вполне цивилизованная вещица... Зря вы её так рано очистили от налёта, теперь гораздо труднее будет узнать, сколько времени она там лежала. Нам предстоит как можно быстрее исследовать находку и отослать полный отчёт на Землю.

– Мы займёмся этим, – с готовностью сказал я, кивнув на Сэма. Такого рода задания обычно поручают инженерам, но мне очень хотелось заглянуть вовнутрь, к тому же именно я нашёл шкатулку; я надеялся, что Егор не будет против – так и есть, он был не против.

– А что у тебя, Крис, со светящимися точками? – спросил капитан у Ковача.

– Вы не поверите, но выходит какая-то ерунда, нужно ещё раз... сейчас я не могу сказать ничего определённого... – ответил Крис извиняющимся тоном.

– Говори!

– Это не отдельные объекты. Светящиеся точки передвигаются иногда по отдельности, а иногда парами или по трое. Звучит абсурдно, но, по мнению компьютера, это глаза более чем на девяносто процентов и...

Я резко закашлялся, и все на меня разом посмотрели.

– Кристина сразу предположила, что это глаза, когда я ей рассказал об этих светляках, но я подумал, что она переутомилась, и не поверил! – выпалил я.

– Ясно, – сказал капитан и вновь обратился к Крису. – И что ещё?

– И я увидел, – продолжил Крис, – едва угадываемые тени существ. О внешнем виде пока ничего сказать не могу, кроме того, что головы у них довольно крупные.

– Вот это да, – сказал Сэм, который до этого молчал, внимательно вслушиваясь в слова Криса. – Теперь нужно дождаться пробуждения Эстер...

Не успел он договорить эти слова, как в каюту вошла Эстер с порозовевшими щеками, а за ней Эльза.

– Эстер, детка! Наконец-то проснулась! – воскликнул Крис, что прозвучало не только очень фамильярно, но и всех развеселило. – Как ты себя чувствуешь?

– Самочувствие нормальное, – ответила Эстер и улыбнулась: – Здесь такой переполох по поводу моего долгого отсутствия! Чувствую, сейчас посыпятся вопросы. Но я ничего не скажу, пока чего-нибудь не съем.

– Вот именно, дайте человеку поесть, – проявила солидарность Эльза.

С этим было не поспорить. Но всё же Крис не удержался и похвастался, легонько потрясывая найденной коробочкой с эмблемой в виде головы льва:

– А у нас вот что есть! Артефакт, свеженький, только что добытый!

– Покажи! – одновременно сказали Эстер и Эльза, но Крис ехидно парировал:

– Всему своё время, девочки!..<<<<

>>>>... Содержимое загадочного артефакта, найденного нами под водой, не представляло никакой опасности – это подтвердили сканирование и спектрографический анализ, применённые к нему. И даже код оказался подозрительно простым. Он состоял из пяти символов, при этом на каждую позицию приходилось пять возможных вариантов. Крис Ковач подобрал «ключ» за каких-нибудь десять минут.

Внутри металлической коробки мы обнаружили засохший бутон цветка и насекомых – стрекозу и трёх жуков. Их инопланетное происхождение не вызывало сомнений, поскольку нет у нас на Земле ни стрекоз с круглыми синими крыльями на длинных палочках, ни мохнатых членистоногих.

На дне маленького сейфа лежал, как ни в чём не бывало, серебристый пластиковый прямоугольник, по виду напоминающий карту идентификации личности. Подобная карта есть у каждого. Но, конечно, это могло быть чем угодно.

Да, я забыл упомянуть, что экспертная программа, запущенная на компьютере, выдала интересный результат по поводу надписи на крышке. Как оказалось, это была фраза на одном из «мёртвых» африканских языков, гласящая: «Когда идёшь навстречу солнцу, не думай, что где-то оставил свою тень».

Над тайной начала приоткрываться завеса. Стало понятно, что обнаруженный артефакт – это личная вещь одного из первопроходцев. Осталось выяснить, кому именно она принадлежала, как эта вещь оказалась там, где была найдена, и каким образом внутри неё оказались столь странные, с точки зрения землян, насекомые.

Крис осторожно, двумя пальцами, извлёк из артефакта серебристую карточку и просунул её в отверстие для сканирования электронных документов. Все на секунду затаили дыхание, уставившись в монитор. Экран, мигнув синим, высветил лицо молодого темнокожего парня, ослепительно улыбающегося и открыто глядящего нам прямо в глаза.

– Аэра Холлингсворт, – прочитал капитан. – Он числится среди погибших четырёх астронавтов, побывавших тут до нас...<<<<

>>>>...к...х...т... наконец дошло дело и до просмотра моего фильма про дикуса зубастикуса – того самого обитателя предполагаемо средних глубин, с которого я и начал свой рассказ про Европу, собственно. Моему самолюбию льстили восхищённые возгласы наших астронавтов, когда дикус предстал во всей красе, злобно клацая перед камерой выдвигающейся на десять дюймов челюстью. Особенно радовалась Эльза, она у нас экзобиолог, так что это как раз по её части.

– Да посмотрите же вы! – воодушевлённо говорила она с сильным немецким акцентом, – У него раздвоенный хвост! Держу пари, это бывшие ноги. Да и манера плавать... Видите? Этот способ плавания присущ земным китам, то есть животным, которые в процессе эволюции повторно вернулись в океан. Перед вами европианский кит! European *Georgiacetusvogtlensis*! Но это значит... это значит... Погодите, я ещё не готова делать выводы, пускать слова по ветру...

– Бросать слова на ветер, Эльза. Так говорится... – строго поправил Крис.

– Да, на ветер! Не готова...

Она пожалала мне руку со словами:

– Поздравляю! Ты совершил научное открытие! Возможно, твоё имя будет завековечено...

– Эльза, «у»! «Увековечено» – сказал Крис; похоже, у этих двоих много общего.

На удивление собралась почти вся команда кроме Кристины, она работала на поверхности, и Сэма, который занимался проверкой электроники (у нашего инженера уже выработался условный рефлекс – проверять электронику, когда кто-то находится наверху).

Эстер тоже посмотрела фильм вместе со всеми; к этому времени она уже совершенно пришла в себя. Даже не верилось, что именно из-за неё недавно был такой переполох. Выглядела она просто замечательно. Чёрные гладкие волосы романтично рассыпались по плечам, глаза блестели.

После просмотра все разбежались по своим делам. Даже Эльза унеслась, правда, изредка всё же доносились её возгласы о новом ластоногом, неизвестном ранее науке. Не скрою, я был воодушевлён. И вообще счастлив по понятным причинам.

Эстер смотрела на меня, улыбаясь, и совсем не торопилась уходить.

– Спасибо, Майкл... – начала она, намекая на недавнее происшествие, но я тут же прервал её.

– Эстер, мы были абсолютно бессильны. И чтобы такое не повторилось, пожалуйста, больше не пропадай. Но расскажи, где ты была? Неужели нашла пещеру? – я и забыл наказ Егора и Кристины ни о чём её пока не расспрашивать. Это совсем вылетело у меня из головы.

Эстер как-то болезненно поморщилась и сказала:

– Не помню. Слушай, я совсем ничего не помню...

– Как так – совсем ничего? Быть того не может. Ну, хотя бы отрывочно...

Я подошёл к ней и посмотрел прямо в глаза. Эстер стояла напротив меня, но смотрела как будто мимо. Честное слово, меня она в этот момент не видела и вообще забыла о моём существовании. Её зрачки сделались большими, отчего и без того тёмные глаза казались почти чёрными. Так продолжалось несколько секунд. Это было так странно, что я не смел пошевелиться. Вдруг Эстер как-то будто оторвалась от чего-то, от своих мыслей или видений, даже немного вздрогнула.

– Майкл, а что *особенного* произошло? – спросила она.

В её голосе было волнение, как будто она с трудом сдерживала себя, а до этого чего-то испугалась.

– Ничего *особенного*, если не считать того, что ты ничего не можешь вспомнить.

– А как я здесь очутилась? – спросила она.

Я был испуган, озадачен. Чего угодно я ожидал, только не такого вопроса.

– Что с тобой, как ты себя чувствуешь? – спросил я, по-прежнему глядя ей в глаза.

– Нет, сначала ответь мне, – сказала Эстер, озираясь кругом. – Я это уже видела, этот стол, стулья... Где я?

– Эстер, ты пугаешь меня! Посмотри! Мы же в кают-компании! Клянусь, пару минут назад ты знала об этом! До тех пор, пока я... пока я не стал расспрашивать тебя о том, где ты пропадала всё это время.

– Какое «всё это время»? Не скрывай от меня, говори всю правду!

Глаза её теперь сверкали, но, казалось ещё чуть-чуть, и на них блеснут слёзы. Я стоял перед ней совершенно обескураженный, не зная, что ответить.

– Ты что, ничего не помнишь? Эстер, как же так? Прости, что я стал расспрашивать. Как ты себя чувствуешь? Слава богу, сейчас с тобой всё в порядке, но... ты не узнаёшь нашу кают-компанию. Давай сходим к Кристине или Эльзе, а? – Я очень осторожно взял Эстер за руку и помог подняться с кресла, а она смотрела на меня большими испуганными глазами. – Со временем ты всё вспомнишь, обещаю тебе. Конечно, если сама захочешь. А сейчас ты должна отдохнуть, – тараторил я без умолку, – а вечером, может быть, позанимаемся на тренажёрах?

– Да, можно на тренажёрах... Кстати, я уже вспомнила. Что-то на меня нашло. Какое-то помутнение. Голова болит. Пожалуй, я прилягу.

Я продолжал держать её за руку, но она осторожно высвободилась и вышла из комнаты.

– Какой же я балбес! – воскликнул я и самозабвенно шлёпнул себя по лбу... б... д... р...
<<<<

11. Маленькое расследование Эстер

У Эстер раскалывалась голова и вообще она чувствовала себя как будто бы не здесь и не сейчас, не в своей летающей тарелке. То временное помутнение памяти, когда она не понимала, где находится, заставило её по-новому взглянуть на себя. Как можно было забыть их кают-компанию, в которой она провела столько времени за едой и разговорами? Может быть, есть ещё какие-то прорехи памяти? Майкл говорил о чём-то, что с ней случилось, спрашивал её, где она пропала *всё это время*. Какое время? «Теперь я готова воссоздать всю картину, хотя недавно действительно чувствовала пробел в памяти. Сейчас я всё помню. Но со мной ничего не случилось. Всё было более чем обычно. Обычная жизнь и работа. Я хотела сплавить к вулкану и по дороге сделала небольшой крюк, чтобы снять на видео ледовые изваяния – огромные сосульки, в том числе и очень художественные. То есть наоборот, сначала к вулкану, потом к этому ледяному лесу. Плавала там долго – ещё бы, такая красота! – возможно, слишком долго, а потом я испугалась, потому что увидела огромное существо в чёрном облаке, и дала оттуда дёру. Майкл там встретил меня. Кстати, откуда он узнал, где я? Радиосвязь почему-то оборвалась... И как оказалось – не зря он меня встретил. Я стала задыхаться и после этого провал... Потом очнулась – рядом со мной Кристина, она мне всё рассказала. Возможно, Майкл спас мне жизнь. И всё-таки, он сказал фразу: *всё это время*. Сколько реально я могла отсутствовать?».

Эстер разумно рассудила, что около двух часов потрачено в общей сложности на дорогу, исследование гейзеров на склоне вулкана заняло приблизительно часа два. И около часа (никак не больше!) ушло на исследование Айсвуда – ледяного леса. И так, пять часов никак не могут так сильно встревожить команду. Это самая что ни на есть норма. Поэтому пора взглянуть на часы.

«Так, посмотрим в бортовом журнале... – она прикоснулась к экрану монитора, который сразу осветил комнату приятным голубоватым светом, полистала. – Время погружения... Время прибытия... Что-то напутано! А сейчас сколько?... О, нет! Прошло более суток вместе со сном! Тридцать часов... Не может быть... Пора узнать, сколько я спала».

Эстер пошла к Кристине, но оказалось, что та сейчас работает на поверхности. Зато Эльза была у себя в каюте. Услышав вопрос, она комично наморщила лоб, отчего её веснушчатый нос показался Эстер ещё милее, чем обычно, и выдала информацию следующего характера:

- Долго. Не меньше четырнадцати часов, а то и все пятнадцать. Ну, хоть выпалась?
- Выспаться-то выпалась, от души. Только где я была столько времени?
- Нам бы всем хотелось это узнать. И головой ты стукнулась где-то. Как сейчас, голова болит? Ну, не перетруждайся пока, потом, может быть, вспомнишь, – заботливо сказала Эльза.

Это было невыносимо: все предлагали ей отдыхать или не перетруждаться. Что она, инвалид какой-то? Сделаем несложные расчёты: тридцать часов минус пять часов на исследование и минус пятнадцать на сон. Получается десять. Десять потерянных часов.

12. Скованный холодом

Здесь, в царстве холода и опасных излучений следовало отыскать простой и надёжный источник энергии.

На поверхности спутника, метрах в ста от купола «Гало», расположили опытную установку для исследования излучений Юпитера. В отличие от многочисленных датчиков, имеющих цель измерить уровень инфракрасной радиации и других видов волн, эта установка предназначалась для накопления энергии, исходящей от планеты-гиганта. Она раскладывалась в разные стороны, за что получила название «раскладушка». Данные обрабатывали в основном своими силами, но иногда отсылали на Землю надёжными информационными пакетами. Местный источник энергии имел большое значение для колонии людей. Поэтому это было своего рода *vir*-исследование.

В тот день, когда случилось то, о чём Кристина поведала только Егору Донцову, да и то по долгу службы, погода не задалась. Вообще, Кристине приходилось работать много и подолгу по одной простой причине: колонистов, как обитатели модуля «Галактика» иногда не без гордости себя называли, было мало, всего семеро, да и то все в основном «кинуты» на освоение океана. Она, да ещё Сэм, реже Егор – вот и все «поверхностные» работники. Кристина работала по двум основным направлениям: она была доктором «внизу» и исследователем «наверху». Её работа «наверху» заключалась в наблюдении за огромным количеством датчиков, которые, между прочим, находились на приличных расстояниях друг от друга, а также за «раскладушкой» – установкой, накапливающей энергию Юпитера. Все эти устройства были программируемые, поэтому работы у Кристины было много.

Транспортное средство на гусеничном ходу называлось «Бураном». Использовали его испокон веков, то есть ещё со времен первопроходцев. Другого наземного транспорта здесь не было, если не считать криоботов, которых запускали сюда на начальном этапе освоения спутника, да и сейчас не гнушались. Но криоботы могли нести только себя, так что их можно было не считать.

Долго находиться на поверхности категорически запрещалось из-за сверхнизких температур, да этого и не требовалось. У дисциплинированной Кристины существовал план обхода объектов. К ближайшим она ходила пешком, не забывая ловить кайф от низкой гравитации и испытывая при этом массу положительных эмоций. К отдалённым ездила на «Буране». Несмотря на то, что все данные передавались по электронной сети, всё же необходимо было иногда осматривать датчики и энергоустановку.

Как уже было сказано выше, метеоусловия в тот день оставляли желать лучшего. С самого утра моросило, «метанило», как говорил Крис, чёрное небо было наполовину затянуто облаками, словно надвигался циклон. Капли, соприкасаясь с поверхностью, сразу испарялись. «Отскакивают как вода от раскалённой сковородки», – подумала Кристина, посмотрев себе под ноги. И всё же, пейзаж в то утро был неопишимо красив даже для повидавших виды астронавтов. Красив особенной, космической красотой. В чёрном небе с ясно горящими звёздами висел исполинский месяц Юпитера, три четверти, живой и потрясающе близкий – рукой подать. На горизонте сияло Солнце, часто – ярчайшая звезда этого неба. Словно повторяя очертания средневекового замка, вырисовывался вдали тёмный силуэт «Экспедиции-2», корабля, на котором астронавты прибыли на Европу. Дождь нескончаемо моросил, создавая у самой поверхности густой клубящийся туман, придавая

мистическую нереальность всей картине. Завершал пейзаж острый как бритва луч лазера, исходящий из центра купола и строго вертикально устремляющийся в пространство. Вдали занималось полярное сияние – явление, связанное с взаимодействием магнитного поля и солнечного ветра. Здесь, на Европе, с подачи астронавтов, полярное сияние называют сиянием льдов. Линия горизонта будто вспыхивает пронзительным синим, всего лишь тонкая полоска, но в ней, кажется, сосредоточена вся сущность и квинтэссенция космического холода.

В своём тяжёлом герметичном и термостатическом скафандре Кристина неуклюже подпрыгивала боком, имитируя исторический способ передвижения астронавтов по поверхности Луны когда-то уже очень давно. Прыжок, ещё прыжок! Тут нога в громоздкой космической обуви смешно и неловко подвернулась, и Кристине ничего не оставалось, как грохнуться об лёд и по инерции прокатиться ещё с десяток метров.

«Ну уж нет, в такую погоду я не стану скакать как заяц, – сама себе сказала она. – Я просто вынуждена изменить график обхода. Сегодня сяду в «Буран» и поеду проверять дальнюю аппаратуру».

Сказано – сделано. В «Буране» было светло и уютно, в наушниках заиграла приятная мелодия. Кристина узнала «The One And Only» Чесни Хоукса, сойдёт. Она разметила маршрут. Сделать это было довольно просто, примерно так же, как в городском автомобиле на Земле. После чего можно было откинуться на спинку кресла, томно прикрыть глаза и ждать следующей остановки. Именно это она и собиралась сделать, потому что очень уж хотелось спать. Из показаний компьютера выходило, что до дальнего датчика M50 «Буран» доберётся чуть больше чем за двадцать минут. Убедившись, что плавно развернувшийся ратрак (с лёгкой руки Майкла) повёз её в нужном направлении, Кристина и в самом деле закрыла глаза и стала обдумывать события последних двух суток. То, что произошло с Эстер, было из ряда вон выходящим событием, особенно если учесть, что никто до сих пор не смог толком узнать, что произошло. Одно из двух – либо Эстер скрывает произошедшее с ней по каким-либо деликатным причинам или из страха, либо она действительно ничего не помнит. Тогда возникает закономерный вопрос – кто или что заставило её обо всем забыть? Есть, конечно, ещё одна гипотеза, объясняющая её исчезновение более чем на десять часов: какая-нибудь пространственно-временная петля, но это уже из области научной фантастики. Да и кислород в баллонах был истрачен под полный ноль. Хотя, с другой стороны, неизвестно, сколько кислорода было вначале. Гидронавты совсем не обязаны закачивать кислородные баллоны полностью. Поэтому надо попытаться заставить Эстер вспомнить, сколько именно кислорода было у неё в запасе, когда она отправлялась в дорогу. Как крайнее средство можно будет использовать гипноз, конечно, с её согласия. Другое странное событие, несомненно, артефакт. Этот парень, Аэра... Как его личная вещь, шкатулка, могла оказаться там, где была найдена?

Больше всего на свете Кристина не любила неопределённостей. Если есть задача – её нужно решать, не откладывая в долгий ящик. А что делать, если решение зависит не от тебя, а от многих внешних обстоятельств или даже от непредсказуемой случайности? Но ещё хуже, когда решения не предвидится вовсе.

Рассуждая таким образом о произошедших недавно странностях, Кристина постепенно убаюкивалась плавным покачиванием корпуса и мерным гудением мотора, как вдруг – толчок! Машина резко остановилась с несвойственным ей скрежетом. Мотор автоматически отключился. «Буран» застрял намертво – как говорится, ни туда, ни сюда. «Вот вам и

автопилот! – возмутилась Кристина. – Но делать нечего, придётся выбираться. Даже страшно немного. Хорошо ещё, что на мониторе высвечены координаты нашего с тобой местонахождения, Буран». Кристина заставила себя выйти наружу, чтобы посмотреть, во что она умудрилась въехать со всего размаху.

Тем временем занялся уже не просто дождь, а ливень по здешним меркам. Стеклоподобные капли летели наискось, облака густели, закрывая Юпитер, а далёкое точка-солнце уж и подавно скрылось. Густой туман клубился у самой поверхности, плотно обволакивая ноги. Где-то вдалеке угадывался одинокий луч над куполом.

«Сколько же минут я ехала? Пятнадцать или около того. Значит, я почти у цели», – подумала Кристина. Едва начав осмотр места происшествия, она сразу обнаружила причину остановки. «Буран» врезался в огромный, едва ли не превышающий размерами его самого, кристалл. Откуда он тут взялся? Да, кристаллов на поверхности Европы было в избытке, разных размеров и форм, но такой большой Кристина увидела впервые.

Ненастье между тем усугубилось; дождь, а точнее уже град, всё острее бил тонкими метановыми стрелами. Туман под ногами начал редеть, открывая взгляду образовавшийся слой из мелких осколков специфического дождя. Увлекая позёмку, задул нешуточный ветер; Кристина вмиг почувствовала его нарастающую силу и поняла, что бог с ними, с датчиками, а пора возвращаться на станцию и как можно скорее! Осветив огромный кристалл мощным прожектором, располагающемся на шлеме, Кристина застыла, но не от холода. Её сковал ужас. Кошмар был воочию. Перед ней стоял застывший, закристаллизовавшийся «Буран», копия её собственного! Сделав два шага вперёд, чтобы рассмотреть получше, она ясно и без всяких сомнений увидела за широким лобовым стеклом иллюминатора человека в скафандре, скованного холодом уже навеки; всё внутри кабины было закристаллизовано. «Разгерметизация кабины и скафандра. Я всегда боялась этого. Это отражение моей фобии, только наяву».

С трудом оторвавшись от жуткого зрелища, она решительно взялась за ручку входного люка, но тут – силы небесные! – между низкими чёрными тучами горизонтально проскользнула белая молния с множеством ответвлений, раздался грохот, сотрясающий пространство, и электрические стрелы неизмеримой мощности ринулись на поверхность спутника. Не веря своим глазам, Кристина наблюдала, как, ударяясь об лёд, стрелы вновь взлетали кверху, а затем, отражённые тучами, опять стремительно падали вниз. Зрелище было настолько величественное, что Кристина на миг забыла о своей безопасности. Она была в середине молнии, а разве мог кто-то мечтать о таком? Молния угасла, а следом за ней высветилась другая, не менее феерическая. Не дожидаясь третьей и четвёртой, Кристина забралась в «Буран». «Что там говорили о том, как нужно вести себя с молниями? К чёрту всё! После такого шока самое большое желание забиться в нору и не высовываться, пока всё не закончится!» Но поскольку она была человеком действия, то не только «забилась в нору», а ещё и уверенно подала назад, развернулась и устремилась прямо по курсу расположения «Гало Галактики».

Метановые стрелы европианского дождя усердно колотили по обшивке «Бурана». Но самое страшное осталось позади, потому что Кристина не видела больше ни одной вспышки. «Неужели пронесло?» – думала она и мысленно даже плевала через левое плечо. Луч лазера был виден издали и не давал сбиться с пути. «А ведь если такая молния ударит по «Гало», вся электроника выйдет из строя. Такие сбои были уже не раз», – размышляла Кристина.

Наконец она достигла «Гало», ввела «Буран» под купол и поставила в ангар, рядом с точно такой же машиной.

Егор внимательно выслушал Кристину, и они вместе пошли смотреть показания датчиков на приборной доске. Удивительно, но данные были совсем не скачкообразные, а вполне среднестатистические. Правда, два датчика вышли из строя.

– Как ты думаешь, рассказывать команде о том, что я нашла? – спросила Кристина.

– Пока не надо, – задумчиво проговорил капитан, а затем твёрдо повторил: – Нет, пока не говори ни слова об этой находке. Но про молнии нужно знать всем. Как думаешь, отчего он погиб?

– Ну ясно, замёрз.

– Как это могло случиться?

– Капитан, я думаю, дело в «Буране», – ответила Кристина. – Его скафандр, вероятно, тоже был неисправен.

– Тогда Ричардс и Ковач должны осмотреть «Бураны». Прямо сегодня, – ответил капитан и набрал Сэма Ричардса по внутренней связи.

Дав задание инженерам произвести тщательный техосмотр «Буранов», Егор уединился у себя в каюте. Ну вот, начинается. Он был предупреждён о возможности обнаружения тел погибших астронавтов первого отряда, но до сих пор судьба его миловала, если не считать того, что вчера они напали на след Аэра Холлингсворта. Но то на след, а не на него самого. Теперь же он должен как можно быстрее доложить на Землю о найденном «Буране» и погибшем астронавте с точным указанием места гибели и вероятных обстоятельств.

– Ну что ж, счёт открыт. Только неясно, во-первых, кто это, и что с ним произошло, – сам себе сказал капитан.

Одна деталь никак не давала ему покоя. Да и деталью вряд ли это можно было назвать. Не какая-то деталь, а целый космический корабль. Вернее, его отсутствие. Перед стартом некое высокопоставленное лицо сообщило ему под грифом секретности, что космолёт «Экспедиция», на котором прибыли на Европу восемь первопроходцев, до сих пор находится где-то недалеко от купола «Гало». Всё дело в поломке, которая привела к тому, что космолёт стал непригоден для возвращения астронавтов на Землю. Четверо оставшихся в живых астронавтов полетели к Земле на специально посланном за ними корабле. Егору было поручено сказать об этом всем членам экипажа. Он намеревался сделать это, но не торопился. Каково же было его изумление, когда нигде в окрестностях не обнаружилось ничего даже отдалённо напоминающее космический корабль. «Извините, но это не иголка в стоге сена!» – ворчал Егор себе под нос перед тем, как доложить Земле об отсутствии космолёта. Вокруг Европы по сложной изменчивой орбите летала автоматическая станция «J-Water-1». Данные с неё шли на Землю, а также принимались колонистами. Более того, с модуля «Галактика» посылались сигналы на этот искусственный спутник для управления полётом. Можно было изменять высоту, курс и прочее. Так вот, ни разу с «J-Water-1» не было получено данных о каких-либо крупных объектах на поверхности наподобие космического корабля (кроме, конечно, того, на котором они сами прилетели на Европу). Докладывая на Землю об отсутствии неисправного космолёта, Егор был ещё более удивлён реакцией на это. Не последовало никаких объяснений. От прямых вопросов капитана просто отмахнулись. Даже посоветовали «не забивать себе голову»! Это было возмутительно. Более

того, это было странно.

...

Кристина была ужасно рада вернуться на родную станцию целой и невредимой. Казалось, будто целую вечность вокруг неё сверкали молнии. В руках накопилось напряжение, хотелось, во-первых, как следует отдохнуть, возможно, даже побаловать себя, а потом как следует размяться на тренажерах. Она всегда была уверена, что на поверхности спутника опасностей куда меньше, чем в океане, но теперь даже не представляла, как заставит себя вновь выйти наверх. «Я увидела со стороны то, чего боялась больше всего. Боялась, хотя разум мне упорно твердил о моей полной безопасности. Теперь я ни в чём таком не уверена».

Сигнал внутренней связи – это Эльза. Кристина для каждого настроила индивидуальные позывные.

– Кристи, как ты? Егор сказал, что погода наверху разбушевала.

– Разбушевалась. Сейчас уже всё позади, и со мной ничего не случилось. Но это действительно было очень страшно, – поделилась впечатлениями Кристина. – Я сейчас иду в кают-компанию...

– А я присоединюсь, если ты не против. Можем посмотреть фильм, который сделал Майкл. И нам нужно поговорить. Понимаешь, то, что произошло с Эстер...

– Да, поговорим об этом. Я уже иду, – ответила Кристина.

В кают-компании Кристина включила своё любимое техно, космогранж-эмбиент; ей нравилось ретро. Сегодняшнее происшествие выбило её из колеи. Она чувствовала, что как будто надорвалась. Все всегда считали её сильной, приходили к ней черпать её спокойствие и мужество. А сейчас ей явственно показалось, что ей самой не помешало бы напиться из такого источника. Капитан велел не рассказывать никому про найденный на поверхности спутника «памятник астронавту». Ей и самой хотелось хранить страшную тайну как можно дольше.

– Кристи, ты уже тут! – воскликнула Эльза, влетев в комнату. Уж кому-кому, а этому энерджайзеру активности было не занимать. – И ты опять включила своё любимое старьё! У нас что, и послушать больше нечего? Сплошной космос вокруг, куда носом не воткнись, космос на космосе сидит и космосом погоняет, так, кажется, у вас говорят? А ты и здесь без него не можешь. Ну, давай, рассказывай, что там произошло.

– Эльза, я бы с радостью поделилась с тобой, но даже на это у меня сейчас нет сил. Расскажу потом. Пожалуй, лучше нарисую на холсте и стихами подпишу. Давай лучше сейчас поговорим об Эстер. – И почему-то добавила: – О милой забывчивой Эстер.

– Хорошо, – согласилась Эльза, удивлённо взглянув на Кристину. – Забывчивая Эстер ничего не помнит. Как ты думаешь, – Эльза понизила голос, – подождать, пока сама вспомнит, или нужно применить гипноз? Только не говори, что ты не думала про гипноз.

– Думала. Надо всей команде посоветоваться. И, потом, у нас же есть видео с её батискафа. Удалось что-нибудь обнаружить?

– В том-то и дело, что нет. Видеозапись обрывается на интересном моменте, когда вокруг возникают какие-то светящиеся пятна. А наш компьютер – совершенно полоумный, как я уже не раз отмечала. Он думает, что это глаза каких-то существ.

– Может и не полоумный. Может и глаза, – задумчиво сказала Кристина. – А насчёт гипноза... Думаю, рановато, надо подождать. Я хочу поговорить с ней самой. Как её травма?

– Царапина на голове заживает – ничего особенного. А вот сотрясение мозга... Возможно, потеря памяти связана с сотрясением. Кристина, а вдруг нет? Вдруг кто-то заставил её забыть?

– Научная фантастика – мой любимый жанр. Но это вряд ли. Сегодня я посоветуюсь с капитаном, а затем поговорю с Эстер. А сейчас – обед и фильм. – Кристина к этому времени разогрела себе добрую порцию консервированных овощей и большой кусок соевого мяса, а сейчас с удовольствием выдавливала из тубика соус. – И ещё хочу хлеба. Нормального, а не такого безвкусного, как у нас.

Эльза снова с удивлением посмотрела на неё, а затем забралась с ногами в единственное большое кресло и включила видео.

...

...а до космолёта нужно было ещё добраться. Всё время, пока он отыскивал путь, не доверяя больше никакому автопилоту, страх сковывал его, не давая прорваться ни одной мысли. В широком лобовом стекле устрашающе вспыхивали белесые сполохи. Грохот сотрясал пространство. Самый ужас заключался в том, что он никак не мог на это повлиять, он был абсолютно бессилён перед внезапно начавшейся стихией. Последнее видение астронавта – ослепительный столб света, невозможный, иррациональный даже на фоне разыгрывающегося безумия. Если бы имелся какой-нибудь сторонний наблюдатель, то он увидел бы, как ветвистая молния, возможно царица всех молний, простёрла длань над крошечным «Бураном» и указала на него одним из своих многочисленных перстов. После этого маленький кусок металла мгновенно засветился и вспыхнул. Возможно, удар был слишком силен и горяч, потому что во льду образовался тонкий ветвистый проход, и горящая машина плавно ушла под лёд. Неизвестно, глубоко ли, а если глубоко, то насколько, так как никто и никогда больше не видел смеющихся глаз не унывающего ни при каких обстоятельствах Мэтью Дюбуа.

...

Скоро для того, чтобы ещё больше углубиться в звёздное небо, людям понадобится разместить телескопы на обратной стороне Европы, и основать там новую колонию. Не маленький модуль наподобие «Галактики», а настоящий дом для десятков людей. Как известно, Европа повёрнута к Юпитеру всегда одной своей стороной, поэтому для устройства жилищ на обратной стороне нет необходимости глубоко бурить древний лёд, преодолевая жестокие трудности.

Так, перескакивая, как по кочкам через болото, по планеткам и планетам из завоёванного пространства, человечество планирует постепенно покорить весь близлежащий космос до самых окраин Солнечной системы. Дальше, постепенно или скачкообразно, что гораздо предпочтительнее, расширяя свои возможности перемещения в межзвёздном пространстве, дотянуться до ближайших звёзд Млечного пути. А там, глядишь, рвануть до соседней галактики, Андромеды, которая, как утверждают учёные, и сама летит навстречу к нам.

Стартовой площадкой была сама матушка Земля. Освоение Луны (в том числе открытие древних необитаемых инопланетных баз, непонятно откуда взявшихся и до невозможности законспирированных) и размещение там собственных космодромов позволили быстрее и легче отталкиваться и дальше отлетать, что именно людям и требовалось. Колонии на

Марсе, освоение каньонов, покорение Олимпуса, обнаружение древнейших форм марсианской жизни распалило человечество на цепь новых открытий и завоеваний. Следующим этапом космических исследований стали спутники планет-гигантов.

Термоустойчивые роботы обшаривали Ио, много их сгнуло в бурлящей оранжевой лаве. Исследователи загадочного Ганимеда преподнесли нам бесконечно бесчеловечную красоту ледяной пустыни. Каллисто поразил древними каньонами и пещерами. Прекрасная Европа открыла водный мир.

И нужно было, обязательно и бесповоротно, покорить его, возможно даже приговорить в случае неповиновения, чтобы применить и использовать. Европа не хотела и даже не могла объяснить причину своего непослушания. Просто было до невозможности трудно здесь нашим астронавтам. Первая команда, героические первопроходцы, выдержала сражение с Европой ценой нескольких жизней. А что ожидает вторую группу колонистов, никто в точности не знал, да и не мог знать. Слишком много было корреляционной неопределённости...

Земля боялась за своих детей, но не могла поступать иначе. Вселенское одиночество гнало землян осваивать новые миры. В конечном счете, именно инстинкт выживания требовал переступать через огромные трудности в деле освоения космоса. У расы людей должен появиться второй надёжный дом, иначе какая-нибудь нелепая катастрофа может уничтожить человечество как биологический вид.

Подобно всем живым существам, от вирусов до динозавров, люди стремятся воспроизвести себя. Конфликт между инстинктом размножения и надвигающимся энергетическим кризисом становится всё более актуальным. Нас стало слишком много, требуется исход в библейском смысле этого слова.

Всё это на уровне подсознания человечества в целом, как группового разума. В реальности здесь и сейчас стояли поэтапные, в большинстве своём технические задачи освоения такого лакомого межзвёздного кусочка как Европа.

Телескоп на этой пространственной координате должен был иметь место хотя бы по одной простой причине – как ещё один бдительный постовой по наблюдению за астероидами и прочими небесными телами, несущими возможную угрозу для Земли. В высших кругах сейчас было принято говорить примерно так: «несущих угрозу разрушения для системы Земля-Луна-Марс». К слову сказать, это было слишком громко и поспешно сказано, ведь в 2050-х на Луне и Марсе располагались всего лишь слаборазвитые земные колонии, отнюдь не являющиеся самостоятельными. Для поддержания жизнедеятельности им постоянно требовалась твёрдая рука помощи Земли. Но слово не воробей, вылетит, не поймашь. Тщеславное человечество стало гордо величать себя системой Земля-Луна-Марс. Десятки космолётов ежедневно «бороздили» пространство между Землёй и её близлежащими колониями, в основном это были служебные транспортные корабли с местами для нескольких пассажиров, но среди них попадались и частные космические судёнышки, принадлежавшие предприимчивым коммивояжерам, экскурсионные косморобусы и так называемые «челноки» – небольшие космические корабли, оборудованные для не слишком долгих космических прогулок. За «рулём» могли быть как официальные, так и частные лица, сдавшие суровый экзамен на управление челноком.

Это межпланетное передвижение носило иногда неконтролируемый характер – так стало много любителей космических прогулок. К тому же, как и следовало ожидать, возможность путешествовать в открытом космосе особенно пришлась по вкусу экстремалам

и любителям острых ощущений.

МКА охотно и подолгу рассказывало об исследовании Европы нашими автоматическими космоботами, в частности «J-Water-1». Подробно разъяснялась возможность возникновения и существования жизни на спутнике, при условии, конечно, что подо льдом есть вода в жидком состоянии. Но ни слова не было сказано о людях, посланных осваивать Европу, а тем более об их гибели.

Гибель восьмерых астронавтов потрясла узкий круг посвящённых лиц. Но на кону стояли миллиарды долларов. К тому же было известно, что модуль «Галактика» установлен, нормально функционирует и готов для принятия колонистов с Земли. Последние два астронавта успели доложить об этом, прежде чем с ними окончательно потерялась связь. Необходимо уточнить, что связь была потеряна именно с астронавтами, так как с «бортового» компьютера, размещённого в модуле «Галактика», регулярно продолжали поступать данные о нормальном функционировании системы.

Второй отряд астронавтов – семеро прекрасных разномастных специалистов – был готов к далёкому путешествию до Европы. Эти астронавты резко отличались от тех, первых. В большинстве своём они были молодыми и инициативными. Однако и среди них имелись старожилы – опытные космические волки Ричардс и Донцов.

Главная трудность состояла в необходимости лжи. Если умалчивания практиковались постоянно и поэтому считались нормой, то теперь надо было солгать своим же. Ведь отряд астронавтов явно находился по эту сторону баррикады в отличие от всех остальных. Главный лжец, не будем пока называть его по имени, выдвинул следующую легенду. Первопроходцы вернулись на Землю не в полном составе. Четверо (!) астронавтов погибли при невыясненных обстоятельствах. И, следовательно, четверо вернулись на Землю. Их имена по понятным причинам засекречены. Капитан второго отряда астронавтов, Егор Донцов, был лично предупрежден о возможности нахождения останков астронавтов в модуле «Галактика» или за его пределами. Ему было приказано реагировать на это сдержанно и адекватно.

Легендой должны были быть объяснены некоторые щекотливые моменты, которые иначе обязательно повлекли бы за собой массу вопросов. О гибели шестерых первопроходцев было известно из уст последних двух оставшихся в живых. Причины гибели в основном остались не выяснены. Были, конечно, предположения, но и только. Это оставляло пространство для вранья – если тогда не было найдено большинство тел погибших астронавтов, возможно, не найдут их и сейчас. А если найдут, то остаётся надежда, что это число не превысит четырёх. Другой щекотливый момент – космический корабль «Экспедиция», на котором прибыл на Европу первый отряд астронавтов. Он ведь никуда не делся, так и стоит, вероятно, величественным заиндевелым возвышением где-то недалеко от Гало. Тут следовало солгать о поломке корабля и о том, что для возвращения астронавтов на Землю был снаряжён другой космолёт. Капитану Донцову «доверили» и эту интересную подробность с тем, чтобы он разъяснил это другим членам экипажа.

13. Робби – раз, Робби – два

То ли от переработки и жуткого холода, то ли ещё от чего-то, но только однажды Роберт Лоуренс, работая в гроте (тогда ещё почти пустынном, если не считать постепенно разрастающейся груды свинцовых панелей, которыми вскоре должны были облицовывать его внутреннюю поверхность, и собранного наполовину обитаемого модуля) как будто услышал в голове чей-то голос, зовущий его по имени. Причем так, как называла его только мать: Робби. Голос звучал как из какой-то пропасти подсознания, ему вторило ещё более призрачное эхо. Лоуренс был слишком здравомыслящим, поэтому списал это на мертвецкую усталость, решил, что ему показалось.

Никогда Лоуренсу не приходилось сожалеть о чём-либо. Просто не о чем было. За несгибаемый нрав его прозвали Вульфом, а своё настоящее имя он давно уже не вспоминал, с тех самых пор как попал в передрыгу на Марсе. Сейчас же вдруг ему нестерпимо захотелось произнести вслух своё старое имя. Хорошо, что рядом никого не было.

– Роберт.

Роберт Дж. Лоуренс. Да, мать называла его Робби иногда. Но теперь это уже не имело никакого значения.

Скафандр Вульфа был достаточно тонким и не сковывал движения. Он отлично сохранял тепло, а также был герметичен, непромокаем, изготовлен из негорючих материалов и оснащён современными устройствами, позволяющими астронавту улавливать все звуки, доносящиеся извне – это раз, а также говорить не в радиопередатчик, а в окружающее пространство – это два. Функции этих устройств можно было и отключить. Скафандр был создан специально для работы в гроте, но для того, чтобы проделать путь от корабля до грота и обратно, сверху дополнительно надевалось тяжёлое обмундирование, надёжно защищающее от радиации и низкой температуры. Астронавты называли это обмундирование рыцарскими доспехами. Спустившись вниз, «латы» снимали, а сами оставались в тонком скафандре, более удобном для работы.

Уже третью неделю астронавты выдалбливали лёд и плавили его огнёмётами. Это был не совсем обычный лёд в понимании людей. В нём было много примесей, даже песка и камней. Местами он напоминал обычную горную породу. Вся команда «Экспедиции» жила на борту космического корабля. К этому времени было построено «Гало», основу которого составляла отработавшая своё мощная установка для бурения и плавления льда. Пробурена шахта для двух больших, поставлены лифты. Почти закончена работа по обустройству шахты для спуска людей и батискафов к воде. На повестке стояла задача создания большого грота – настолько большого, чтобы он мог свободно вместить в себя обитаемый модуль, который уже начали собирать здесь, и ещё оставалось бы много места. Казалось, на Земле всё было продумано до мелочей и работы должны выполняться без сучка и задоринки. Но фактически оказалось, что мелочи здесь напрочь отсутствуют. То есть они имеют свойство моментально вырастать и становиться неразрешимыми проблемами. Здесь, на Европе, сразу становилось ясно, что слово «труд» происходит от слова «трудный», а не наоборот.

И теперь вот это – голос, который несколько раз повторил «Робби». Кто-то как будто звал его. Померещиться может один раз, ну два от силы, но если голос слышится почти каждый раз, когда он включает бур – это уже психическое расстройство. Рассказывать кому-

то? Даже думать смешно.

В последнее время случилось много чего неприятного. Герман Зотов, его лучший товарищ среди всей команды, накануне не вернулся на корабль. Всего было два «Бурана», на одном из которых уехал Герман. Поиском занялся Мэтью Дюбуа, задействовав второй «Буран». Да ещё чудаковатый длинный Аэра вызвался измерить всю округу около «Гало» на своих двоих, хотя все понимали бессмысленность этой затеи.

Бур вдруг пару раз рыкнул, будто напоролся на что-то, и заглох. Этого ещё не хватало. Вульф так устал и замёрз, что ему захотелось всё бросить. Но план есть план. «Самое время поработать руками, может быть, хоть так согреюсь», – подумал он и взялся за инструмент.

Взмах, ещё взмах. Действительно, спустя какое-то время Вульфу стало жарко. Хоть какое-то приятное ощущение за последние несколько дней, подумалось ему. Он продолжал работать, как вдруг под его ударом что-то хрустнуло. Инструмент провалился в зияющую пустоту, и оттуда со свистом начал вырываться воздух. Лоуренс стоял неподвижно, как будто его шарахнули по башке этим самым инструментом, слегка покачиваясь по инерции. Немного придя в себя, он поднял свой инструмент и снова размахнулся. Чёрная выбоина в стене под его ударами постепенно расширилась до прохода, в который мог пройти человек. Воздух вылетал стремительно, чуть ли не сшибая с ног. Астронавт решительно шагнул вперёд. Протиснулся сквозь узкий проход в стене и замер. Он был оглушён, но не своим неожиданным открытием, а голосами, которые вдруг зазвучали в его голове, где-то внутри мозга, минуя ушные перепонки.

Это был большой грот. Внутри сиял свет, неясный, рассеянный, как будто исходящий от стен, сталактитов. Воздух продолжал вырываться с катастрофической скоростью.

Неожиданно кто-то коснулся плеча. Вульф вздрогнул и оглянулся. Сзади стоял Аэра, лицо у него было испуганное, он кричал и размахивал руками, показывая на пробоину.

Здесь, в этом великолепном гроте, не рукотворном, а созданном природой, явственно чувствовалось присутствие жизни. Голоса в голове продолжали звучать. И если откинуть предположение о собственном сумасшествии, то вывод напрашивался сам собой: внутри ледовой коры, в гроте, астронавт Роберт Лоуренс обнаружил разумную жизнь.

– Надо закрыть выбоину! Быстрее! – орал Аэра, да Вульф и сам прекрасно это понимал. Ещё раз окинув взглядом зачарованный грот, будто сошедший с холста Филиостро, он вернулся обратно, пройдя через отверстие в ледяной стене.

– Аэра, быстрее! – прокричал он.

Астронавты подтащили к отверстию одну из свинцовых панелей.

– Наверху всё сверкает от молний, я такого ещё не видел, – сообщил между тем Аэра. – Я не нашёл Германа. И теперь я волнуюсь за Мэтью, он всё ещё там, на «Буране».

– Мы вплавим свинец и прикрутим шурупами. Потом обработаем герметиком, – деловито сказал Лоуренс.

– Да, но извини, друг, это придётся сделать тебе одному. Я должен исследовать тот мир, – ни с того, ни с сего произнёс Аэра. – А ты должен молчать обо всём увиденном, ты понимаешь это?!

– Понимаю ли я? Ты безумец. Я замурую этот проход навсегда, ты не сможешь вернуться обратно. Отбрось эти мысли, друг, там что-то есть, но иногда нужно умерить своё любопытство и не вмешиваться. Ты слышал голоса?

– Да, я и сейчас их слышу. И раньше, и неделю назад! И я никогда не прощу себе, если не пойду на этот зов, – ответил Аэра. – Я должен, понимаешь. Послушай, не заделывай пока

дыру слишком старательно, но если я не вернусь через пару часов, то можете забыть про меня.

Не так просто было удивить, а тем более шокировать повидавшего много в своей жизни Лоуренса, но на этот раз он испытал что-то вроде оцепенения. Смотрел вслед уходящему долговязому Аэра, не пытаясь вернуть его, забыв о том, что, например, удар в челюсть прекрасно отрезвляет и возвращает в реальность.

Он качественно и хорошо заделал пробоину, но так, чтобы панель легко можно было убрать, чтобы впустить Аэра обратно.

Совсем некстати Вульф (а может быть, Робби) вспомнилась сказка, которую он читал в детстве, о том, что в платяном шкафу находилась дверь в иное измерение. В этом иррациональном мире жили странные существа, которых не может быть, потому что не может быть никогда, и была вечная зима. Неожиданно, безо всякого предупреждения, фантазия воплотилась в жизнь, сказка стала явью. Прошло два и три часа, в течение которых Вульф напряжённо и совершенно зря ждал возвращения Аэра. По истечении этого срока напарник попросил забыть о нём. «Почему я не задержал его или хотя бы не пошёл вместе с ним?», – досадливо думал Вульф. Усугубляло его собственное чувство вины и то, что Аэра попросил его молчать об увиденном за свинцовой панелью. Это означало, что вся ответственность за невозвращение Аэра должна целиком лечь на его плечи.

В команде было восемь астронавтов. С минуту назад Лоуренс получил сообщение от капитана Джоша Бира, что ни Герман Зотов, ни Мэтью Дюбуа, задействовавшие оба «Бурана», так и не вернулись на корабль. «Не хотелось бы открывать счёт потерям, – сказал капитан. – Работу в гроте на сегодня заканчивайте и поднимайтесь с Аэра наверх».

Ещё не хватало чувствовать себя нашкодившим школьником, подумал Вульф, ведь, покрывая Аэра, он промолчал о его уходе. «Без вранья тут не обойтись, – сказал он сам себе, – выход один – во что бы то ни стало вернуть гада».

Он отправился на поиски. Взял инструмент, который позволил бы ему попасть назад, зашёл в грот и закрыл за собой свинцовую панель как можно плотнее. Аэра не отвечал ни на какие позывные. Либо он отключил рацию, либо был уже мёртв. Вульф был реалистом. Сейчас он не слышал никаких голосов, которые звучали бы в его голове, как это было, когда он сделал пробоину в ледяной стене. Поэтому всё больше склонялся к тому, что голоса ему померещились. Он стал кричать, громко, как только может, забыв, что находится в пещере; только эхо отвечало ему.

Судя по всему, раньше тут жили какие-то существа, но ушли, почувствовав опасность, исходящую от активной деятельности людей. Большой и красивый грот, высокий, с колоннами из огромных сталагнатов – слившихся воедино сталактитов и сталагмитов. С «балконов», между которыми Вульф четко различил подвесные мосты, струился мягкий свет. Из грота вёл всего один выход, по которому мог уйти Аэра. Это был ледяной туннель, напоминающий узкую, извилистую шахту. Вульфу пришлось ползти на четвереньках, он чувствовал себя отвратительно. Тёмные глыбы нависали сверху, пугая своей массой. Спустя минуту чернота вокруг стала столь густой и непроницаемой, что Вульфу пришлось включить налобный фонарь. Но ещё через несколько минут потолок стал выше, и Вульф смог подняться на ноги.

– А-э-р-а! – крикнул он снова, опрометчиво вызвав раскатистое эхо, которое продолжилось вдруг тысячами голосов и заполнило пространство. Вульфу показалось, что его ушные перепонки сейчас взорвутся, он зажал уши руками, через шлем, но это не

помогло. Гул голосов всё нарастал, усиливался, грозился обрушиться лавиной; удивительно, но, несмотря на крайнее отчаяние, Вульффу стало казаться, что он понимает отдельные мысли, слова, выделяет их из общего шума.

Неожиданно перед астронавтом на расстоянии полуметра возник, вырос как из-под земли маленький человечек – странное, совершенно невысказанное существо с огромными светящимися глазами, облачённое в серое тряпье. Из глаз человечка исходил сильный свет, который с лихвой перекрывал свет от фонаря.

Это существо, ворвавшееся без приглашения в реалистичный мир Вульфа, похоже, находилось в глубоком трансе, потому что голова его на тонкой шее плавно раскачивалась в такт движениям нескольких рук. В одной руке человечек держал длинную сучковатую палку, светящуюся на конце, – возможно, она заменяла ему факел, – и водил ею из стороны в сторону. Другие руки совершали похожие однообразные движения.

Вульффу показалось, что нарастающий гул стал ритмичным, пульсирующим, постепенно усиливался и наконец, достигнув апогея, продолжился грохотом падения ледяных глыб. Вульф попытался уклониться, защититься, какое-то время боролся с обвалом, но расстановка сил была не в его пользу. Астронавт Роберт Дж. Лоуренс нашёл свою смерть от ледяных глыб в одной из пещер Европы.

14. Аэра

«Аэра!..» – крик не обрывался, а многократно отражался от сводов пещеры. Эхо будто смаковало его имя, повторяя на разные лады. Удивительно красиво. И даже не было никакой разницы, кто кричит – просто хотелось закрыть глаза и слушать. Кто бы его ни искал – Вульф, Грэм или Янко, а может быть, кто другой – было уже всё равно. Он принял решение и не отступит теперь уже никогда. Ему было жалко своих друзей – многое связывало их когда-то, но всё проходит, иногда это случается неожиданно, вот как сейчас. Эхо оборвалось, прошептав несколько раз слово «Ра» – имя их звезды. Он, Аэра, принял решение остаться здесь и жить среди меллов. Теперь ему казалось, что внутри него всегда зрело подобное решение, основанное на стремлении понять иноземный разум. Может быть, поэтому со школьной скамьи он одержимо изучал языки, на которых говорили интересующие его народности или этнические группы. Лингвистика давалась ему с лёгкостью. Особенно хотелось познавать языки древних народов, отсталых племён. Для него не существовало так называемых «мёртвых» языков. Любой язык был для него живым и поющим. Сейчас знания языков были ему не нужны, но он нисколько не сожалел об этом. Голоса звучали у него в голове. Ему казалось, что всю свою жизнь он мечтал именно об этом. Сказочное многоголосье прекраснее любого переливающегося эха. Его сознание становилось всё более многомерным, многоярусным, как пещера меллов. Он понимал всех, кто говорил с ним сейчас, голоса звучали одновременно, но не перебивали друг друга, а наоборот обогащали любую высказанную мысль, заставляя её сверкать разными гранями, подобно драгоценному камню. «А-э-р-а!..» – прозвучало где-то совсем близко. Это начинало раздражать. С этим пора было что-то делать.

...

– Бабушка, давай я тебе помогу! – говорила сияющая здоровьем молодая женщина в белом хлопчатом платье. Её белозубая улыбка, создавая контраст со смуглой кожей, будто озаряла всё вокруг непреходящей радостью жизни. Чёрные курчавые волосы были перехвачены спереди белым, сложенным несколько раз платком, наподобие ободка, и завязанным сзади.

– Что ты, деточка, мне Аэра поможет. Он наверное уже пришёл, опять уткнулся в свои книжки... И что он в них находит? Вот скажи мне, дочка...

Улыбка сошла с лица молодой женщины.

– Бабушка, помнишь, я говорила тебе... А ты опять... Ты же тогда всё поняла, и мы с тобой плакали...

– Что, милая, поняла? О чём ты? Посмотри, какая ты красивая. Я уже совсем почти ничего не вижу, но лицо твоё передо мной... Не хочу, чтобы ты плакала, Ния. Да тебе и замуж пора. Куда смотрит Аэра! Я бы на его месте...

– Бабушка! ... – сдавленно прошептала женщина, закрыла лицо руками и убежала.

Палящее солнце застыло белой массой в зените, небо налилось тяжёлой синевой, чувствовалась мощь и сила в лёгких дуновениях ветра, и старые знающие люди сказали бы, что приближается гроза.

– Да что с ней такое... – озабоченно сказала старуха, поставила корзину с фруктами на землю и посмотрела вслед Ние невидящими глазами. Старое измождённое лицо несло

печать боли и выражало недоумение. Неру тяжело наклонилась и кряхтя подняла корзину.

– Аэра... Почему не поможет мне? И почему мне нельзя об этом говорить?

Старая худая Неру была закутана в большой белый выдавший виды палантин. Согнувшись в три погибели, она поплелась к своему дому. Но она не прошла и половины пути, как кто-то сзади подхватил корзину.

– Бабушка, это я, Ния. Прости меня, я не сдержалась... Я помогу тебе.

– Спасибо, дочка. А ты убежала, заревела.... Чует моё сердце нелады... – горестно сказала Неру и, покорно склонив голову, пошла за молодой женщиной, с трудом передвигая старые ноги.

В доме, на каминной полке, стояла фотография в рамке. Это был её внук, Аэра. Тёмная кожа, курчавые короткие волосы, почти детское улыбающееся лицо. Пухлые губы. Одет он был в белый скафандр, потому что был астронавтом и летал к звёздам.

...

Старейшина простёр длани кверху, вызывая к своему богу. Меллы, окружавшие его, почтительно последовали его примеру, и их тонкие конечности тоже взметнулись вверх. Но на этот раз Ликлянин дал знак своему племени разойтись и заняться другими делами: сейчас ему нужно было побыть *наедине* с богом, чтобы принять нужное решение. Голоса стихли. Серебряное свечение вокруг становилось всё слабее – пещерные жители послушно удалялись вглубь пещеры. Вскоре Ликлянин остался один на самом краю пропасти. Незваная гостья только что покинула их на своём чудесном плавучем шаре. Меллы не хотели причинять ей никакого прямого вреда – их богу это было неудобно. Но чтобы защитить себя, нужно было наложить запрет на её воспоминание об этом месте. К счастью, это было более чем просто, для этого не потребовалось даже усилий общего разума, а тем более не нужно было вызывать к богу. Ликлянин использовал свою ментальную силу и страх, переполнявший чужеземку, для наложения запрета на воспоминание. Но сейчас, оставшись наедине с собой, он почувствовал, что не может сам принять решение. Нужна была помощь Танна, их могущественного бога. Танн, сотворивший мир, давший жизнь меллам, создавший лёд для защиты меллов, наполнивший океан, он должен помочь им и сейчас. Ликлянин припал к земле всем своим тщедушным тельцем и вновь простёр длани навстречу Танну. Сложил вместе скрюченные жёлтые пальцы, как делал всегда, когда молился богу. В своей мысленной молитве старейшина маленького племени просил дать знак о том, как следует ответить на новое вторжение чужаков. Меллы были очень древней расой, и в их коллективных воспоминаниях сохранились почти все этапы эволюции, приведшие их к нынешнему облику и состоянию души. В огромной памяти не было никакого упоминания о существах, с которыми приходилось встречаться сейчас. Когда это произошло впервые, меллы поняли, что это пришельцы извне, из другого мира, по всей видимости кардинально отличающегося от их собственного. Пришельцы были слабы духом, но располагали тяжёлым снаряжением, которое помогало им приспособиться к чуждому для них миру. Это поневоле вызывало уважение. Но они не берегли великий лёд, а вгрызались в него острыми зубами своих тяжёлых машин, будили страх. Пещеры меллов были во льду, и племена существовали благодаря тонкому балансу и круговороту материальных субстанций (по-нашему – это была замкнутая самодостаточная экосистема). Нарушить хрупкое устройство их мира многотонными механизмами пришельцев было достаточно просто.

Ликлянин ещё раз смиренно попросил, чтобы Танн дал им какой-нибудь знак, а сам

отошёл от края пропасти и направился вглубь пещеры, к самой отдалённой хижине. К той, вокруг которой было больше всего голубых светящихся деревьев. К той самой хижине, где лежит один из чужаков, ставший другом для меллов, величающий себя странным именем Аэра.

Этот пришелец, называющий себя человеком, появился здесь не так давно. Старейшина соседнего племени Сианин, отсчитывающий длину времени равными долями и записывающий события, только пять раз провозгласил смену времён. Одну долю времени Сианин называл *беглом*. В племени Ликлянина такой счет не вёлся, и события не отмечались. Зачем нужны подобные хлопоты, когда все явления и без того надёжно хранятся в памяти всего племени. Так Ликлянин думал раньше, и почти всё племя почтительно с ним соглашалось. Но в последнее время он всё чаще задумывался над тем, чтобы перенять у соседей их способ измерять точное время.

Да, если быть точным, то человек по имени Аэра предстал перед меллами всего пять *беглов* назад. А если измерять время по старинке, событиями, то доподлинно известно, что с тех пор, как появился Аэра, в племени народился всего один ребёнок, маленький мелл. И родительница нарекла его Айнянином, именем, в чём-то созвучном с именем пришельца. А на охоту в соседний лес племя снаряжалось всего семь раз.

Аэра пытался рассказывать меллам о своём народе и о своей планете. У него плохо получалось говорить с помощью мыслей, но всё-таки кое-что меллы поняли и усвоили. А поскольку сами они мыслили по привычке всегда открыто и почти разучились по-другому, таков уж был их образ жизни, то получалось, что о себе они рассказали многое, почти всё. Правда, было не совсем понятно, умеет ли Аэра хорошо слушать мысли или делает это также плохо, как говорит, но, судя по откликам с его стороны, какая-то часть сказанного до него доходила.

Сам же Аэра рассказал меллам, что прилетел с планеты Земля, третьей по счету от Солнца, их общей звезды. И является он землянином, иначе говоря, человеком, представителем расы людей.

Когда пришелец появился впервые, на нём был невиданный разноцветный костюм, двигался он бойко, на ногах держался уверенно. Но с тех пор, как он принял решение поселиться и жить среди меллов, многое изменилось. Сейчас Аэра всё больше лежал. Цвет лица у него совершенно изменился: он стал каким-то тусклым, а не таким полным жизненной силы и сияющим здоровьем, каким был до этого. Заметив печальные перемены, Ликлянин однажды обратился к Аэра с вопросом, не хочет ли тот вернуться к своим соплеменникам. На что человек ответил категорическим отказом. Он понимал, что затухает, потому что, во-первых, воздух Анорры отличается по составу от нужной ему смеси газов. Не настолько сильно, чтобы умереть сразу, но достаточно для того, чтобы прилично укоротить качество и количество жизни. Во-вторых, температурный режим требуется землянину другой. Меллы тоже любят тепло и жидкую воду, но всё-таки холодновато здесь для человека. В-третьих, злую роль сыграла низкая гравитация.

Из еды Аэра предпочитал рыбу. Поначалу он пытался втолковать меллам про огонь, нечто горячее и ярко светящееся, а некоторым даже показал маленькое, быстро гаснущее пламя, которое вырывалось из коробочки в его руках. Никогда ничего подобного пещерные жители отродясь не видывали, о чём сразу и сказали пришельцу. Тогда Аэра, мысленно испросив разрешения у старейшины, развёл костёр из сухих веток деревьев и пористых тёмных камней. Он сказал, что такие камни, руда, пропитаны насквозь горючим веществом,

поэтому могут служить топливом. Камни и вправду загорались, но горели дымным пламенем, от которого даже сам Аэра отворачивался и кашлял. Неизвестно, чего было больше – пользы от тепла или вреда от удушливого дыма. Однако Аэра всё же изловчился и изжарил рыбу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Меллы только дивились. Свою пищу Аэра сдабривал солью, которой было припасено в достатке, ведь и пещерные жители были не прочь что-нибудь подсолить. А когда однажды огонь потух, Аэра заметно приуныл. Из маленькой красной коробочки больше не вырывалось пламя. Аэра пытался добыть огонь другими способами, тёр сухие палочки, но все усилия были напрасны. Не получалось и всё тут. Тогда его основной пищей стала сырая рыба, которую предварительно он подолгу вымачивал в соляном растворе.

Нужно отдать ему должное: держался он до последнего. Что ни день – пытался добыть огонь из сухих веточек. Силы покидали его. Некоторые особенно отзывчивые меллы тоже иногда усаживались рядом с ним и что-то усиленно тёрли. Огонь не приходил. Что за прихоть такая – во что бы то ни стало выжить в чуждом мире, удивлялся Ликлянин, а вместе с ним почти всё племя. Однажды Аэра сказал, что он и хочет уйти, но теперь уже не может. А почему не может, так и не ответил. Всё-таки, он был очень скрытным, этот пришелец.

А сейчас Ликлянин направился к хижине, где лежал Аэра. Много было у него вопросов, на которые он не знал ответов. На некоторые из них мог ответить только человек. Ликлянин подумал, что из хора голосов пришелец уже мог понять, что их посещало существо одной с ним расы. Едва подумав об этом и прислушавшись к голосам, выделил медленно льющийся голос Аэра, который обращался к нему. Землянин сказал, что удивлён тем, что кто-то проник в пещеру меллов, так как сухопутный проход закрыт надёжно и те, кто знали о нём, вряд ли могли кому-то рассказать. А если пещерные жители считают, что человек прибыл на плавучем средстве, то это означает, что на Анорру прибыла новая группа людей, оснащённая по-новому.

Ликлянин ответил, что кое о чём он уже позаботился, а именно заставил позабыть незваную гостью обо всём, что каким-то образом связано с меллами.

Аэра ответил, что это правильно, но, возможно, потребуются ещё какие-нибудь действия.

Когда Аэра остался наедине с собой, он, закрыв глаза, попытался представить себе новых астронавтов, живущих в модуле «Галактика», построенным с таким трудом их командой, стоившим их жизней. Наверняка, всех их жизней. Да, именно так и подумал, потому что понимал, что он, возможно единственно выживший из всех, по сути, не живет, а существует. В чем-то, несомненно, он был счастлив, и существование его здесь и сейчас было уникальным, но мысли всё время возвращались к маленькому островку тепла и уюта на этой планете, к людям, живущим той жизнью, от которой ему пришлось отказаться. Вспоминал он и о своей земной жизни... О старой своей бабушке Неру, и о невесте Ние, которая, возможно, всё ещё ждала его на Земле, лицо которой почти стёрлось из его памяти. Но во сне Аэра видел только небо и солнце.

Ему вспомнился тот день, когда Роберт Лоуренс открыл проход в этот мир, и он, совершенно околдованный, пошёл по этому пути, сперва наполненному светом деревьев, потом почти в кромешной тьме, но у него был тогда фонарь. Долго бредя по туннелю, иногда в полусогнутом состоянии, ведомый образами, переполнявшими его, мог ли он знать,

что за поворотом вдруг начнётся крутой спуск, он оступится и покатится вниз, набирая скорость и не различая пути? Тогда голоса вдруг замерли, будто почувствовав его панику и прощание с жизнью. Каким-то чудом он остался жив, проехав на пятой точке по ледяному спуску довольно протяжённый участок. Вскоре после этого он и встретился с меллами воочию.

Аэра много узнал о пещерных жителях, пока жил в одном из зачарованных гротов. Подобных гротов, в которых обитали меллы, было множество, но этот самый большой. Лучше сказать не гротов, а локаций, поскольку не все локации были гротами, а некоторые, например, были просто сетью пещерных ответвлений. Локации в основном соединялись между собой сухопутными проходами. Немного ему удалось попутешествовать по земле Анорре, пока позволяло здоровье, ставшее вдруг хрупким. В этих странствиях Аэра сопровождали двое доброжелательных и очень общительных меллов из племени, которое приютило его, звали их Неянин и Сианэй.

Для переходов между локациями меллы запасались светящимися ветками деревьев, потому что в туннелях было совершенно темно. Самим меллам хватило бы и сияния собственных глаз, но для неприспособленного к темноте Аэра этого света было недостаточно.

Меллы, обитающие в разных локациях, были настроены дружелюбно по отношению друг к другу. В каждой локации могли сосуществовать несколько племён, часто это зависело от геологической структуры, если это слово правильно было бы употребить в данном контексте.

Питались меллы в основном рыбой и морскими змеями, пойманными в океане; ловлей занимались с помощью сетей и удочек. Также были у них копья, а лучше сказать гарпуны, для охоты на более крупную плавающую добычу.

В некоторых пещерах поражала красотой и необычностью буйная растительность – очень похожая на гигантский мох, некоторые разновидности которого будто горели огнём, освещая таинственные своды. Были эти мхи разных оттенков – серого, тускло-бирюзового, нежно-оливкового, голубого, тёмно-бардового и даже красного. Мхи, большие как кустарники, или даже похожие на небольшие деревья благодаря одеревеневшему стволу. Некоторые украшали светящиеся шишечки или шарообразные плоды. Под деревом можно было усесться на мягкую траву, жёлтую или голубую, которая строго говоря травой не являлась, а была разновидностью всё тех же мохообразных. Некоторые подобия лиан (в том числе те, которые видела Эстер), представляли собой не растения, а являлись рукотворными средствами перемещения меллов в вертикальных и горизонтальных плоскостях огромного грота, и были сделаны чаще всего из прочной кожи змей, на которых охотились пещерные жители. Но существовали в этом мире и другие «лианы». Некоторые растения смогли приспособиться к жизни, укоренившись на своде пещеры. Их отростки ниспадали вниз подобно лианам в земных джунглях.

Странствуя с меллами от одной локации к другой, Аэра попал в племя, живущее в красивом месте. Это был грот, высокий и просторный, повсюду радовала глаз чудесная растительность, целые заросли, испускающие ясно льющийся свет, так что было там светло, как днём. Посреди грота располагалось озеро неправильной овальной формы яркого голубого цвета, видимо, благодаря живущим в нём бактериям. Оно было достаточно глубокое, как впоследствии узнал Аэра. Дышалось там ему намного легче, чем в других местах. Пение птиц или подобных им существ наполняло пространство, и слышалось

журчание многочисленных ручьёв, вытекающих из озера и впадающих в него. Взору терпеливого путника, идущего вдоль берега достаточно долго, в конце концов открывался поразительной красоты водопад. Одна из пещерных рек ледяной коры Европы питала голубое озеро, вытекая из свода откуда-то сверху и стремительно падая вниз. При этом вокруг всё было затуманено, густой пар и взвешенные капельки воды висели в воздухе мистическим совершенно образом, а на самом деле благодаря низкой гравитации и слабому давлению. Поверхность воды в этом месте испарялась и кипела. От воды отрывались пузырьки, летели, переливаясь цветными узорами. Озеро радовало взоры, а также кормило племя меллов, живущее в этом зачарованном месте. То тут, то там виднелись деревянные подмости для рыбной ловли, на которых можно было встретить одинокого рыбака, терпеливо ждущего клёва. Аэра заметил даже две или три деревянные лодочки, привязанные к берегу. И однажды видел, как одинокий мелл, с ног до головы укутанный в какое-то вязаное тряпье голубого цвета, плыл на лодке по озеру, умело подгребая двумя золотистыми вёслами.

Наблюдая на опушке леса за растениями и копошащейся в них жизнью, Аэра заметил целое семейство мохнатых жучков-короедов, а также двух или трёх пролетающих мимо больших стрекоз. Крылья были у них побольше, чем у их земных собратьев.

С собой у него была небольшая плоская продолговатая коробочка, которую он взял из своего земного дома, когда отправился в экспедицию на Европу. Она представляла из себя что-то вроде маленького изящного сейфа в карманном варианте. Совершенно бесполезная вещь, отчего и нравилась ему. На крышке – изображение львиноголового бога солнца и огня одного из африканских племён, и надпись на их же языке. Была она металлическая, герметичная, закрывалась простым кодом, только вместо цифр были символы. В коробочке он хранил карту памяти с фильмами, фотографиями, книгами, которые взял с собой с Земли, какие-то пластиковые карты, подтверждающие его личность, образование, профессию, что-то ещё, уже не имеющее ровно никакого значения. Всё это он вытряхнул, карту памяти положил себе в карман, а пластиковые карты раздал маленьким меллам, так как подарить им он больше ничего не мог, а карты были яркие, разноцветные. Оставил внутри только свою идентификационную карту, сам не понимая толком, зачем.

Аэра нашёл у тропы небольшую мёртвую стрекозу с шестью круглыми синими крыльями, которые крепились к туловищу посредством длинных оранжевых палочек таким образом, чтобы стрекоза могла свободно маневрировать ими в полёте, когда была ещё жива, разумеется. Её он сложил в коробочку. Туда же поместил пару-тройку жуков, которым тоже уже было всё равно, где находиться, по причине их неодолимого состояния к тому времени.

И всю эту коллекцию он собирал зря, потому что потом, когда они втроем проползали по узкому проходу, тянувшемуся от одной локации к другой, коробочка выпала из кармана комбинезона и, скользя по льду, скатилась в одно из ответвлений пещеры, покатились дальше, и Аэра, замерев, прислушивался к грохоту, издаваемому ею ещё на протяжении пары минут.

Когда же Аэра высказал вслух желание побродить по столь удивительному лесу, меллы запротестовали, сказав, что это крайне опасно, и за обе руки увели его подальше от опушки. Аэра был весьма заинтригован и решил про себя во что бы то ни стало вернуться сюда и осуществить задуманное.

Племя, живущее в этом экзотическом месте, строило хижины из одеревеневших

стволов, вместо кровли кладя нечто вроде пушистой листвы. Их жилища получались красочными, как иллюстрации в детских книжках. Неудивительно, что племя это было многочисленным, и меллов-детишек просто пруд пруди. Аэра наблюдал однажды, как целое семейство меллов купалось в голубом озере, а меллкотня с шумом и визгом ныряла в холодную воду с подмостков, распугивая рыбу.

Удивительно, но те из деревьев, которые обладали свойством светиться, иногда будто уставали и гасли, причем происходило это почти одновременно. Поэтому сначала наступали сумерки, а потом и вовсе кромешная тьма, когда всё живое замолкало. Но лишь на короткое время она оставалась исключительно кромешной, потому что вскоре некоторые из деревьев начинали излучать серебристое или золотистое слабое сияние; начинали петь какие-то жучки, похожие на земных сверчков, а иногда из леса доносились одинокие крики птиц или подобных им существ. Спустя несколько часов день разгорался снова.

Были там и поющие деревья. У них имелись отверстия в стволе и ветках, как у дудочки, и полости, какой-то дух дул изнутри, и в результате получалось подобие мелодии, чаще всего заунывной и берущей за душу. Когда начинали петь деревья, всё остальное стихало. Постепенно звук доходил до своего апогея, и ему начинало вторить эхо, делая его многомерным. Однажды Аэра увидел, как двое меллов, обнявшись, пели вместе с деревьями. Вид при этом у них был какой-то нездешний. Возможно, деревьям помогал петь ветер? Иначе сказать, сквозняк, гуляющий по пещерам.

Ароматов Аэра почти не чувствовал, поскольку страдал тут почти непреходящим насморком, отчасти благодаря всё тому же сквозняку, но иногда до него доносилось благоухание цветов, или ему так казалось. А цветы там росли. Видимо, те же мхи, только цветущие, но были они всё же красивы. Не сказать, правда, что их было много, но то тут, то там наш путешественник мог приметить то ли лютики, то ли одуванчики, выглядывающие из травы. Росли в лесу и грибы, по крайней мере, Аэра заметил у тропы парочку похожих на шампиньоны. Самым притягательным был аромат обеда, которым накормила его та самая семья, которых он застал за купанием. Жили они в довольно-таки просторной хижине, достаточно высоко приподнятой над землёй с помощью брёвнышек.

Вот так, путешествуя от одной локации меллов, к другой, посещая разные племена, Аэра всё больше узнавал о жизни пещерных жителей. Почти все они были настроены дружелюбно, открыто рассказывали о своей жизни, были общительны и любопытны, задавали смешные вопросы.

У них было много богов, но самым главным был Танн. Меллы из поколения в поколение передавали легенду о Танне, сотворившем весь мир и, в частности, землю Анорру. О том, как некоторому племени в древности открылся огромный глаз Танна, и всё племя, посмеявшее взглянуть на бога, погибло. Разрешено было остаться в живых только одному меллу, и то с единственной целью: чтобы он мог рассказать всем пещерным жителям о могуществе и доброте Танна. Ему был указан путь, по которому он вернулся домой после долгих и опасных скитаний.

«Глаз бога настолько огромен, что едва помещается на небосводе. Зрачок красный и пугающий, а вместо век тянутся жёлтые и белые божественные полосы». Узнав по описанию Юпитер, Аэра не стал разуберять добрых своих друзей в божественном происхождении Танна. Но его поразило точное словесное изображение планеты-гиганта и в частности, такой немаловажной детали, как большое красное пятно, определяемое ими как зрачок бога. Если легенда основывается на реальности, то как, каким образом, мог выжить мелл, увидев

Юпитер, а, следовательно, побывав на поверхности? Это была ещё одна загадка.

Были у пещерных жителей и другие боги, и немало, даже трудно было разобраться в этой божественной иерархии. Богиня океана, боги охоты и рыбной ловли и ещё многие другие, что очень напоминало по смыслу языческие вероисповедания земных отсталых племён. Ещё одна легенда рассказывала о племенах, живущих по ту сторону мира. Раньше все меллы были одной большой семьёй, но однажды бог льда и богиня океанского дна, которые заботились о меллах, поссорились между собой, началась битва, сравнимая с концом света. Бог льда сотрясал льдинами, а богиня вызвала со дна огненную лаву, и в конце концов те немногие меллы, которые остались в живых, были навеки разделены между собой. Эта легенда навела Аэра на мысль о возможности существования иного вида разумной жизни на Европе, например, меллов, которые пошли по альтернативному пути эволюции. Или даже совершенно других разумных существ, которые с самого начала развивались обособленно.

15. Котираки и бурдухаи

Всего у меллов было три крупных события, повторяющихся с завидным постоянством. Так сказать, большая тройка событий. Именно на них и была основана градация времени. Это – великая охота меллов на бурдухаев, великая охота личинок бурдухаев на меллов и великая охота котираков на меллов. Меллы всегда побеждали, отчего и выживали как вид. В сущности говоря, вторую из этих, с позволения сказать, охот, они могли бы запросто пресечь на корню. Однако не делали этого в силу нескольких причин. Другую, с котираками, они очень сильно желали пресечь, но не могли. Таким образом, желаемое не совпадало с неизбежным, но несчастными они не были.

Как времяисчисление может опираться на столь эпизодические явления, как великие охоты? Достаточно просто. Допустим, кто-то из меллов хочет узнать, когда произошло такое-то событие. Ему отвечают: сразу же после предпоследней великой охоты на бурдухаев. А на возмущённое «нельзя ли поточнее», говорят: отчего же, можно. Незадолго до позапрошлого нападения котираков. И только Сианин с умным видом толкует всем про беглы. Впрочем, понятия «вчера», «сегодня» и «завтра» также были в обиходе у пещерных жителей.

Аэра показал меллам часы. Множество абстрактных, почти одинаковых символов, сменяющих друг друга либо по своему собственному наитию, либо согласно воле землянина, произвели на них сильное, но вполне «изгладимое» впечатление. Предназначение часов осталось непонятым.

Вкратце про котираков. Вырастая с невероятной скоростью из земли в самое неподходящее для этого время, обозначенные особи сразу же выходили на тропу войны, а спустя час-полтора взрывались всеми своими семяпочками, раскидывая вокруг мелкие вредливые семена. Справедливости ради стоит отметить, что излюбленной их добычей являлись всё же швитгримеры и кобуи, а не меллы. Но швитгримеры были почти неуловимы, а улиткообразные кобуи обладали врождённым свойством спонтанно маскироваться под окружающую среду. Так что меллам приходилось отдуваться за всех. Они не могли подобно пронирыливым швитгримерам юркнуть в любую скальную расселину или как кобуи притвориться тем, чем не являются.

Каждый раз котираки пытались завоевать мир одним и тем же дедовским способом. Во-первых, они начинали одновременно расти, проворно выпуская упругие бурые ростки, открывая листок за листком, раскидывая в стороны полотнища мертвенно-бледных лепестков. Во-вторых, устраивали слежку. Если вы вдруг замечаете, что из куста карашника за вами наблюдает единственный глаз-локатор котирака – этакий шноркель – спасайтесь, ибо последует нападение. Стоило какому-нибудь зазевавшемуся меллу оказаться поблизости, как котирак выбрасывал струю клейкой жидкости, втягивал в себя несчастную жертву, и что тогда происходило в глубине его цветоложа, одним богам известно.

Меллы были мастерами внушения, но на котираков гипноз не действовал. Благодаря своим динамичным всходам котираки представляли серьёзную опасность для меллов. Отделаться от кровожадных бестий было чертовски трудно. В борьбе с ними годилось любое оружие: гарпун и лопата, сетка и прицельная пальба костями. Меллы неизменно выходили победителями, но ни одна великая охота не обходилась без жертв. После побоища они

сновали всюду в поисках заострённых, похожих на рыбы зубы семена и складывали их в одно место. Когда горка семян выросла примерно на один фут, их уничтожали любым подходящим способом. Огонь, та высшая ценность, которой в своё время обладал Аэра, как оказалось, на них не действовал. К сожалению, все семена собрать было невозможно.

Что же касается личинок бурдухаев... Эволюции существ этого вида можно было бы посвятить целую главу, однако делать этого мы не будем. Хотя бы потому, что не располагаем точными сведениями, а можем лишь строить дилетантские предположения. Заметим только, что начали они свой долгий эволюционный путь в океане, затем на определённом этапе вынуждены были перебраться на сушу, приобретя при этом внешнее сходство с земными богомолами, а затем снова вернулись в океан. Сложности становления вида отразились в поэтапном развитии каждой отдельной особи.

В низовьях горячего ручья Киапуши миллионы лет назад образовалась Долина тёплых озёр. Это было обширное пространство в нижней части ледяной коры Европы, занятое в основном неглубокими, полными живности водоёмами. Когда начинался прилив, океанские воды поднимались и переполняли озёра, соединяя их между собой. В это время бурдухаи успевали проникнуть в долину и отложить там икру, прикрепив её к водорослям. Для развивающихся организмов трудно было придумать место лучше: спокойные тёплые воды лелеяли и укачивали молодняк. К слову сказать, бурдухаи были рыбами не мелкого десятка, поэтому и икринки у них были «величиной с отель Риц».

Едва вылупившись из этих непотребно больших желеобразных икринок, новое поколение бурдухаев принималось вершить свои тёмные делишки. Часть их сразу ныряла в океан, чтобы стать впоследствии рыбами, и когда-нибудь вновь приплыть на нерест в Долину тёплых озёр. Другая часть, ведомая инстинктивной жадной мести, начинала карабкаться в гору, по ледяным или покрытым настом тропам. Подобно воинам, пересекающим горные хребты, упорно и неумоимо, по головам, хвостам и лапам, топча друг друга и застилая своими трупами дорогу вверх, шли, как копьеносцы, как рыцари с опущенными забралами. Они были хрупки и глупы, но количество их было таково, что потеря одного или двух десятков ничего не значила.

Этот сплошной поток направлялся к местам обитания меллов. Те их ждали и готовились отразить нападение. Они надевали на лица белые маски с узкими прорезями для глаз, чтобы защититься от яда, брали в руки длинные и тонкие копыя с острыми наконечниками из рыбьих костей, держали наготове маленькие, искусно вырезанные костяные кинжалы. Устраивали засады и с воинственными криками врывались в полчище насекомых.

Личинки бурдухаев шли на смерть, снова и снова, из поколения в поколение. Они повторяли это заученное па с обречённостью мотыльков, летящих на огонь.

Выше было сказано, что войну с личинками меллы могли бы пресечь в самом начале, но избегали этого. Дело в том, что бурдухаи – самая желанная добыча меллов, поэтому неразумно было бы искоренять их на стадии икринок. Этим же объясняется враждебность бурдухаев по отношению к меллам, заложенная в них вместе с основными инстинктами и проявляющаяся в бытность их личинками. Как говорится, око за око, зуб за зуб.

Мечтой меллов было сравить личинок бурдухаев с котираками, но то ли возрождались к жизни из небытия эти твари всегда в разное время, то ли личинки были несъедобны для котираков... Неизвестно. Известно только, что мечта эта оставалась неосуществлённой, потому что была, если уж начистоту, неосуществимой.

...

Вода всё не прибывала. Мир изменился не в лучшую сторону. Приближающееся полуголодное существование было не единственной причиной ревностного ожидания великой охоты. Трое молодых меллов ждали её с особенным нетерпением, ибо охота является тем самым испытанием, после которого они, белоносые юнцы, смогут наконец-то стать настоящими охотниками. Старые меллы поговаривали, что если вода вскорости не поднимется, то бурдухаи – огромные рыбы, плывущие в низовья Киапуши из глубин океана на нерест – могут развернуться вовсе, скинув икру в самом неподходящем для этого месте. Род бурдухаев может полностью сойти на нет, или же станут они такой редкостью, что охота на них потеряет своё былое значение.

Уже несколько дней меллы стояли лагерем в Долине тёплых озёр. Аэра ждал прилива вместе со всеми. Несмотря на свою болезненность, проявившуюся в последнее время, он ни за что не захотел пропустить такого значительного события, как великая охота. В руках он держал острогу, которую Сианэй смастерил специально для него – она была в полтора или даже в два раза длиннее обычной. Один конец остроги был заострён, к другому крепился трос. Землянину не терпелось пустить её в дело. Обычный сумрак сменился почти непроглядной тьмой – наступила ночь. То тут, то там по всей долине виднелись ночные огоньки – меллы, собравшиеся кучками, терпеливо ждали прилива. В основном все спали, только вахтенные, назначаемые в каждом отряде, не смыкали глаз. В своём отряде дозор держал Аэра.

Он напряжённо всматривался в туман, опустившийся на озеро. Ему казалось, что белая мгла принимает очертания какого-то существа. Человека, сидящего на корточках и вглядывающегося в мутную воду. Чем дальше смотрел он на зыбкую фигуру, тем больше замечал деталей. На человеке была надета мантия или длинный плащ. Возможно, накинуто одеяло. Непокрытая голова. Какая-то надсада во всём облике, безысходность. Аэра отдал бы руку на отсечение, так явственно распознал он этот образ и даже нашёл сходство с самим собой. Но когда опустил глаза и снова поднял их, эфемерный двойник исчез. Растаял в полупрозрачной дымке, улетучился, будто бы его и не было. Чудно. Но правдиво: когда-нибудь также растает и он. Аэра вздохнул. Это не первая его галлюцинация с тех пор, как он поселился среди меллов.

Ему хотелось знать, что первично в этих видениях – его собственные мысли и чувства, сложившие мираж прямо на его глазах из клочков тумана и обрывков мглы, или потусторонние силы, пытающиеся о чём-то предупредить. Если это и впрямь галлюцинация, агония его больного рассудка, то она должна быть сугубо индивидуальна, то есть никто другой не увидел бы ни человека, ни плаща, ни синего одеяла... Это можно будет проверить. «Стоп. Почему именно синего?» – сам у себя спросил Аэра, но не смог дать внятного ответа.

Послышался шорох. Два ярких глаза из темноты. В руках – охапка светящихся мхов. Это Зейн, старик из соседнего племени.

– Хоть не огонь тебе несущ, но немного света, – прошамкал Зейн одними губами.
– Старик, ты хотел рассказать про духов океана, – напомнил ему Аэра.
– Про духов? Что ж... Ты не можешь ни видеть, ни слышать их, пока они находятся в воде, – медленно проговорил Зейн, – можешь только почувствовать. Если они замерли и не двигаются – значит, ожидают добычу. Всякая мелочь не для них. Но морские твари – рыбы, змеи и прочие чуют их и держатся от них как можно дальше.

– Духи то же самое, что и боги океана? Я слышал про них, – вставил Аэра. – Богиня океана, богиня морского дна...

– Это другое. Боги жили с самого сотворения мира. А духи океана появились не так давно. По крайней мере, в глубинных слоях памяти про них нет ни слова. Прадеды их не знали, а вот деды уже говаривали. Было дело, долго ждали прилива. Вот как сейчас. Нет воды – нет бурдухаев. Но вот, наконец, боги сжалились и дали меллам воды, но дали слишком много, так много, что она переполнила Долину озёр, поднялась выше и затопила половину грота. А, отхлынув, унесла за собой много меллов. Не выдюжили, вода оказалась сильнее. А после этого голод унёс столько же... Да не о том хотел. Так вот, духи океана. Тогда и заплыл к нам один из них. Кто был свидетелем – долго не мог забыть. Как демон метался он, привнося разруху. Пытались вникнуть в его сознание и умиротворить, успокоить. Но было это напрасней бесполезного. Сам себя он и погубил. Заплыл слишком далеко. Воды схлынули, а он остался лежать. Бился как в припадке, но затем стих. И коль скоро спала с него вода, стал он видимым. Так мы, смертные, узнали, что дух океана – огромная змея, неподъёмная. Так и лежал он, испуская невыносимый смрад, пока не высох совсем. Из любопытства ли он пожаловал или хотел посмотреть на нас, меллов, какие мы тут из себя... Да только не надо было ему заплывать: оторвать от родного места, что от матери младенца. До сих пор бы, наверное, рассекал воды в своей стихии.

Зейн посмотрел украдкой на землянина и опустил голову. Затем продолжил:

– Долго нет воды. Может и подымится вскорости, да только... Бурдухаи-то наверно уже не приплывут. Зачем им, если сбросили икру. – Помолчав, тихо добавил: – Сменяю тебя, иди, поспи.

Аэра покорно побрёл в палатку и постарался устроиться поудобней на мягкой перине из сухого мха. Сон пришёл быстро, перед расслабленным внутренним взором начали проноситься сновидения. «Вода, вода!..», – шептала ему Ния, подставляя руки под дивные пенящиеся струи.

– Вода, вода! Аэра, просыпайся! – Зейн тряс его за плечо. – Дождались.

Начался прилив. Меллы стояли наготове, держа наперевес свои остроги. Когда приплывут бурдухаи, им нужно дать достаточно времени для того, чтобы они успели отложить икру. Потом можно начинать охоту.

Долго простояли охотники, но добычи всё не было. Зейн и Аэра обменялись грустными взглядами.

– Пора собираться в обратный путь... – прозвучало в общей сфере идей. Кто-то, наконец, осмелился высказать вслух то, во что никак не хотелось верить.

Меллы сложили остроги и принялись нанизывать на них свою нехитрую кладь – узелок за узелком.

– Стойте! – вдруг закричал Тиланин, один из тех белоносых отроков, для которых эта охота должна была стать боевым крещением.

Меллы обернулись на крик и посмотрели туда, куда показывал белоносый. Вдалеке они увидели гладкие блестящие спины сотен бурдухаев, спешащих на нерест.

16. Приказ Е-87

Капитан Джош Бир готов был рвать на себе волосы – двое его людей не вернулись на корабль, сначала пропал Герман Зотов, а затем отправившийся на его поиски Мэтью Дюбуа. Джош объявил сбор в капитанской рубке, а через некоторое время обвёл глазами присутствующих астронавтов. Это были Янко Вукотич, Грэм Питерс и Керрио Винс. Двое парней, работающих над устройством грота, Лоуренс и Холлингсворт, всё ещё отсутствовали. А ведь он связывался с Вульфом с полчаса назад и велел подняться на борт корабля. Джош нервно включил рацию, вызывая Вульфа, но на этот раз ему никто не ответил.

– Тысяча чертей! – выругался он. – Теперь и Вульф молчит.

Джош досадливо откинул маленькую чёрную трубку на капитанское кресло. На лицах всех троих астронавтов были написаны грусть и растерянность. Им предстояло решить вопрос: искать ли Германа Зотова, а теперь и Мэтью Дюбуа, дальше, хотя уже ясно, что живыми они их не найдут, или сосредоточить все силы на осточертелой работе по устройству обитаемого модуля, чтобы завершить её в срок, несмотря на все навалившиеся технические и бытовые трудности.

– Грэм, спустись в грот, посмотри, почему Вульф не отвечает, они там вдвоём с Аэра, – сказал капитан.

Вернувшийся через некоторое время Грэм доложил Джошу, что грот совершенно пуст, астронавтов нет, а их «рыцарские доспехи» находятся там. Он также сообщил, что спустился ещё ниже, по шахте к воде, но и там их не нашёл.

– Чертовщина какая-то! Куда они могли подеваться. Да что тут вообще происходит?! – воскликнул Джош Бир и выскочил из рубки. Он лично проверил, что на борту корабля осталась всего пара «доспехов», в которых астронавты спускались в грот, а изначально их было четыре. Вернувшись в капитанскую рубку, он сказал следующее:

– Мы потеряли наших товарищей, Германа и Мэтью. И мы не смогли их найти. Мы открыли счёт нашим потерям. Но как выясняется сейчас, мы на пороге новой беды. Пропали Вульф и Аэра. Мы отправимся на поиски. Я и Керрио Винс. Остальные набирайтесь сил, – с этими словами капитан Джош Бир вышел из каюты, а следом за ним поднялся светловолосый голубоглазый парень почти двухметрового роста, которого звали Керрио.

Капитан Джош Бир и астронавт Керрио Винс спустились в грот и после непродолжительного поиска обнаружили одинокую свинцовую «заплату», плотно пригнанную к ледяной стене. Слегка отодрав её от стены и почувствовав напор вырывающегося воздуха, они поняли, что за свинцовой панелью находится свободное пространство, которое вероятней всего и «втянуло» в себя Вульфа и Аэра. Джош и Керрио, недолго думая, оторвали свинец, и проникли в неизведанную землю, оставленную меллами незадолго до их появления. Они оба стали свидетелями гармоничного сочетания природной и рукотворной красоты обнаруженного им грота. Им стало очевидно, что в толще ледяной коры Европы нашла себе пристанище жизнь, возможно даже разумная. Вскоре они обнаружили немало подтверждений своему предположению. Пространство грота круто возносилось кверху. Огромные полупрозрачные сталагматы, исписанные знаками и иероглифами, словно колонны, поддерживали выступы и даже целые площадки-балконы, находящиеся на разной высоте и соединённые между собой в художественной

беспорядочности многочисленными подвесными мостиками с поручнями. Заметили они и «канаты», свисающие с «балконов», предназначенные, по всей видимости, для вертикального перемещения невиданных существ в пространстве. С балконов струился мягкий голубоватый свет непонятного происхождения. Грот был пуст.

От грота шло единственное ответвление, пугающий своей чернотой ледяной туннель. Именно туда пошли Джош и Керрио, включив налобные фонари. Какую-то часть пути им пришлось передвигаться на четвереньках, пока пещера не расширилась, дав астронавтам возможность встать на ноги. Не прошло и минуты, как путь им преградил завал из огромных ледяных глыб, дальше идти было некуда. Джош и Керрио посмотрели друг на друга, и глаза их говорили яснее слов. Всё же, Джош стал «пробивать» по радиации позывные Вульфа и Аэра. В ответ, как и раньше, была только тишина.

Вернувшись на корабль, Джош и Керрио рассказали об увиденном. В тот день на корабле «Экспедиции» астронавты зажгли четыре свечи, встали вокруг и почтили память погибших товарищей минутой молчания.

Аэра, как и Вульфа, сочли погибшим под ледяным обвалом.

Команда потеряла четырёх человек за два дня. Теперь их осталась ровно половина. Джош сообщил в МКА обстоятельства пропажи людей, указал возможные причины их гибели. Доложил он также об инопланетянах, а точнее о найденном гроте, который, несомненно, являлся недавним прибежищем для обитающих на Европе разумных существ. Все эти сведения он был обязан донести до руководства МКА по долгу службы.

В ответ он был раскритикован за преждевременные выводы о существовании иноземного разума. Особенно возмутила Гершмита, руководителя их группы в МКА, высказанная им мысль о недопустимости вмешательства людей в развитие обособленной цивилизации на Европе и о том, что само присутствие людей аморально и неприемлемо, и приравнивается к вторжению.

Джош и сам с трудом верил в то, что говорил, но он сделал свои выводы относительно существования инопланетян и их предполагаемой разумности исходя из увиденного собственными глазами: все эти висячие мосты, сталагмиты, испещрённые узорами и символами... Всё это не оставляло сомнений. Но ему дали почувствовать себя клоуном или сумасшедшим – на выбор.

Реакция руководителя была неадекватной.

Было приказано не отвлекаться на домыслы, выставляя себя в смешном виде, а сосредоточиться на быстрейшем завершении работ по обустройству научной станции.

...

Редко доводилось Джошу оставаться наедине с собой, некогда было горевать. Только расслабишься, начнёшь жалеть себя и других, считай – пропало, затянет по самые уши, не вылезешь из этого болота. Но всё же... Минус четыре. Герман, Мэтью, Вульф и Аэра... Из них нашли только Германа спустя пару дней после его гибели. Он превратился в памятник самому себе – в ледовое изваяние, цельный кристалл. Эта чёртова планета... Капитан не мог спать, не мог есть. Тупо заставлял себя и своих подчинённых работать, не покладая рук. Соблюдать максимальную осторожность. Не экспериментировать, не рисковать, не лихачить... Что это за запах? Не иначе как жареная рыба. Джош выскочил из капитанской рубки. Ну конечно, кто же ещё мог додуматься порыбачить. Кто, как не Винс.

– Керрио, а ты не подумал, что она может быть ядовитой?! – накинулся он на

астронавта.

– Не волнуйся, Джош, сначала я попробовал кусок размером вот с этот мой ноготь, – Керрио показал свой большой палец. – И как видишь, со мной всё в порядке, – его открытая улыбка совершенно обезоруживала.

– Нас осталось четверо! Как вы не понимаете! – сейчас он уже орал, не сдерживаясь, на всех, кто находился рядом.

– Джош, извини, но ты перегибаешь палку. Мы вполне самостоятельны, способны отвечать за себя, да и за тебя тоже. Нам всем сейчас не по себе от того, что произошло. Но ты не должен контролировать каждое наше действие, – примирительно сказал Керрио.

– Смотри, Винс... – Джош непроизвольно сжимал кулаки. – Дорыбачишь, мы все тут копыта откинем.

Ему было неприятно, что он не сдержался, позволил себе повысить голос на парней, а им и так туго приходится. Но последние события не прошли даром, сказались на нервах. Стоять твёрже скалы, повторял он про себя, не давать слабину.

Вернувшись в капитанскую рубку, Джош обнаружил, что из МКА пришёл приказ (кодами «совершенно секретно» и «немедленно приступить к выполнению»). Этого ещё не хватало. «Приказ № Е-87...», – начал читать он про себя и вскоре почувствовал, как от прочитанного у него буквально волосы встали дыбом.

Не вдаваясь в подробности, экипажу «Экспедиция» в составе четырёх человек надлежало взять в руки оружие и приступить к уничтожению всех живых существ, настроенных враждебно к людям, а также любых свидетельств существования внеземного разума на Европе. «Какая резкая смена настроений в МКА, с чего бы это!» – подумал Джош.

Из приказа выходило, будто инопланетяне повинны в гибели четырёх астронавтов, так он ловко был состряпан.

«Исходя из установленного факта гибели четверых членов экипажа «Экспедиция» и предполагаемого вмешательства враждебной цивилизации, приказываю...» – а дальше следовал план боевых действий, будто Гершмит не наигрался в солдатиков, будучи ребёнком.

Целый абзац в приказе был посвящён рассуждению о том, что своим вредным влиянием инопланетяне могут свести на нет планы освоения спутника Юпитера, нарушить реализацию проекта «Юпитер-Европа», в который вложено огромное количество средств.

«Так вот где собака зарыта», – подумал капитан, прочитав про средства. До него стал доходить истинный смысл полученной депеши. Приказ был абсурден с позиции морали и логики, но вполне разумен с точки зрения финансиста, пекущегося о вложенных деньгах. Ведь стоит информации о разумной жизни на Европе стать достоянием общественности, как проект «Юпитер-Европа» будет либо закрыт, либо заморожен на неопределённое время.

О полученном приказе Джош решил пока никому не говорить.

17. Последний приют

Он чувствовал, что угасает. Дышать становилась всё труднее с каждым днём, а холод всегда был для него испытанием. Всё реже и реже он поднимался на ноги. Меллы по-прежнему оставались добры к нему, но сейчас Аэра замечал грусть в больших лучистых глазах, когда ловил на себе их взгляды. Пещерные жители каким-то образом сознавали, что свеча его догорает.

Возвратиться к людям Аэра не мог, даже если бы и захотел, поскольку давно уже обнаружил, что путь назад надёжно отрезан завалом из ледяных глыб. Но не это было главным в его решении остаться здесь навсегда. Главным было сохранить в тайне от МКА существование разумной жизни на Европе. Ведь даже самые лучшие намерения случайных и недалёковидных людей, узнай они о пещерных жителях, могли бы погубить тонкое жизнеустройство меллов.

Сохранить в тайне любой ценой... Вслед за этой, ставшей уже привычной мыслью, незамедлительно пришла другая. Аэра вспомнил тот необычный день, когда Ликлянин попросил его подумать о людях Земли, но не обо всех сразу, а о тех из них, которые чисты душой и светлы разумом. Аэра понял, что старейшина имеет в виду людей с экстрасенсорными способностями, о которых он ему говорил незадолго до этого. Ликлянин собирался обратиться к таким людям с рассказом о меллах. «Зачем?» – искренне удивился тогда Аэра. Но сейчас до него стало доходить понимание того, насколько Ликлянин далеко заглядывал. Старейшина племени был мудр и честен перед собой и другими. Он видел, что рано или поздно люди или какая-то группа людей узнает о цивилизации меллов. И никому неизвестно, что тогда предпримут земляне, ослеплённые амбициями. Поэтому старейшина выбрал путь, наиболее соответствующий открытой и дружелюбной природе пещерных жителей. Он решил рассказать о себе и своих соплеменниках тем, кем будет услышан. Это должно было стать своего рода воззванием о помощи.

Аэра зябко поёжился. До сих пор у него мурашки пробегали по коже, когда он вспоминал день молитвы.

Воздушные потоки восходили вертикально вверх, в непроглядную беспредельную тьму, завывали, доводя звук до своего апогея, стихали и пропадали, чтобы вновь, возрождаясь, устремляться кверху. У этого не было ни начала, ни конца. Это было началом и концом вечности. Аэра стоял на коленях, а рядом, сложив молитвенно кисти рук, сидел Ликлянин. Вокруг них многочисленными кругами расположились меллы всех племён, обитающих в просторном гроте. Все пещерные жители, открыв лучистые глаза, смотрели вверх, их руки были сложены для молитвы.

Аэра, единственный среди всех, закрыл глаза. Иначе он не мог сосредоточиться. Лицо его было поднято кверху. Он всеми силами старался выполнить просьбу Ликлянина. Мысленно искал проводников. Старался думать о хорошем, добром, о духовных людях, о людях со светлой душой. Перед глазами вставали святые отцы христианской церкви, тибетские монахи, видел он отрешённое от мирской суеты лицо ясновидящей. Думал даже о детях: их кристально-чистая душа могла служить проводником для сигналов, посылаемых меллами.

Не было сказано ни одного торжественного слова, однако меллы действовали удивительно слаженно, подобно единому организму. Ликлянин направлял поток сознания

всех собравшихся пещерных жителей вслед за тонким ручейком мысли стоящего на коленях человека. «И в этот раз, и много времени назад, и смотрим, как обрушивается в бездну неродившееся, и знаем, что грядёт свершённое, и место, где всё сущее. Да будет так», – такими словами закончил молитву Ликлянин.

Аэра понимал, что насколько бы ни было странным всё, что с ним происходит, именно это сейчас является его жизнью. А в нём самом жизнь угасает, истончается. Он постепенно уходит в небытие. Мысленно Аэра вновь и вновь возвращался в тот красивый грот, посреди которого располагалось голубое озеро. Он помнил, что дышалось там ему намного легче, по всей видимости, благодаря большому количеству растений.

Этой своей идеей Аэра поделился с Ликлянином и теми двумя меллами, которые сопровождали его в странствиях по Анорре около двух месяцев назад. Он был очень слаб, но непременно хотел вернуться к озеру, надеясь, что таким образом сможет продлить свою жизнь.

Посоветовавшись, меллы согласились с Аэра. И вот, собрав в путь побольше еды, Аэра, сопровождаемый своими старыми друзьями, Неянином и Сианэем, отправился в дорогу.

К слову сказать, у Сианэя в озёрном гроте жил сын, ушедший из дому давным-давно и встретивший у озера свою судьбу и, как оказалось в будущем, мать своих детей. Сын как оторванный кусок, говорили между собой меллы, повторяя это будто заученную истину. Но кусок не кусок, а сына Сианэй навещать любил, как и понячить внуков.

Что же касается Неянина, то он был просто перекаати-поле, не сиделось ему на месте, да и всё тут.

Путешествие пролегало по уже знакомым тропам и ледяным туннелям, мимо известных ему многочисленных локаций меллов. Теперь Аэра уже не был так бодр и подвижен, поэтому часто путникам приходилось делать привалы.

Когда же, наконец, они достигли своей цели через неделю после начала пути, Аэра был так измотан и обессилен, что, едва присев на мягкий голубой мох у самой опушки леса, уснул, и сон его длился несколько часов кряду. Гостеприимные меллы, озёрные жители, хорошо позаботились о нём, укрыв тёплыми вязаными одеялами.

Сон оказался целительным. Мало-помалу Аэра стал приходить в себя.

Оба мелла, Неянин и Сианэй, вскоре вернулись в свою локацию, неся соплеменникам добрую весть об улучшении самочувствия Аэра.

Один из приозёрных жителей совершенно по-самаритянски поделился с Аэра кровом и пищей. Звали этого доброго мелла Шинуэем, он был старым рыбаком и уже долгое время жил один. Раньше, рассказывал он, была у него семья, но сыновья выросли и отправились на поиски счастья к далёким племенам.

Едва окрепнув, Аэра стал чаще выходить к озеру, однажды нашёл в себе силы добрести до водопада. Но чаще всего сидел на одном из подмостков для рыбной ловли, закутанный в синее вязаное одеяло, и смотрел, как разбегаются по ярко-голубой воде концентрические круги. Несомненно, причиной тому была рыба, вынырнувшая, чтобы плотненько подышать воздухом.

Как-то утром, привлечённый пением деревьев, он отправился в лес. Уже начинало светать. Некому было предостеречь ненасытного в своём любопытстве Аэра, поскольку Шинуэй ещё засветло отправился на своей лодке к самому центру озера, где, как он говорил, клевало чаще, чем у берега.

Пение деревьев завораживало, Аэра всё дальше и дальше углублялся в лесную чащу, продираясь сквозь мхи и лишайники. Спустя двадцать минут он почувствовал, что дышится ему легко, как никогда. Кровь прилила к щекам, Аэра вновь ощутил себя молодым и полным сил.

Вдруг он услышал плотоядное рычание, и резкий неприятный запах ударил ему в нос. Миг, и огромный зверь песочно-жёлтого цвета выскочил перед Аэра и застыл, глядя на него тремя вращающимися от злобы глазами. Две передние толстые лапы были широко расставлены, из открытой оскалившейся пасти капала пеной слюна. Зверь вдвое превосходил Аэра по размерам, был намного массивнее, а устрашающие когти и острые зубы не оставляли ни малейшего сомнения в его намерениях.

Астронавт был совершенно безоружен. Несколько мгновений он просчитывал возможные варианты спасения. Ни одной палки вокруг, никакой надежды успеть забраться на дерево. Ни единого шанса спастись от омерзительной твари.

Когда зверь прыгнул на него, распустив по-кошачьи когти, Аэра попытался увернуться, но хищник оказался намного более ловким. Аэра почувствовал, как плоть его разрывают звериные когти, и острые клыки вонзаются в горло...

В тот же день Шинуэй и ещё трое меллов, вооружённые длинными копьями, отправились на поиски Аэра в лес. Они разбрелись по двое и шли, выискивая следы, оставленные огромным и неуклюжим, по их мнению, Аэра. Не прошло и десяти минут, как следы были обнаружены, а ещё через пятнадцать минут один из меллов призвал остальных громким криком.

Шинуэй склонился над ужасающими останками своего гостя и друга, и из больших серебристых глаз его полились слёзы.

Бездыханного Аэра перенесли в деревню, а потом, попрощавшись с ним, завернули в синее вязаное одеяло, которое служило ему добром при жизни, и печальная процессия во главе с Шинуэем отправилась в дорогу, туда, где находили своё последнее пристанище меллы этого племени. Долгий, нелёгкий путь пролегал по узким ледяным туннелям, по скрытым от глаз, запылённым ледяной пылью, тропам.

И всё-таки, двумя днями позже, Шинуэй ещё раз проделал тот же самый путь, но в этот раз он нёс на себе огромную шкуру песочно-жёлтого цвета, чтобы возложить её на последнее ложе Аэра, человека, прилетевшего из космоса, с третьей планеты, если считать от Солнца, их общей звезды...

...

Горестная весть о смерти Аэра взбудоражила всё племя Ликлянина. Прошло совсем немного времени с тех пор, как вернулись Неянин и Сианэй. Они рассказали о том, что Аэра выбрал дорогу жизни. Но как вслед за жизнью приходит смерть, так вслед за радостью пришла печаль. Причиной гибели Аэра стал проклятый хищник, ненасытный Сах-мет, охотящийся в лесах Анорры.

Меллы прощались с Аэра, но не навсегда, а до встречи. Верования убеждали их в том, что каждый мелл после смерти становится ещё лучше, чем он был при жизни, и попадает в далёкий светлый грот, где полно рек и озёр с рыбой, красивый цветущий лес, а разноголосое пение деревьев и крылатых рептилий столь благозвучно, что все боги являют себя там каждый день, лишь бы послушать его. Все кроме Танна. Танн настолько велик, что может

только наблюдать за этим живописным местом своим огромным глазом. И каждый мелл в свою очередь видит красный глаз Танна и получает от этого радость и благодать.

Пожив в том гроте и наполнив себя радостью, некоторые меллы могут при желании родиться вновь. Кем именно? Религия, не вдаваясь в подробности, отвечала таким образом: форма зависит от помыслов самого перерождающегося, который внимает советам богов.

Все меллы племени уверились, что Аэра сейчас находится в том светлом месте. Только один из соплеменников высказался в другом духе. Он предположил, что у жителей Земли, коим является Аэра, есть своё собственное желанное место. И, вероятно, Аэра сейчас на пути туда. Дорога же его может быть долгой и трудной, ведь прибыл он издалека.

После этого высказывания мнения разделились, но всё-таки большая часть меллов склонялась к тому, что Аэра в светлом гроте. Дышится ему там легко, а лицо его ощущает тёплое дуновение ветра. Ведь всем обещано исполнение желаний. Некоторые вспомнили о костре и сошлись на том, что Аэра удалось его разжечь.

Жизнь Аэра в светлом гроте улучшалась с каждой высказанной в общий хор идеей. «И, может быть, даже захочет родиться вновь меллом...» – прозвенела тонким ручейком чья-то робкая мысль.

Ликлянин же отдался воспоминаниям. Он вызвал из памяти тот день, когда перед меллами предстала дочь Земли, спасающаяся от Смолистого. Вскоре она ушла. Из её памяти старейшина постарался вычеркнуть все воспоминания о меллах.

Именно в тот день Аэра сказал, что понадобятся ещё какие-то действия. Возможно, говоря это, он не думал ни о чём конкретном. Но спустя немного времени его нечаянные слова приобрели смысл.

Ликлянин тогда просил помощи у Танна, делясь своими страхами. Вторжение людей на Европу могло принести новые беды меллам. Едва не погибли несколько племён. Спаслись они лишь благодаря тому, что заранее покинули место, где веками жили их предки. Некоторые из этих племён до сих пор не могут приткнуться, скитаются, пытаются обрести то, что потеряли.

Оказалось, что не зря он молился своему богу, в надежде получить от него хоть какой-нибудь знак. Великий Танн не остался безучастным, потому что на другой день Аэра стал рассказывать старейшине о том, что некоторым людям на Земле от природы даровано ясновидение, провидение, сверхчувствительность, телепатия, телекинез, рентгеновское зрение... Сложные, заумные названия, разумел Ликлянин. Меллы подходили по-простому... Чем светлее разум и чище душа, тем сильнее мысли, вливающиеся в общую сферу идей.

И старейшина счёл этот рассказ Аэра тем самым знаком, которого он ждал от мудрого Танна.

Мысли и действия – суть одно, так учат предки. В тот же день Ликлянин собрал всех меллов всех племён, живущих в огромном гроте. На самой большой ровной площадке собрались сотни пещерных жителей, чтобы направить поток мыслей туда, куда поведёт его Аэра...

Удалось ли им тогда пробиться, понять было сложно. И вправду, невероятно далеко была Земля. В каком образе и временном континууме идея воплотилась на Земле – никто не имел представления об этом. Если столько племён, мыслящих как единое целое, с таким величайшим трудом достигли голубой планеты, и их ментальных сил хватило только на то, чтобы продержаться там несколько пульсирующих мгновений, думал старейшина, какой же

силой обладают люди, способные переноситься сквозь пространство к окраинным точкам звёздной системы, устраивать себе жилища в чуждых условиях, вопреки всему бороться за выживание.

Уважение к расе людей росло, а также жива была надежда на то, что голос меллов будет услышан на Земле, и их мысли как зёрна прорастут в чистых, свободных от оков душах людей.

18. Феномен

По крайней мере, на этом участке жизненного пути плыть по течению было разумнее, чем пытаться пристать к берегу в таком водовороте. «Я со всем дерьмом в своей жизни справлюсь, но позже», – говорила она себе.

Ночью, сидя с ноутбуком на кровати и просматривая новости, Окин натолкнулась на странную статью, которая, можно сказать, встряхнула её и вывела из задумчивого состояния. Оказалось, что тибетские монахи в древних монастырях, расположенных в Гималаях, вот уже две недели совершают церемониальные обряды, во время которых голосами своих богов повелевают оставить некую таинственную землю Анорру в покое, не беспокоить меллов, живущих в холодных пещерах. И даже далай-лама под воздействием многочисленных просьб монахов, обратился к общественности через медиа, с непостижимым требованием к людям Земли – покинуть Анорру, вняв голосу разума и милосердия. Древняя цивилизация меллов не процветает, а борется за выживание вот уже тысячи и тысячи лет, и почти всё, что могут предпринять люди, находящиеся сейчас по соседству с меллами, может привести к её упадку и даже гибели.

Когда журналисты стали выяснять подробности, что это за Анорра и что это за цивилизация меллов, выяснилось, что некоторым истым монахам пришло одно и то же видение, один и тот же голос, молящий об одном и том же. Монахи могли объяснить только, что Анорра не на Земле, а очень далеко от Солнца, пещеры меллов во льду, и люди сейчас находятся там, создавая угрозу одним только своим активным соседством.

Один из «истых» монахов, Бурбу Дайа, утверждал, что земля Анорра находится недалеко от Юпитера, поскольку в его видении ему предстала именно эта гигантская планета, называемая голосами Танном. Этот же монах сообщил, что с ним говорил не один голос, а целый хор голосов. Было это совсем недолго, несколько секунд, после чего он потерял сознание, а потом по крупинке восстанавливал всё, что увидел и услышал.

Окин, прочитав статью, сначала была склонна к тому, чтобы глазам своим не поверить, потому что это было не очень похоже на правду. Её личный сон, про который она никому не говорила, её личный бред и сугубо личные большие фантазии каким-то образом стали достоянием буддийских монахов. Выдуманные ею инопланетные существа, меллы, выдуманная ею же Анорра!.. Плод её фантазии! Как монахи могли узнать про её сон? А если бы даже и узнали, то как они могли воспринять всерьёз?! Всё это было похоже на массовое безумие. Окин вспомнила, что записала свой сон и принялась искать файл. Нашла, перечитала. Неужели, то, что ей приснилось, имеет отношение к реальности? То есть что же это получается – монахи знают о меллах и Анорре и им даже в голову не приходит сомневаться в реальности этого, в общем-то, сущего бреда, а она, чей парень сейчас находится там, на Европе, о чём-то смутно догадывается благодаря сну, и вынуждена этим довольствоваться? То есть она, выходит, не владеет интересующей её информацией? Как это не похоже на Окин, на ту Окин, которую она знала все эти годы!

Окин стала искать сведения – ничего, кроме ссылок на тех же монахов, даже на сайте МКА ни слова о найденной разумной жизни.

Нужно было ответить себе на вопрос: какая связь между ментальщиком Окин Магвайр (таких, как она, называли ментальщиками) и буддийскими монахами? Ответ для неё был очевиден: иногда мы видим то, чего не видят другие.

Происшествие взбудило Окин, выдернуло её из состояния бездействия, в которое она погружалась после отключения очередных наручников... Как же её, впрочем, это утомило! Десять наручников в последнее время «вышли из строя». Её «тюремщики» должны бы уже стоять на ушах. Пожалуй, с неё хватит, эта дрянь отнимает слишком много энергии, которую можно было бы направить в другое, правильное, русло.

От своей команды Окин как-то отдалилась за это время, а им, может быть, нужна её помощь. Не смеют тревожить её по какой-то причине. Молчат, как воды в рот набрали, уже целый месяц. Возможно, из-за дочки – понимают, что Окин занята по горло.

Остался ещё один мелкий гешефт, решила Окин, и я снова в общем деле. Она должна была выяснить, как так получилось, что Морсби стало известно, что тогда она пала так низко, что пошла на взлом их бесхитростного сервака. То есть сейчас нужно будет пробираться ещё осторожнее, замечая лёгкие, как дуновение ветра, следы, чтобы узнать, не установили ли хозяева чего нового, чтобы ловить таких залётных умельцев, как Окин. Это раз. Второе – проверить тайники на предмет секретной информации, например, о меллах. И третье – стоит ли делать третье, Окин сомневалась – открыть эту информацию, если таковая будет найдена, или добавить, если – не – найдена. Добавить Окин собиралась как раз свой незамысловатый текст, убрав из него малейшие поэтические подробности. «Чтобы у него ни в коем случае не было никаких литературных достоинств. И ссылку можно кинуть на монахов. Это должно выглядеть как заурядная сводка новостей. Будто ничего не произошло за гранью обыденного. Да, и если информация всё-таки найдётся, спрятанная, нужно посмотреть, у кого к ней доступ и сделать всё как будто от имени этого дятла».

Окин закрыла ноут, положила его под подушку. Положила под голову ладонь, закрыла глаза. Потом встала, включила свет, посмотрела время – три ночи, выключила свет, легла. Она стала думать о Грэме и уснула с улыбкой на губах, но во сне ей приснился не Грэм, а тот самый Бурбу Дайа из новостей, в бордовой рясе и с ярко-жёлтым ирокезом на голове, как у панка; он, сотрясая перед ней древней пергаментной книгой в одной руке и сделанным из разноцветного пластилина Юпитером в другой, говорил низким голосом, обертоном: «Да сбудется воля великого Танна! Аминь!». При этом глаза его излучали серебристое сияние.

...

– Сэра, что это ты нарисовала? – Дэвид склонился над своей внучкой, крохой в огромной розовой пачке, потому что девочка, не успев толком прийти с занятий хореографией, схватила карандаши и, пыхтя и бормоча себе под носик, что-то усиленно старалась изобразить. Рисунок был почти закончен.

– Это меллы, – показала она сперва на маленьких большеглазых серых существ с длинными руками и ногами, сидящих на земле, – нарисованные ей, они походили на осьминогов – а затем на высокого темнокожего парня в жёлтом комбинезоне: – а это А-э-ра, он улыбается.

– Ты сказала «Ра»? Ра – это солнце в египетской мифологии.

– Он сказал, что его зовут А-э-ра. Дедушка, какой ты непонятливый. Он далеко отсюда, живёт в пещере вместе с меллами. А это, – она показала на тёмно-серое облако, как будто нависшее над фигурками, – лёд, его там много, поэтому там холодно. И ещё, – добавила она, как-то не по-детски серьёзно посмотрев на деда, – люди могут навредить меллам, если не уйдут из Анорры. Анорра – это их пещера.

Тут она увидела своего котёнка и побежала за ним, бросив рисование и оставив Дэвида

В глубокой задумчивости.

...

Туннель для спуска подлодок на воду был построен в соответствии с инженерным проектом, но в ход пока пущен единственный лифт – именно на нём Янко Вукотич спустился к самой кромке воды. На сегодня работа закончена. Но тёмная прогалина, прямо на глазах затягивающаяся льдом, отчего-то манила его. Несуразно, но как раз поэтому он, усталый и замёрзший, не торопился возвращаться назад в тёплом лифте с откидным сиденьем, врубив по своему обыкновению на полную мощность какую-нибудь ударную рок-группу. Сидел на корточках и смотрел на воду, вспоминая, как Винс, смастеривший удочку из подручных материалов, выудил из океана десятидюймовую рыбину.

Это был первый увиденный им инопланетянин, но с незавидной судьбой быть изжаренным на сковороде, так как дерзкий Винс именно это и предпринял. Так значит и вправду в океане бушевала жизнь... «Жизнь существует вопреки, а не благодаря» – Янко вспомнил эти слова, слышанные им несколько раз от его друга и учителя, разговоров с которым так не хватало ему здесь, на задворках солнечной системы.

Он взял в руку кирку и ударил по тонкой ледяной корке. Удар, ещё и ещё. Вдруг посередине огромного шлюза лёд вздыбился, и над водой взвились многочисленные чёрные щупальца, целенаправленно обшаривающие всё вокруг. Янко вскочил как ошпаренный и рванул вверх, к лифту. Но не успел он преодолеть и пяти метров, как одно из щупалец схватило его за ногу, а другое – в то же мгновение за горло. Не желая сдаваться без боя, астронавт со всего отчаяния ударил киркой по держащей его змееподобной конечности. Успел взмахнуть только единожды, потому что другие щупальца схватили его за руки, плечи, втягивая внутрь чего-то неправдоподобно ужасного, свершающего зря, преждевременно, непоправимо...

Следы борьбы, обнаруженные на льду, свидетельствовали об ужасной кончине астронавта. Было решено закрыть вход в океан огромной решёткой из толстых металлических прутьев.

14 февраля 2050, марсианская равнина Тарсис.

Далёкое солнце на горизонте, под ногами «битый кирпич». По правую руку на расстоянии примерно километра начала вздыматься череда марсианских гор. Два астронавта направлялись сейчас для исследования пещеры, обнаруженной около года назад автоматическим марсоходом.

Позади остались гигантские машины, занимающиеся возведением седьмого по счёту марсианского купола. Этот купол должен стать разительно отличающимся от предыдущих. Да и куполом-то его нельзя было бы назвать, если бы название это не вертелось на языке. Скорее, судя по проекту, намечалась исполинская башня с заострённым верхом – новое техногенное чудо, снизу доверху напичканное электроникой.

Ричардса было непросто смутить или, тем более, запугать. Тем не менее, он поймал себя на том, что неприятный холодок пробегает по спине, когда он вспоминает, как юродивый из первого марсианского «пузыря» настойчиво хватал его за руку, царапая отвратительными бородавками, которыми были покрыты его ладони, и шептал: «Стой, стой... я скажу тебе... я знаю... держись поближе к краю, жмись вправо... Пыль, красная пыль, она всюду, нет спасения...». Ричардс с жалостью относился ко всем этим людям, однажды прибывшим на Марс, отработавшим своё, но по непонятным причинам не желающим возвращаться на Землю, а прожигающим свои жизни под куполом на красной планете.

Никто не мог запретить им быть и быть именно там, где они того желали.

Сэм резко остановился и повернулся к жалкому калеке. У юродивого не было одной ноги, левый глаз был залеплен медицинским пластырем; к тому же он был почти лысым, а те из волос, которые ещё решали, остаться им или ретироваться навсегда, были длинными и неопрятно свисали редкими рыжими прядями. Что-то было до боли знакомое в этом лице... Ричардс достал из кармана несколько монет и протянул калеке. Тот молниеносно схватил деньги, успев вложить Сэму в руку что-то маленькое, и продолжал шептать: «У меня было видение, я тебя узнал... Помни, держись правой стороны...».

Сэм разжал ладонь. Это был бронзовый крестик, изображение на нём едва угадывалось, такой он был старый. Ричардс положил его в нагрудный карман куртки.

Потом бродяга всунул ему в руку пластиковую фотографию, на которой был погибший под ледяными глыбами астронавт, а рядом с ним странное, большеглазое существо. Оба – мертвы. Поза инопланетянина была неестественна, тонкие, длинные конечности подняты вверх. Ещё неизвестно, кто кого, и произошло ли убийство, подумалось Сэму. «Мелл» – так сказал бродяга. И добавил, что это очень важно, важнее жизни и смерти, и что только Сэм может «это» исправить. Что «это»? «Целый народ Европы будет уничтожен, если ты не вмешаешься», – вот что. Народ Европы? Редко приходится выслушивать подобный вздор.

Ещё юродивый добавил: «Ты должен сделать так, чтобы эта фотография никогда не была сделана». Безумие чистой воды.

Сэм стал всматриваться в лицо парня с фотографии. Чёрт! Похож как две капли на астронавта Анджея Пановски. Но как была сделана эта фотография? Фейк, мистификация? А главное, зачем понадобилось бродяге с Марса заниматься такими подтасовками? Какая от этого выгода? Сэм очень торопился, иначе припёр бы старика к стенке прямо тогда! Но

ничего, ещё представится случай. Одно дело быть старым, больным и не в своём уме, совсем другое – подсовывать посторонним людям подобные фотографии. Чего он хотел добиться?

Почему не могут создать закон о депортации, думал Сэм, ведь это принесло бы пользу этому несчастному. В конце концов, и медицинские услуги можно оказать насильно.

Сейчас на Марсе лето. Маленькое копеечное солнце впереди по курсу слепило глаза, заставляя щуриться. Это было одновременно и странно, и приятно. Уже полчаса они двигались по марсианской пустыне, вздымая ржавую пыль под ногами. Его напарником был Вульф. Все называли так этого угрюмого, жёсткого парня, на которого, впрочем, всегда можно было положиться. На самом деле его звали Роберт Лоуренс.

Астронавты были снабжены всем необходимым спелеологическим оборудованием. Удивительно, но технический прогресс не слишком повлиял на способ исследования пещер, будь то на Земле или на Марсе.

За людьми едва поспевал дроид, тащивший на себе тяжёлый инструмент, верёвки, запас провизии: несколько сменных баллонов с питательной смесью и водой. Для достаточно продолжительных экспедиций на оранжевых марсианских скафандрах было предусмотрено устройство, позволяющее человеку поглощать калории, пить воду из сменных баллонов. Достаточно было прикрепить баллон к специальному разъёму на бедре, и питание поступало по трубке. Герметичность скафандра при этом не нарушалась.

Астронавты знали, что WR-39 не сможет сопровождать их в самой пещере, поскольку, несмотря на свою высокую проходимость, он был не так ловок, как оснащённый человек.

Чёрный узкий вход едва угадывался среди резких теней марсианских скал; мрак и могильный холод царили в пещере. Для Марса, как вообще для любой планеты с разреженной атмосферой, характерны резкие переходы между светом и тенью, а также между теплом и холодом. Именно это сейчас и почувствовал Ричардс, несмотря на теплоизоляционный скафандр. Ему казалось, что всего лишь мгновение назад солнце припекало через смотровое стекло шлема, сейчас же будто холод пробрал до самого мозга костей.

Забрав у дроида все необходимые инструменты и распределив их между собой, астронавты двинулись вглубь пещеры.

Сейчас перед исследовательской группой из двух человек стояла задача собрать образцы органических материалов для последующего изучения микробиологами.

До этого на Марсе уже проводились подобные исследования. Были тщательно проверены на момент выявления жизни тёмные, почти идеально круглые отверстия в поверхности Марса. На стенах самых глубоких из них были обнаружены живые организмы, по виду напоминающие морские медузы. Они были плоские как блины, полупрозрачные, почти бесцветные, и как присоски держались на влажных стенах. На Земле пытались устроить для этих существ «камеру» с привычным для них климатом и изучать их поведение. Из всех живых существ, найденных на Марсе, эти были самые выдающиеся.

В ход шли ледорубы, крючья, страховочные узлы, карабины и прочие приспособления. Пещера уходила всё глубже и глубже, и не было конца этому слаломному спуску. Исследователям приходилось нелегко, так как ступать и удерживаться было крайне неудобно: не было горизонтальной поверхности. Как будто две гигантские плиты клином сходились друг с другом. Вскоре стекло шлема запотело, и включилась автоматическая просушка.

Добравшись до развилки, астронавты остановились: нужно было сделать выбор. От этой

точки отходили два ответвления, первое из которых резким обрывом падало вниз, а второе шло почти горизонтально. Причём первое, по левую руку, доминировало, расширялось; по каким-то неуловимым признакам в той стороне чувствовалось пространство. Второе же было узкое, и выбери исследователи его, им пришлось бы то и дело ползти на карачках, а то и ползком.

Осветив стены, Сэм увидел, что местами они покрыты изморозью углекислого газа – сухим льдом, который часто встречается на Марсе. Из этого он сделал вывод, что температура тут ещё очень низкая и брать пробы на органику пока не имеет смысла, нужно спускаться ниже. Это было решающим в выборе пути, и астронавты, посоветовавшись, стали бить крючья и крепить канаты, чтобы спускаться по обрыву.

Под ярким светом прожектора можно было разглядеть, где кончается обрыв, и начинается более-менее проходимый участок. Оба понимали, что находятся они уже достаточно глубоко под поверхностью.

Видимость была скверной из-за поворотов, неровности пути и огромных острых камней, отбрасывающих длинные тени. Через некоторый временной промежуток стало очевидным смягчение климата: исчез сухой иней на стенах.

Пора было сделать привал и подкрепиться, оба порядком измучались. После короткого отдыха пошли дальше, поддерживая достаточно высокий темп движения, страхуя друг друга и высматривая особенности маршрута впереди.

Каменистая тропа сильно накренилась, и астронавты соединились верёвками, сцепились карабинами. Впереди идущий Ричардс вдруг вскрикнул, верёвка натянулась, и Лоуренс приложил немало усилий, чтобы удержать её и устоять на месте, полагая, что напарник сорвался. Именно это и случилось: порода обрушилась у него под ногами.

– А ты тяжёлый, – проворчал Лоуренс, когда Сэм, наконец, выбрался.

Стали жаться к левой стороне, впритык к отвесной скале, так как справа начинался обрыв. «Держаться вправо? – усмехнулся Сэм про себя, вспоминая слова нищего, – Да там пропасть!».

«Потолка» не угадывалось вовсе, несмотря на яркий свет прожекторов.

Кто-то первый заметил тонкие, как лист бумаги, «медузы» на скалах. Сначала они попадались редко, но чем глубже продвигались исследователи, тем их становилось больше. В сущности, здесь можно было остановиться и взять «пробы», к тому же их было хоть отбавляй, а затем возвращаться назад. Но решили пройти немного дальше.

Вдруг послышался мерный рокот ударяющихся и крошащихся камней где-то высоко над головами. Началось обрушение свода пещеры.

Ричардс отпрыгнул, буквально в темноту, прижавшись к *правой* стороне тропы, рискуя при этом сорваться вниз. Опустилась непроницаемая красная завеса, и даже свет фонаря не мог сквозь неё пробиться. Всё-таки он успел заметить мечущегося вслепую Лоуренса. Ещё секунда, и тот был бы погребён под градом камней, когда Сэм резко, как только мог, рванул на себя страховочный канат и притянул к себе напарника.

Тишина. Зловещая. Ричардс почувствовал, что Лоуренса трясёт крупной дрожью. Так они стояли несколько минут, не решаясь шевельнуться и даже вздохнуть.

Когда пыль улеглась, астронавты увидели, что стоят на самом краю пропасти, более того, на огромном остром камне, готовом вот-вот сорваться. Ещё один шаг, хоть на полступни, неминуемо привел бы к падению.

Сойдя с камня, Сэм стал со злостью раскачивать его, и вскоре достиг в этом успеха.

Через минуту камень с грохотом рвался в пропасть. Луч прожектора упал на выемку, оставшуюся от камня. Белесые узловатые сети, паутина, возможно сплетённая существом, похожим на паука. А вот и он сам – ярко-белый треножник размером в половину ногтя. Это и было их «уловом» в марсианской пещере.

– Марсианский паук, – сказал Лоуренс, а Сэм готов был поклясться, что впервые видит улыбку на этом каменном лице.

– Треножник, «Война миров», – ответил он тихо.

– Слушай, Ричардс, как ты догадался отойти вправо? Ещё шаг – и мы полетели бы в пропасть... – начал Лоуренс.

– Сам бы я никак не догадался. Один бродяга под куполом мне сказал. Теперь я ему поверил.

– А не проверил бы, то не поверил бы? – снова улыбнулся Лоуренс.

– Выходит так.

– Эй, Ричардс...

– Ну?

– Это... Спасибо.

При виде возвращающихся астронавтов WR-39 засуетился, изображая живость. Нагрузив робота инструментами по самое «не хочу», Сэм и Вульф и побрели через пустыню, оставив копецное солнце за спинами.

Три длинные тени впереди неверно дрожали. Нависла охровая пелена: надвигалась марсианская буря.

В тот день под куполом Сэм и Вульф искали юродивого с длинными рыжими патлами, но долго не могли найти. Даже наводили справки. Кто-то видел его где-то и когда-то, но скорее давно, чем недавно. Наконец нашли, Сэм повернул его к себе за плечо, но тот вздрогнул и, едва взглянув на Вульфа, быстро заковылял прочь, ловко управляясь с костылями, испуганно озираясь, будто увидел призрака. Астронавт расслышал бормотание: «Судьба настигнет, всё равно настигнет...». А Сэм всего лишь хотел сказать «спасибо».

Великая инженерная мысль по обустройству действующей колонии на Марсе ещё несколько лет назад позволила создать и развить так называемые «пузыри жизни» на красной планете. «Купола», как чаще всего называли их, покрывали марсианские пустынные просторы на участке около двухсот квадратных километров. Перед посадкой, оглядев местность в монитор, Сэм Ричардс не мог не отметить про себя, что на ржаво-кирпичном плато слегка запыленные «пузыри» были единственными акцентами, за которые цеплялся глаз. На горизонте угадывалась цепь марсианских гор, среди которых возвышался величественный Олимп с белой шапкой снегов.

Ричардсу было дано задание перевезти на красную планету груз и несколько пассажиров, среди которых было трое рабочих и старая супружеская пара, собиравшаяся проведать на Марсе своих детей. Ричардс невольно обратил внимание на стариков. С головы до пят одетые во всё белое, вдобавок побелённые сединами, они всё время держались за руки.

Сэм совершал уже третий рейс на Марс в качестве капитана грузового корабля. Что ж, всякий труд почётен, но для подобной работы больше подходили рядовые астронавты. Он знал, что через пару-тройку лет он полетит в экспедицию почти на окраину солнечной системы – на один из спутников Юпитера, Европу. Его друг, Роберт Лоуренс, вместе с экипажем из восьми человек, сейчас находится там.

Иногда Сэм вспоминал того бродягу из первого купола, предупредившего его об обвале в пещере почти год назад, может быть даже спасшего ему жизнь; доставал из кармана фотографию. Старик тогда сказал, что «целый народ Европы будет уничтожен, если ты не вмешаешься, не сделаешь так, чтобы эта фотография никогда не была сделана». Думая об этих словах, Сэм, конечно, догадывался теперь, что речь шла не о земной Европе, а о Европе – спутнике Юпитера. С другой стороны, ему было известно, что Анджей Пановски не полетел на Европу в составе экипажа космического корабля «Экспедиция» и что этот спокойный, дружелюбный парень с грустными серыми глазами жив, здоров и прекрасно себя чувствует. Они даже подружились, правда, заочно, чего, скорей всего, никогда не произошло бы, не будь у Сэма этой странной фотографии. Сэм как будто чувствовал ответственность за судьбу Анджея. И ждал своей собственной судьбы.

...

Рука нестерпимо чесалась уже несколько дней кряду.

– Что за... – в очередной раз выругался Грэм Питерс, рассматривая кровавые царапины на сгибе левой руки.

До конца экспедиции оставалось всего ничего – каких-нибудь пара-тройка недель. По сравнению с тремя годами и пятью месяцами «заключения», уже проведёнными здесь, это не могло создавать проблемы. Казалось бы, не могло...

«Какого заключения? Чёрт... Так и вертится на языке... Не заключения, а работы, свободной и высокооплачиваемой, – угрюмо поправил себя Грэм. – Но если быть честным перед собой, то это и вправду как заключение, уж мне ли не знать».

О чём он думал, когда согласился лететь на Европу? Первоклассный астронавт с огромным опытом за плечами, оступившись единожды, потерял всё – работу, семью... Да и сказать ли – «оступившись»? Поступил не по уставу, а как подсказывала совесть, ошибся... Сильно ошибся. За это провёл два года в лунной колонии. Думал о многом, пока был там. Когда вышел – долго не мог никуда приткнуться, везде отпихивали. Рожей не вышел... Да и кому нужен бывший зэк, объяснишь разве людям, что на душе у тебя творится? И вот она – долгожданная работа, престижная, даже героическая. Шанс окончательно смыть с себя пятно позора, волей судьбы которым был помечен.

Только Окин держала его на плаву. Но сейчас она очень далеко и не сможет ему помочь. Но что-то происходит. Она смогла бы объяснить, наверное. Грэм вспомнил, как они сидели на скале, все просолели и замёрзли, а ветер сушил их лица, губы, путал волосы. «Так бы и сидеть. Вечность» – подумал Грэм.

Но в последнее время он стал ощущать какое-то давление, будто пришла его очередь. И будто не было выбора. Может быть, всё дело в навалившейся депрессии, но с этой суровой старухой он мог бы справиться, натренирован был... Рассеянность, задумчивость. И вот ещё – дрожат руки. Неприятно, стыдно... Не то, что бы поделиться, а наоборот, скрыть от всех за семью печатями.

Даже спать толком не мог. В неизбежные моменты между сном и явью, когда он пытался уснуть или проснуться, ему вдруг явственно слышался чей-то голос. Голос говорил медленно, будто стараясь внушить что-то, загипнотизировать. Грэм был уверен, что не спит, но не мог даже пошевелиться, высвободиться, потому что оказывался совершенно обездвижен. В такие минуты астронавт испытывал всепоглощающий ужас, но ничего не мог с собой поделат. Когда у него всё-таки получалось сбросить с себя наваждение, он

вскакивал на ноги, но в каюте, конечно, никого не было, да и не могло быть. Ещё он пытался вспомнить, что именно говорил ему голос, но ничего не мог вспомнить. Воспоминание об этом как бы ускользало.

Пятеро его друзей погибли здесь, на Европе. Почему не он? Может потому, что он очень хотел вернуться? Знал, верил, что она ждёт его, по-другому не могло быть. «У Германа семья, у Мэтью семья... У Аэра невеста. У Вульфа... Не знаю, вроде он один как перст, от него и слова-то было не вытянуть. Янко... Лучший друг. Ушёл в никуда... Но я справлюсь, должен».

С этими мыслями Грэм, облачённый в тяжёлый скафандр, прошёл через двойной люк под купол «Гало», нажал кнопку вызова лифта, сделал шаг вперёд... Мог ли он предположить двумя минутами раньше, что это будет последний шаг в его жизни, за которым последует долгое, бесконечное падение в никуда.

Будто выждав некоторое время, кабина лифта снова тронулась и начала опускаться, постепенно набирая скорость.

Технически была предусмотрена возможность поднимать лифт выше уровня пола на расстояние, равное человеческому росту, для ремонтных работ. Но почему именно в ту злополучную минуту лифт поднялся выше, чем следовало, хотя, конечно, не должен был? — этот вопрос так и остался висеть в воздухе.

20. На скале

Окин подготовила свой текст в стиле информационного сообщения и стала сначала засыпать сервер кросс-доменными запросами, чтобы посмотреть, какие пойдут ответы, потом зашла на сервер под одним из известных ей имён, проверила всё, что было доступно. Теперь предстояло самое трудное. В предыдущий раз, когда она разом сняла мешающие ей заслоны, Морсби позвонил ей на следующий же день. Сейчас она собиралась работать пошагово, каждый раз проверяя состояние сервера, каждый раз закрывая за собой двери, через которые она проникла. «Главное – вовремя захлопнуть дверцу...» – подумала Окин, усмехнувшись.

К своему вящему ужасу Окин увидела, что многие из дверей, которые она только собиралась открыть, уже открыты. «Что ж, мне ходить за *этим* и закрывать теперь, лишь бы на меня не подумали? Приходится иметь дело с дилетантами, неотёсанными болванами! Даже взломать как следует ничего не могут! Кому мог понадобиться этот скучный сервак, кроме меня? Мусора-то, следов! Нет, я не такая». Окин опять столкнулась с деятельностью не слишком обременяющего себя условностями *неизвестного*. Однако найти, откуда была произведена атака, ей не удалось. *Матёрый незнакомец*, как она в сердцах его обозвала, был неуловим.

Её сверхосторожный способ был долгий, нудный, отнимал много сил, но она пошла до конца. Проверила, нет ли спрятанной информации об инопланетянах. Её не было, тогда Окин оставила, как и намеревалась, свой подготовленный текст о меллах на главной страничке их сайта, добавила ссылки, картинки, все, как положено, выбрала самого активного дятла, которому и приписала все эти действия. «Ну, чувак, ты попал» – подумала она без жалости, но со злорадством, ибо должны были быть и у неё позитивные эмоции.

Прежде чем покинуть этот злосчастный сервер, Окин решила посмотреть всю скрытую от глаз обычных, бесправных, посетителей информацию об «Экспедиции».

...это предложение она прочитала несколько раз. До неё никак не доходил его смысл: Сообщения категории «секретно» о гибели или пропаже членов экипажа космического корабля «Экспедиция». Погибли: Герман Зотов, Янко Вукотич (2 человека). Пропали без вести: Мэтью Дюбуа, Аэра Холлингсворт, Роберт Лоуренс, Грэм Питерс (4 человека).

Окин встала со стула и вышла из дома. Все эмоции разом покинули её. Кровь отхлынула от лица, взгляд вперился во что-то невидимое впереди. Если бы кто-нибудь увидел её сейчас, то не на шутку бы перепугался. Она завела мотор самолёта и устремилась к берегу, где они с Грэмом провели свои лучшие дни вдвоём.

Самолёт плавно сел на плоскую каменную площадку, которую Окин знала как свою хорошую знакомую. Она вышла, подняла воротник куртки, и стала забираться на скалу, на ту, на которой ветер венчал их. Мыслей о смерти не было, Окин знала: смерти нет. Просто сейчас, наверное, Грэма в её жизни больше не будет. «Но это не смерть. Смерти нет», – тихонько твердила Окин.

Ветер ворошил её короткие светлые волосы. Окин посмотрела вниз со скалы. Её сознание вдруг сузилось до ширины шахты лифта, обветрившиеся губы прошептали «Грэм...», Окин покачнулась и вдруг... вздрогнула каффа на ухе, приводя её в чувство. Это была Дэрин:

- Окин, милая, где вы с Сибил?
- Мама... Сибил в детской группе...
- Ты что??? Уже так поздно!
- С ней... сидят... ждут... мама...
- А ты где?

Пауза.

- Возвращайся домой, а я приведу Сибил.
- Спасибо, мама.

Окин присела на корточки, закрыла лицо руками, и из глаз её хлынули слёзы.

21. Как солнце

– Эстер, что ты видишь перед собой?

– Это Айсвуд – ледяной лес. Сталактиты, сложные переходы, ледяное кружево. Красивое место. «Дональд» не везде может проникнуть. Где-то здесь должна быть пещера. Вчера я видела вход в неё и запомнила координаты... Но сейчас не могу вспомнить...

– Ты можешь сказать, сколько у тебя осталось кислорода?

– Много, хватило бы часов на десять, а то и больше.

– Эстер, ты ищешь пещеру?

– Да.

– Ты видишь вход в неё?

– Пока нет... Ой! Что это!

– Что случилось?

– Что-то огромное и тёмное. Оно вынырнуло как раз из пещеры и исчезло. Мне чуток не по себе.

– Что ты делаешь сейчас? Что ты видишь перед собой?

– Я плыву за ним, хотя меня немного лихорадит. Но его нигде нет, как сквозь землю провалился. И я даже не знаю, кто это или что это. Поэтому я снова поворачиваю и плыву к пещере. Пытаюсь связаться по радиосвязи с базой, но рация не работает. Это очень плохо.

Кристина спокойно и вдумчиво задавала вопросы, а Эстер, лёжа с закрытыми глазами на кушетке, постепенно, слово за словом воспроизводила события, которые произошли с ней в тот злополучный день. Комната была погружена в полумрак, который рассеивался только пламенем свечи на прикроватной тумбочке. Под гипнозом Эстер вспомнила чуть больше, чем рассказала до этого. Её рассказ прервался на том самом месте, когда она увидела перед собой лиану, схватила её и тем самым спаслась от чудовища. Дальше она рассказывала то, что уже было известно: как встретила Майкла, и как они вместе поплыли по направлению к базе.

Кристина уже собиралась разбудить Эстер, как вдруг, приподняв голову и широко открыв глаза, та произнесла странную фразу: «Иди и передай людям, что они незваные гости. Пусть уходят!».

О полученном результате Кристина доложила капитану, и, собравшись в кают-компанию почти полным составом, колонисты приняли решение не пытаться в дальнейшем прояснить ситуацию до соответствующего указания из МКА и пока не прибудет «Экспедиция-3», несущая на своём борту новую технику для освоения океана. Сейчас же они были слишком беспомощны в техническом смысле для того, чтобы повторить исследование Эстер, но уже с минимальным риском и с надеждой докопаться до истины.

...

Капитан Донцов доложил в МКА о найденном артефакте и подробно описал его. Эта информация относилась к секретной, доступ к ней имел только руководитель группы, занимающейся проектом «Юпитер-Европа» на Земле. За спиной его называли «главным европейцем», а вообще его звали Джонатан Гершмит. После гибели четырёх из восьми астронавтов «Экспедиции» он распорядился, чтобы любая информация, за исключением

технической, в первую очередь попадала к нему. А уж потом, если он сочтёт нужным, с ней познакомились его заместитель и другие сотрудники.

Чем дальше рассуждал Егор о странной находке, тем чаще ему приходила мысль о том, что, возможно, астронавт Аэра Холлингсворт сейчас жив. В пользу этого, например, косвенно свидетельствовало место обнаружения артефакта. Каким образом этот мини-сейф с примитивным кодом и странной африканской символикой мог очутиться там, где был найден? Во-первых, у первопроходцев не было никаких технических приспособлений для перемещения под водой, тем более на такое большое расстояние. Ясно, что артефакт мог попасть туда только «сверху», но никак не «снизу». А понятие «сверху» подразумевало в данном случае, что он каким бы то ни было способом скатился по ледяному туннелю из пещеры, находящейся выше. В том, что на Европе есть сухопутные пещеры, Егор уже перестал сомневаться к этому моменту, как бы это ни казалось неправдоподобным вначале.

Трудно было определить, как долго сейф находился под водой. Судя по мшистому налёту, он пробыл там, по крайней мере, несколько недель. Что же касается Холлингсворта, то он числился среди погибших астронавтов «Экспедиции» уже более шести месяцев.

И ещё оставался один вопрос, который требовал ответа. Каким образом Аэра мог попасть в эти теоретически существующие сухопутные пещеры? Как уже было сказано выше, морской путь исключён. Следовательно, имеет место быть путь сухопутный, что также маловероятно. Егор представил себе монолитную толщу льда, в котором только благодаря современным достижениям науки и техники мог быть размещён пригодный для жизни модуль «Галактика». Все стены – в шахте лифта, на спуске к воде – идеально монолитны. Стоп. Непосредственно там, где размещена их МКС, стены дополнительно обшиты тонкими свинцовыми панелями. Их было предписано смонтировать экипажу «Экспедиции» для дополнительной защиты от радиации.

Итак, свинцовые панели – единственное, за что можно зацепиться. Если существует проход, то он скрыт от глаз одной из таких панелей.

Егор набрал Сэма Ричардса:

– Сэм, если не занят, зайди, поговорить надо.

Капитан поделился с Сэмом своими соображениями. Сэм признался, что тоже уже думал об этом.

– Попытаемся определить простукиванием, – сказал он. – Прослушаем все листы, один за другим.

Свинцовые панели с покрытием были прилажены к стене грота один к одному, прикручены шурупами. И стены и потолок грота были сплошь покрыты этими панелями.

Донцов и Ричардс, позвав также Майкла, принялись ходить по гроту и простукивать панели деревянной палкой. Чуть позже к ним присоединился Крис Ковач.

– Проход может быть где угодно – не обязательно в первом ряду, – сказал Сэм, когда они уже прослушали пару десятков панелей, двигаясь методично от входа в лифт по часовой стрелке.

Вскоре астронавты услышали не ставший уже привычным глухой звук, а более звонкий, поющий. За этой панелью был обнаружен тёмный грот. Впереди, справа был единственный туннель, выход из грота. Сэм пошёл по нему, освещая себе путь прожектором, но вскоре вернулся и сообщил всем, что упёрся в завал. Посоветовавшись, решили, что нужно разбирать завал – но очень осторожно, обезопасив себя с помощью подпор. Устройство подпор заняло оставшийся день до самой ночи. Наутро – продолжили. Осколок за осколком, глыба

за глыбой, астронавты разбирали завал, устроив что-то вроде цепочки, так как проход был узкий, и только два человека могли орудовать одновременно. Когда через несколько часов все вымотались, потребовался перерыв, Егор предложил вернуться на станцию, отдохнуть, подкрепиться, а потом продолжить работу. Все согласились, только Сэм, вымотанный не меньше других, сказал, что останется и продолжит работу.

– Я только разогрелся, – сказал он капитану.

Егор согласился, но не слишком охотно.

– Проход тут достаточно узкий – одному мне самое то. А потом вы меня смените, – добавил Сэм.

– Тогда мы можем остаться и поработать на пару, а Майкл и Крис потом нас сменят, – предложил Донцов.

– Нет, Егор, иди с ними, а я вам тут столько камней накидаю, что мало не покажется.

Егор помолчал несколько секунд, пытаясь понять Сэма. Роберт Лоуренс, один из астронавтов первой «Экспедиции», который по официальной версии погиб на Европе, – давний друг Ричардса. Как он сразу не догадался, понятно ведь, Сэму нужно побыть одному, настроится на последнюю встречу с другом, может быть даже предаться воспоминаниям. Ведь сам чёрт не знает, кого они найдут под завалом. Никто из них до сих пор не произнёс этого вслух, но каждый знал про себя: скорее всего, это не просто груды льда и камней. Это – чья-то могила; чья – точно неизвестно, но с большой вероятностью Роберта Лоуренса.

– Сэм, я понял. Оставайся... сколько потребуется... Потом мы тебя сменим.

...

Едва Сэм остался один, его ноги подкосились от усталости. Лёг и закрыл глаза. Минута, сказал он себе, и я снова на ногах. Итак, фотография. Улика номер один против меллов. Странная роль, миссия, которую отвёл Сэму тот марсианский бродяга, вот-вот должна была исполниться. Сэм чувствовал, что за всем этим стоит что-то большое, но трудноосуществимое, висящее на волоске, и на его, Сэма, участие в этом деле поставлено многое, если не всё. Тот старик был так измотан, будто гору тащил за собой. Казался больным, психически неуравновешенным человеком. Можно ли ему было верить? Не сумасшедший ли это, случайно отгадавший и про обрушение свода в марсианской пещере и про смертельную опасность, поджидавшую их с Робертом?

Получилось так: Сэм как будто взял время на размышление, по прошествии которого чаша весов склонилась в определённую сторону. Он поверил старику. Отчасти от того, что тот сказал очень мало. Почти ничего и не сказал – всего пару слов об этом снимке, после того, как сунул его в руки. Бродяга произвёл впечатление человека, который в своей жизни говорил мало, поэтому пытался уложить самую суть в нескольких скупых словах. Эти слова как бы на вес золота, подумал Сэм. Захотел бы обмануть – наплёл бы целую правдивую историю, да кто бы его слушать стал? Старик будто знал, что Сэм при малейшей фальши просто уйдёт, поэтому передал информацию быстро и в сжатом виде. Может, он чего и забыл упомянуть. А теперь вот вспоминай: что он ещё сказал, кроме того, что это «улика номер один в деле против меллов» и что «целый народ погибнет», если он, Сэм Ричардс, не вмешается, то есть не сделает кое-чего странного.

Сэм понимал, что час истины настал, рядом с ним, в каком-то метре, наверное, двое погибших, одного из которых не должен увидеть никто из команды. Мелла нужно спрятать очень надёжно. И ему предстоит сейчас это сделать. Фак.

То, что вместо Анджея Пановски под завалом он найдёт Роберта Лоуренса, который получил отсрочку благодаря вмешательству какой-то невиданной силы, Сэм понял уже довольно давно – сразу, как только получил известие о гибели друга.

Ну что, пора за работу, сказал сам себе Сэм. Перекладывая камень за камнем, отвозя их на тележке, он не переставал думать, куда спрячет мелла. Прошёлся по гроту, осветил вверх. Возможно, когда-нибудь потом сюда нагрянут исследователи и обыщут тут каждую пядь, и, конечно, найдут инопланетянина. Очень важно, чтобы его не нашли сейчас – а потом будь что будет.

Ледяной пылью, которой тут много, можно присыпать мелла, но нужно найти углубление, какую-то подходящую выемку. Сэм быстро нашёл такую выемку и продолжил разгребать завал. Показался рукав синей куртки. «Привет, Роберт. Прости, что тревожу тебя тут. Ты, наверное, крепко спал. Прости, дружище» – подумал Сэм. Так и есть – это был Лоуренс. Поработав ещё с полчаса, Сэм откопал и мелла.

– Эх, задачку ты мне задал, старик, – проворчал Сэм себе под нос. Он как-то уложил инопланетянина на тележку, тот был очень тощий, невесомый, и покатило его к углублению, которое присмотрел. Надёжно присыпал ледяной пылью, сверху положил крупный булыжник. Встал, постоял немного. Потом тщательно замёл следы и пошёл к Лоуренсу. Сел на какой-то камень и сидел, пока не пришли остальные.

...

Сэм и вправду поработал на славу: когда вернулись остальные, отдохнувшие и полные сил, оказалось, что завал почти разобран. Нетрудно догадаться, чей покой был потревожен.

После того, как Майкл сделал несколько обязательных снимков, тело Роберта Лоуренса перенесли из туннеля в грот и устроили ему что-то вроде временного приюта, засыпав ледяной пылью, которой было в достатке. В дальнейшем они собирались сообщить о нём на Землю, чтобы астронавт мог совершить свой последний полёт домой, овеянный славой первопроходца Европы.

Им стало ясно, отчего могло произойти крушение льда, погубившее Лоуренса. Над местом его гибели зияла огромная трещина во льду, образовавшаяся, судя по сглаженным временем краям, уже давно. Она расширялась кверху, и в свете прожекторов не было видно ей конца. Капитан высказал предположение, что Лоуренс мог кричать, звать Холлингсворта, чем вызвал падение ледяных глыб.

Подумав о Сэме Ричардсе, капитан вздохнул. Посмотрел на его лицо, словно вырубленное из камня, непроницаемое для скупых мужских эмоций. Сэм, понятно, уже был наслышан о злой судьбе, настигшей Вульфа не на Марсе, но на Европе. А теперь узнал он и о своей судьбе – дважды извлечь друга из-под камней, первый раз живым, а второй раз мёртвым.

– Сэм, чёрт тебя подери. Иди, отдохни, теперь наша очередь, – сказал Донцов.

Ещё через несколько часов путь был полностью расчищен. Впереди зияла пещера, от которой веяло дыханием холода, чуждой, может быть даже враждебной реальностью. Астронавты ужасно устали и чуть не валились с ног.

Но и в этот раз они повернули назад, чтобы завтра продолжить своё исследование.

«Повезло нам, что мы в полном составе», – думал Егор, скорбя о смерти Роберта Лоуренса, с которой им пришлось столкнуться лицом к лицу. Вернувшись в модуль он

поведал всем также и о том, что двумя неделями раньше на поверхности спутника Кристина нашла закристаллизовавшийся «Буран» с астронавтом внутри. Кто это – Герман Зотов, Мэтью Дюбуа или кто-то другой – мы, к сожалению, не знаем, сказал он.

...

– Егор, ты помнишь, что сказала Эстер под гипнозом? «Передай людям, чтобы они уходили».

– Так. И что?

– То, что её заставили выборочно позабыть некоторые обстоятельства, причём поработали неплохо, поскольку их не удалось восстановить даже под гипнозом. И дополнительно вложили послание. Мы имеем дело с сильным гипнотизёром...

– Причём с гипнотизёром, который против того, чтобы мы познакомились с ним поближе? – закончил Егор Донцов её мысль.

– Возможно, – осторожно согласилась Кристина.

– Кристина, я ценю твоё мнение и твоё чувство опасности, но что мы за исследователи, если остановимся на полпути.

– Это может быть рискованно...

– Иногда приходится рисковать.

Егор отдавал себе отчёт в том, что Кристина права. Но что именно двигало им, когда он снова стал собирать своих ребят для того, чтобы продолжить исследовать пещеру? Любопытство? Да, это так. Долг исследователя – тоже верно. Но главное – этот парень, Аэра Холлингсворт. Начиная с некоторого момента, Егору стала небезразлична его судьба. И если верить в тайные знаки, которые расставляет провидение на нашем жизненном пути, то что есть найденный артефакт? Что, если не знак?

Если астронавт «Экспедиции» жив, то вполне возможно, ему требуется помощь. Если он мёртв, что ж... Это значит, что ему, Егору Донцову, суждено стать поверенным в судьбе одного из первопроходцев Европы.

Решили пойти почти тем же составом, только Крис Ковач остался в этот раз на базе, а вместо него вызвалась идти Эльза Беккер. Случись что, на научной станции должен быть хотя бы один инженер. Что касается Сэма Ричардса, то он имел ценный опыт исследования пещер, что, конечно, могло пригодиться. В принципе, троих человек было вполне достаточно, но очень уж Эльза настойчиво предлагала свою кандидатуру, да к тому же она была экзобиологом, а встреча с живыми существами совсем не исключалась, а скорее наоборот.

Итак, Егор Донцов, Майкл, Сэм и Эльза, снарядившись, отправились в непродолжительную, как они полагали, экспедицию. Для некоторых из них она и вправду оказалась непродолжительной. Для некоторых, но не для всех.

Дойдя до места расчищенного накануне завала, они остановились, переводя дух, а затем двинулись дальше по узкому ледяному коридору цепочкой: впереди шёл Егор, за ним Майкл, следом Эльза, а замыкал шествие Сэм. Передвигаться следовало крайне осторожно, чтобы не вызвать новую лавину. Переговоры велись сугубо по рации.

Вскоре наши герои заметили, что лёд под ногами стал скользким, голым, а не таким, как раньше, будто припорошенным смесью песка и ледяной пыли. И вокруг появилось множество ответвлений – большинство из них имели недостатки с точки зрения исследователей: например, были слишком узки или направлены круто вверх или вниз. Это

могло представлять определённую опасность, например, кто-нибудь из них мог потерять равновесие и скатиться в тартарары. Поэтому Сэм предложил остановиться, соединиться страховочными канатами и держать наготове ледорубы. Так и сделали. Оказалось, что очень вовремя, потому что неожиданно добавилась ещё одна причина быть осторожными: откуда-то сверху, чуть ли не на головы исследователям, вылетело нечто чёрное, смахивающее на птицу или, скорее, на летучую мышь... Птица или мышь, а может быть, что-то третье, вылетела столь стремительно, что астронавты едва успели посторониться. Следом за первой из той же расщелины выскочила вторая – столь же стремительно. Похоже, что эти два создания, наделённые крыльями, гонялись друг за дружкой, вели брачную игру.

Эльза обратила общее внимание на температуру и состав атмосферы. Невероятно, но факт: термометр показывал ноль градусов по Цельсию, а в атмосфере присутствовал кислород, азот и водород, правда, в несколько других пропорциях, нежели чем на Земле.

Астронавты продолжали идти по основному пути, не отвлекаясь на второстепенные ходы, как вдруг дорога резко свернула вправо, а за поворотом начался ледяной спуск. Егор чуть не поскользнулся и вполне мог покатиться вниз, если бы не страховочные канаты.

После короткого совещания было решено начать спуск.

– Ну, кто любил в детстве кататься с горок? – усмехнулся Егор.

– Я и сейчас люблю! – с готовностью ответила Эльза, чуть ли не ныряя носом вперёд, стараясь разглядеть что-то в темноте, хорошо, что её сдерживали канаты.

Всем вместе спускаться было бы невероятно трудно, поэтому решили поступить более благоразумно: обвязали канатом Ричардса, потому что именно он был самым подготовленным для подобного рода экспериментов, а не Эльзу, несмотря на её жгучее любопытство и энтузиазм. Другой конец каната не только надёжно закрепили, но и приготовились держать изо всех сил.

И Сэм, осенив себя крестом, чего от него никто не ожидал, но, видимо, у него была на то причина (а может быть, он сделал это в шутку), быстро покатился по гладкому, достаточно пологому спуску. Набирать скорость ему никак нельзя было позволить, и поэтому остальные очень упорно сдерживали раскручивающийся канат. К счастью, он был очень длинный. Прошло несколько минут напряжённого ожидания, после чего Сэм сообщил по радиации, что достиг устойчивого положения, но дальше, сказал он, ведёт вниз более крутая гора. Все по очереди скатились вслед за Сэмом. Последнему, Майклу, пришлось труднее, чем остальным, так как он должен был спускаться не по канату, а с помощью ледоруба. Это заняло очень продолжительное время. К тому же он тащил с собой катушку с намотанным канатом. Пускать её с горы он как-то не решился, потому что неизвестно, до какой скорости она может разогнаться и не протаранит ли кого-нибудь из людей.

Таким образом, астронавты провозились очень долго. Зато потом их ждал небольшой подарок судьбы.

Предстояло съехать ещё по одному, но уже более крутому и длинному спуску. Решили соблюсти ту же очерёдность. Долго по канату спускали Сэма. Вскоре он сообщил по радиации, что достиг горизонтальной поверхности и теперь исследует её. Оказалось, что она представляет собой длинный и безопасный тормозной путь. Иначе говоря, скатываться можно было бы и без использования каната.

Майкл, желающий прокатиться и обожающий экстрим, тут же вызвался опробовать спуск, задав предварительно Сэму массу вопросов о характере «трассы». Правда, ему пришлось оспаривать это право первенства с неугомонной Эльзой, главным козырем

которой были её горнолыжные достижения в юности. Спор разрешил Егор, сказав, что джентльмены, конечно, уступают дорогу леди, но не во всех случаях. А это именно тот случай, когда джентльмен просто обязан пойти вперёд. Эльза сразу стихла, и до самого конца пути от неё не было слышно ни слова.

В наушниках послышалось задорное «Й-е-е-хуу!»), заставившее всех, наконец, улыбнуться. Как и предвиделось, Майкл благополучно скатился вниз и проехал ещё милю, благо скафандр был из сверхпрочного износостойкого материала, да к тому же прекрасно смягчал неровности трассы.

Все остальные последовали примеру Майкла.

Астронавты хорошо понимали, что возвращаться назад будет в разы труднее, чем катиться под гору, и займёт намного больше времени. Но их снаряжение позволяло им спокойно к этому относиться; кроме того, у каждого из них были запасные баллоны со сжатым воздухом и запас питания в специальных ёмкостях.

И вот, спустя ещё какое-то время, наши герои заметили дребезжащий, неровный свет впереди. Это был тот самый грот, в котором в своё время побывала Эстер, а Аэра провёл большую часть своей жизни среди меллов. Поэтому позволим себе опустить его описание.

Как и следовало ожидать, астронавты слышали голоса, в том числе и обращённые к ним.

Когда они вчетвером вышли на этот неясный, рассеянный свет, их окружили странные маленькие существа, едва доходившие им до пояса, с кожей желтовато-коричневого цвета. Их сморщенные личики были отталкивающими, а огромные круглые глаза – от одного до трёх на каждого, что поначалу совершенно обескураживало – светились, излучая серебристое и золотистое сияние. Большие головы, на которых располагались эти глазелучи, держались на тонких шеях. Множество длинных и гибких конечностей, без очевидного функционального деления на руки и ноги, придавали им отдалённое сходство с осьминогами, от которых, возможно, они и произошли. Покатые плечи, ключицы, грудная клетка... А раз есть плечи, то можно считать ближайšie к плечам конечности руками.

Так вот, у некоторых руки были заняты – кто-то держал палку, а кто-то обхватил ладонями своё маленькое подобие, по всей видимости, младенца. Один из «дикарей» нёс нечто вроде корзины с рыбой, держа в руках удочку. Самую примитивную, но всё-таки удочку.

Симпатичными их вряд ли можно было назвать, следуя человеческим меркам красоты. И всё-таки... острого чувства отвращения, неприязни не возникало. Или оно уменьшалось с каждой секундой, пока астронавты находились среди этих существ.

«Вы – люди с Земли, а мы называемся меллами, пещерными жителями», – будто эхом пронеслось в голове Егора.

Ни у кого из астронавтов не возникло ощущения опасности или враждебности, которые могли бы исходить от таинственных существ, меллов.

Хор беспорядочных и удивлённых голосов постепенно затих, а через минуту стала понятна причина этого. Существа расступились в стороны, освобождая дорогу маленькому тщедушному меллу, облачённому в старый голубой хитон. Это был самый древний мелл во всём гроте и старейшина одного из племён, Ликлянин.

Егору достаточно было одного взгляда или ощущения, чтобы понять это, так, как если бы информация об этом передавалась по тончайшей ткани мироздания, или как будто ему сообщили об этом невидимые перистые облака мыслей, переносимые ветром голосов.

– Ты пришёл узнать о судьбе Аэра, человек с Земли, – обратился к Егору старейшина племени. Это был ответ, а не вопрос.

– Да, – сказал капитан. В словах старого мелла он почувствовал скорбь и понял, что Аэра нет в живых.

– Готов ли ты отправиться в путь? – помедлив секунду, спросил Ликлянин.

– Я буду готов, когда посоветуюсь с командой, – Егор показал рукой на стоявших чуть позади него астронавтов, а затем уточнил: – Долго идти?

– Когда Аэра жил здесь, он измерял время днями. И вот мне стало известно, что путь его занял семь дней. Он был очень слаб. Ты сможешь идти быстрее.

Егор повернулся к астронавтам и сказал, опустив голову:

– Я пойду. Должен узнать, что случилось с парнем.

Никто не проронил не слова. Только Сэм достал из своего рюкзака всё содержимое, оставив только баллоны с питанием и запасной баллон с кислородом, и протянул рюкзак капитану.

– Температура здесь колеблется около нуля, – прошептала Эльза, доставая свои запасные баллоны и укладывая их в полупустой рюкзак, переданный Сэмом Егору, – а состав воздуха пригоден для дыхания, хотя есть и существенные отличия.

– Я пойду с тобой, – сказал Майкл.

– Нет, Майк, возвращайся со всеми. А вот если вы встретите меня через несколько дней, это будет здорово. Мне понадобится ваша помощь. Не представляю, как я буду карабкаться по этим ледянкам без каната. Я постараюсь быть на связи всё это время.

Сопровождать Егора вызвались наши старые знакомые, Неянин и Сианэй.

Путь и вправду был долог, но Егору не терпелось поскорее преодолеть его, поэтому уже через три дня он и двое его спутников были у озера. Как когда-то и Аэра, капитан был поражён красотой этого места.

Меллы проводили Егора до хижины Шинуэя. Из общего хора голосов старый рыбак уже понял, кто такой Егор, и зачем явился сюда. Дав человеку время передохнуть, поскольку тот едва не валился с ног от усталости, Шинуэй повёл его на могилу Аэра.

Ещё издали увидел он, что место захоронения Аэра отличается от прочих – оно было отмечено ярко-жёлтым пятном. Подойдя ближе, Егор разглядел, что это распостёртая шкура огромного шестилапого зверя. Что именно вдохновило эволюцию на создание подобного шедевра с тремя парами конечностей – трудно сказать. Лапы, голова и хвост раскинулись в стороны, имитируя лучи солнца. Именно эта ассоциация и приходила на ум прежде всего.

Шинуэй приподнял двумя руками голову Сах-мет, так он называл этого зверя, и откинул шкуру, как покрывало. В обрамлении хрустально-чистого льда Егор увидел юное лицо африканского парня, будто решившего немного поспать, потому что ни один признак смерти не коснулся его чела.

«Его грудь разодрана в клочья», – мысленно произнёс Шинуэй, словно отвечая на вопрос Егора.

«Аэра – Ра, – подумал Егор, – как солнце». Припомнилась солнечная символика на его личной вещи и слова, будто жизненный девиз, идти навстречу солнцу, забыв о своей тени.

...

– Хуже и быть не может: по словам Егора Донцова корабля «Экспедиция» на Европе нет. Не найдено ничего, никаких следов, будто бы его никогда и не было. Пока не могу предположить ничего разумного. Возможно, он разрушен, уничтожен... – доложил Гершмит. В МКА он занимал должность руководителя группы, управляющей проектом «Юпитер-Европа».

– Кто или что могло разрушить его? И всё равно остались бы детали, обломки, хоть что-то. Уж не думаете ли вы, что эта сказка о разумных существах на Европе правда? А даже если и так, то не настолько же они разумны, чтобы суметь захватить эту машину под названием «Экспедиция»?

– Тогда что мы можем принять за гипотезу? Что один или два астронавта «Экспедиции», не располагая кодом, улетели с Европы в поисках приключений? И куда они могли бы отправиться? Нет, это стопроцентная утопия.

– Да, Джонатан, это утопия, – ответил его собеседник. – Но перестраховываться – ваша работа. Кстати, «один или два»... как-то очень приблизительно вы их подсчитываете. Даже не знаете точно? Мда... Какие новости с «Экспедиции-3»?

– Осталось меньше месяца до их посадки на Европу. Оба астронавта ещё спят, но будут разбужены за неделю до приземления.

– Думаю, теперь вы понимаете, что нам не осталось ничего другого, как полностью привлечь астронавтов на свою сторону, проинформировать их обо всём, что известно нам, настроить соответствующим образом. Они должны во всём сотрудничать с нами. Да, и... мы не должны больше никого потерять.

– Я не допущу этого.

– Свяжитесь с ними сразу же, как они проснутся. И не теряйте с ними контакта, мы должны быть в курсе всех событий и настроений.

Закрывшись в своём кабинете, Гершмит стал размышлять обо всей этой мышшиной возне с инопланетным разумом, с гипотетическими меллами. Когда он услышал о них впервые, от капитана первой «Экспедиции» Джоша Бира, человека, отнюдь не склонного шутить, ему всё же показалось, что его пытаются разыграть. Позиция капитана была ясна: своим присутствием люди могут неблагоприятно повлиять на существовавший до этого обособленно инопланетный разум или даже полностью разрушить цивилизацию этих существ. «О, речь идёт даже о цивилизации? – не сумел сдержать ехидства Гершмит. – А как они выглядят? Маленькие косоглазые человечки? Ха-ха!». Джош Бир ответил, что самих этих существ ему не посчастливилось наблюдать, но он видел место их обитания, после чего у него не осталось сомнения в их разумности.

«Поймайте одного», – сказал Гершмит и сразу понял, что говорить этого не следовало. День выдался тяжёлый, а тут ещё эта «новость».

В проект «Юпитер-Европа» была вложена куча деньжищ. Что, рассказать теперь всем с найденной разумной жизни? Репортёры раздуют из этого целую трагедию: земляне-завоеватели против беззащитных косоглазых человечков... И тогда на всём проекте, можно даже не сомневаться, будет поставлен жирный крест.

Таким образом, добавилась ещё одна забота: уследить за тем, чтобы это «открытие» не стало общенародным достоянием. Вся «Экспедиция» была под его контролем. К тому же, она была засекречена. Журналистам не было известно решительно ничего, кроме названия и

общих целей. Поэтому на этот счёт Гершмит мог быть спокоен, но только до поры до времени. Астронавтам первой «Экспедиции» было приказано тогда продолжать работу по установке обитаемого модуля, не отвлекаясь ни на каких инопланетян.

Примерно тогда же один за другим начали поступать известия о гибели астронавтов. МКА не выходил из траура, а Гершмит – из замешательства. Неужели это всё шалости их маленьких электронных друзей? Или всё-таки противодействие инопланетян? В довершение этой разыгрывающейся на Европе трагедии перестали поступать сигналы от двух последних оставшихся в живых астронавтов. По всей видимости, их постигла похожая участь. Депрессивное местечко эта Европа...

Две страшные тайны на один проект – гибель астронавтов и найденная разумная жизнь, которую следует сохранить в тайне, – это уже слишком. Единственным счастливым обстоятельством было то, что модуль «Галактика» был установлен и успешно функционировал. Бортовой компьютер регулярно посылал сигналы об исправности всех систем.

Теперь перед ним стояла задача полностью проинформировать астронавтов грузового космолёта, направляющегося к Юпитеру. Совсем не просто рассказать кому-то о том, о чём сам предпочёл бы забыть. Но иного выхода нет. Хотя совсем не обязательно полностью раскрывать свои карты, рассказывать, например, о приказе за номером Е-87. Чтобы совершать новые грехи, совсем не обязательно каяться в старых.

Новым поселенцам в модуле «Галактика» будет дан персональный приказ на уничтожение всего, что только может помешать осуществлению проекта «Юпитер-Европа», то есть туземцев, меллов. Разве гибель всего экипажа первой «Экспедиции» не их рук дело? Или щупалец... Не их щупалец дело? Нет, так не звучит.

22. Третья экспедиция

Утро нового дня принесло головную боль, дискомфорт в желудке и ощущение тяжести во всём теле. Он чувствовал, что ему необходимо встать, но прежде всего – постараться открыть глаза. Веки будто налились свинцом. Сделав над собой титаническое усилие, Сергей поднёс свою непомерно тяжёлую и будто чужую руку к глазам, лбу. Приятная прохлада. Второе усилие было направлено на то, чтобы открыть глаза навстречу яркому, белому свету вокруг, который он чувствовал всеми своими нервными окончаниями. «Я как будто снова рождаюсь», – шевельнулась мысль.

Когда же, наконец, ему удалось открыть сначала один, а потом другой глаз, и даже привстать на локтях, он увидел, что находится в очень светлой комнате с белыми стенами, в которой нет ни одного окна. Рядом мучился от похожих, по всей видимости, симптомов, молодой темноволосый парень в ослепительно-белом комбинезоне, облепленный датчиками.

– Билл, – хрипло прошептал Сергей и поморщился: чужой голос неприятно резанул слух. – Билли...

Почти никакой реакции. Парень только слегка вздрогнул, услышав собственное имя, и замер. «Тут впору и имя своё забыть. Или испугаться, услышав его», – подумал Сергей.

С огромным трудом он заставил себя встать на ноги, но почувствовал такое сильное головокружение, немоготу, что предпочёл это отложить. Тем временем, Билл снова проявил признаки жизни, тихо застонав.

– Где я? – спросил он, растирая глаза руками.

– Хех, вот бы знать, – ответил Сергей.

Постепенно приходило ощущение реальности, воспоминания заполняли пустоты памяти, вызванные шоком от долгого искусственного сна и мучительного пробуждения.

Час спустя астронавты Билл Дэвис и Сергей Кедров, почти полностью придя в себя, пока ещё не сбрив бороды, но уже «вспомнив всё», сидели в капитанской рубке – одной на двоих, в силу существования инструкции № 397-а «О продолжительных космических путешествиях». Согласно этой «предписаловке», в случае, когда астронавтов было всего двое, никто из них не назначался командиром корабля, дабы не усложнять избыточной иерархией отношения людей, надолго покинувших свои дома и своих близких, а, следовательно, переживающих стресс.

Довольно нелепая инструкция, но опять-таки, в силу её существования, Билла и Сергея можно было назвать возвышенно и романтично: два капитана.

Их взорам открывалась широкая панорама звёздного неба, расположенная полукругом и занимающая всю стену в капитанской рубке – от пола до потолка. Звездой крупной величины впереди сиял Юпитер – неизбежная и желанная цель их путешествия. Точнее, целью был один из спутников Юпитера.

В тот же день с ними связались специалисты из МКА. В первую очередь доктор. Имея перед глазами показания о состоянии здоровья астронавтов, снятые с медицинских датчиков, он прислал им некоторые рекомендации.

Затем на связь с «двумя капитанами» вышел Джонатан Гершмит. Тщательно подбирая слова, всем своим видом демонстрируя тревогу, он сказал, что к заранее обговорённым обязанностям астронавтов добавляются новые, призванные обеспечить их безопасность и

даже сохранить им жизнь. Неожиданно открылись факты, свидетельствующие о том, что команда, находящаяся сейчас на станции «Галактика», возможно, «одурманена иноземным разумом».

– Недавно удалось объяснить гибель нескольких астронавтов первой «Экспедиции», – продолжал Гершмит, – враждебным вмешательством инопланетян, обладающих способностью к телепатии и гипнозу. По счастливому стечению обстоятельств, команда «Экспедиции-2» пока ещё в полном составе, но надолго ли? Всё зависит от вас, то есть от людей, обладающих здравым умом, а также запасом оружия и боеприпасов. На вас возлагается миссия уничтожить все доступные вам доказательства существования разумной жизни на Европе, включая самих инопланетян. Считайте, что вы получили устный, совершенно секретный приказ, – закончил свой монолог руководитель группы.

Некоторое время астронавты сидели молча, переваривая услышанное.

– Опа, мы сейчас миссионеры, какое неожиданное перевоплощение, – мрачно сказал Сергей, когда сеанс связи с МКА закончился, и монитор, вместе с озабоченным сверх всякой меры лицом Гершмита, погас.

– Как ты думаешь, можем мы подать на них в суд? Не думаю, что я готов взять на себя роль боевика-истребителя инопланетян.

– Сомневаюсь, а вот они на нас – вполне, повернись что не так. Приказ-то устный, к тому же повышенной секретности. Это может означать, что он нигде не зафиксирован. И разговор этот не записан.

– Что же делать? – как будто извиняясь, улыбнулся Билли.

– Будем ждать письменного подтверждения.

До прибытия «Экспедиции-3» на Европу оставалась ровно одна неделя. За это время астронавтам полагалось полностью прийти в себя, набрать физическую форму, неизбежно пришедшую в упадок за месяц искусственного сна, а также быть готовыми совершить ювелирно-точную посадку на ледяную поверхность Европы.

В течение этой недели Гершмит ещё один раз выходил на связь с астронавтами. Сергей Кедров, как и намеревался, запросил письменное подтверждение приказа. К его удивлению, подтверждение было получено, к тому же за подписью ещё более высокопоставленного чиновника.

– Видать, дело серьёзно, – сказал он Билли. – Что будем делать?

– Надеюсь, колонисты не превратились в зомби и не будут нападать на нас.

– Про них Гершмит не сказал ничего плохого, кроме того, что они могут быть во власти гипноза. Надеюсь, от них нам не придётся обороняться. Если эти чёртовы инопланетяне такие ментальные гиганты, то что им стоит и нас обработать?

– Будем начеку, – вздохнул Билли и пошёл поливать из огнемёта толпы зомби и разной нечисти в одной из компьютерных «стрелялок».

Сергей озабоченно взглянул на напарника. Он знал, что стоит тому надеть шлем, как он выпадает из жизни минимум на час.

Наконец наступило утро того самого дня, когда астронавтам надлежало мягко приземлиться на поверхность спутника. Юпитер к этому времени настолько разросся и исказил пространство своей мощной гравитацией, что казался единственной сущностью на всём многомерном промежутке между началом и концом вечности. Именно такое действие он оказывал на воображение. Газовый гигант и в самом деле как будто гипнотизировал.

Сергей заметил за собой, что стоит ему нечаянно бросить взгляд на величественную планету, как он уже не в силах оторваться, будто проваливается в какое-то иное измерение. Оттуда периодически приходилось выныривать.

Да ещё и простоватого Билли выдёргивать из состояния мимолётного транса, когда тот застывал с открытым ртом, споткнувшись об Юпитер.

– Не смотри на него! – не выдержал Сергей, когда общее количество «сеансов гипноза» перевалило за десяток. Хорошо ещё, подумал он, что при посадке на Европу Юпитер останется где-то позади.

Всё это привело Сергея к мысли, что именно необходимость постоянно противостоять Юпитеру привела к развитию у инопланетян – меллов каких-то, как сказал Гершмит! – паранормальных способностей.

Технический прогресс не стоит на месте, и для перемещения астронавтов от космического корабля к куполу «Гало» было придумано кое-что получше «Буранов» и тяжеловесных скафандров. Речь идёт об одноместных автомобилях на воздушных подушках – маленьких, юрких и очень маневренных. Любые находящиеся внутри формы белковой жизни были надёжно защищены от всех неблагоприятных, если высказываться мягко и лицемерно, а точнее убийственных, если говорить прямо и правдиво, условий, имеющих место быть на Европе.

До начала посадочных маневров оставалось более получаса, а после приземления Сергей и Билли намеревались перенестись из космолёта «Экспедиция-3» напрямик на научную станцию, не без помощи, разумеется, лифта, именно на таких воздушных подушках.

– Куда это ты так вырядился? – нахмурился Сергей, взглянув на Билли. Парень в точности смахивал на киборга, надев на левый глаз оптический прицел, нацепив на пояс патронташ и взяв в руки массивный импульсный бластер.

– Не дрейфь, старина, ещё спасибо, может, скажешь. Надо быть готовым к худшему!

– Вот ты и приготовился... Наигрался, понимаешь... А в жизни всё не так, ты сам сейчас опасен. Убери пушку, Билли, это тебе не компьютерная игра. На станции нормальные парни и даже девушки, такие же, как мы с тобой. То есть парни такие же, как мы с тобой... Девушки, наверное, ещё лучше! По мне так Гершмит сам как инопланетянин.

– Ты забыл, что мы получили приказ, и люди сейчас в серьёзной опасности?

– По-моему, с нашим прибытием, – Сергей указал кивком на обмундирование напарника, – опасность многократно возрастает. До хэллоуина ещё добрых полтора месяца! Тебе, как и мне, следует сейчас сосредоточиться на предстоящей посадке. Отставить маскарад!

– Ты капитан не больше, чем я, – обиженно сказал Билли, но, тем не менее, отложил оружие и снял оптический прицел.

– Билли, – уже примирительно сказал Сергей, взглянув на почти детское лицо напарника, – не надо накручивать, уверен, что мы распознаем опасность вовремя и сумеем справиться, на то мы и астронавты.

Неожиданно на связь вышел Гершмит.

– Как самочувствие у наших капитанов? – лучезарно улыбаясь, осведомился «главный европеец». – Готовы покорить Европу и поставить её на колени? – продолжал он демонстрировать своё приподнятое настроение. – Но шутки в сторону. Перед высадкой вы должны снарядиться по форме «GP-3», вы конечно понимаете, что я имею в виду:

бронезилет, оптический прицел, бластер... Помните, проект «Юпитер-Европа» в опасности, вы наша последняя надежда.

Сергей был ошарашен, зато Билли торжествовал, поглаживая приклад импульсного бластера.

...

18 сентября 2054 года антенна зафиксировала приближение долгожданного грузового космолёта, с двумя новыми астронавтами на борту, которые, несомненно, разбавят их «спаянную» команду. И, что немаловажно, несущего ценный груз для исследовательской деятельности: акваланги, в том числе глубоководные, двухместный батискаф, рассчитанный на глубокое погружение, а также ядерную подлодку. Для неё как нельзя лучше подошли бы имеющиеся в запаснике торпеды.

Колонисты столпились у монитора, следя за маячащей звёздочкой, которая, приближаясь, постепенно приобретала очертания космического корабля. Через несколько минут стало ясно, что «Экспедиция-3» начала посадочные манёвры. Когда, наконец, характерный столб света озарил небо Европы, эмоции вышли наружу, астронавты стали поздравлять друг друга и энергично пожимать руки.

Надо заметить, что – как бы это ни казалось странным, но так оно и было на самом деле – за посадкой космолёта, кроме всех нам известных, наблюдала дополнительная пара больших серебряных глаз. Это было не санкционированно и, так сказать, сверх регламента: это был Неянин, тот самый молодой мелл, который много раз сопровождал людей в путешествиях по земле Анорре, такой уж он был любопытный и вездесущий. Всё дело в том, что когда Егор Донцов собирался возвращаться на МКС из своего путешествия по ледяным пещерам, описанного в предыдущей главе, Неянин, успевший с ним подружиться и найти общий язык, попросил взять его с собой хоть ненадолго, чтобы посмотреть, что да как у людей.

Причины отказать у Егора не нашлось – самого-то его принимали душевно, ровно. В местах обитания меллов рация, как оказалось, не работала, поэтому посоветоваться с командой он не мог. Зато мог принять решение – ведь кому как не капитану его принимать. Он рассудил таким образом: люди могут дышать в ледяных пещерах, он сам дня три обходился без кислородного баллона; в пещерах довольно холодно, но опять-таки в пределах разумного. Следовательно, условия жизни на станции «Галактика» подходят, хоть и не идеально, для кратковременного пребывания на ней мелла.

Одно обстоятельство тревожило Егора. Нет, не связанное с Неянином и его экскурсией. Казус состоял в том, что когда он прощался с меллами, собираясь возвращаться на станцию, старейшина вдруг протянул ему маленький свёрток – электронный чип, завернутый в сухой лист карашника, со словами: «Это было в нём какое-то время, и никто не ведал. Но вскоре оно стало заговаривать его на зло. Когда я услышал чужой, неживой голос, я сказал Аэра, и он сказал – извлеки».

Уже на «подступах» к станции, карабкаясь вместе с Неянином по канатам, которые были заботливо оставлены для него Сэмом, Эльзой и Майклом, он всё-таки смог связаться с ними по рации, их обоих встретили и даже придумали, каким образом помочь инопланетянину перейти «порог» – то небольшое пространство между пресловутой свинцовой панелью и люком. Ведь понятно, что там не могло быть атмосферы, привычной меллу. В самом модуле снизили температуру, немного изменили состав дыхательной смеси

и уменьшили гравитацию.

Так, добровольно и благополучно пройдя тест на вирусы и бактерии, подвергнувшись соответствующей обработке, тоже добровольно, Неянин оказался на станции «Галактика», среди людей, удивляясь всему и удивляя всех серебристой бесконечностью своих огромных простодушных глаз.

После приземления третьей «Экспедиции», Майкл и Эстер решили устроить встречу вновь прибывшим Билли Дэвису и Сергею Кедрову на поверхности спутника. В своих громоздких скафандрах, «латах», они поднялись по скоростному лифту и встали недалеко от купола «Гало». Теперь вдалеке возвышался не один, а целых два «средневековых замка», и это вселяло надежду. Спустя несколько напряжённых минут ожидания они увидели, как из «Экспедиции-3» вынырнула два ярких автомобиля на воздушных подушках и на большой скорости устремились к «Гало». Вслед за ними тяжело и вальяжно, будто с трудом перемещая свою многотонную тушу, от космолёта отделился огромный блок-трансформер, самостоятельно встал на колёса и неторопливо пополз в том же направлении.

– Наш груз, – улыбнулся Майкл, посмотрев на Эстер.

Пока астронавты наблюдали за передвижением тяжеловесного «контейнера», два автомобиля стремительно пронеслись мимо них; Эстер только ахнуть успела:

– Видел? Ты уверен, что это не роботы? Они без скафандров.

– Наверное, скафандры им не требуются, автомобили и так надёжно защищают.

– Держу пари, они вооружены до зубов!

– Да? – улыбнулся Майкл. – С чего это ты взяла?

– И у каждого на коленях по бластеру. Мне так показалось, – рассмеялась она.

Где-то за горизонтом началось светопреставление, на этот раз природного происхождения, каждое мгновение полыхали молнии, вспыхивали ярко-синие зарницы. Майклу и Эстер пора было укрыться под куполом. Двери лифта отворились, и на их глазах оба автомобиля синхронно юркнули в салон.

– Это точно не роботы? – опять рассмеялась Эстер.

Майкл нажал кнопку вызова запасного лифта, и вскоре они вдвоем с огромной скоростью понеслись вниз.

По всей видимости, «игрушечные» автомобили на воздушной подушке – один красный, другой жёлтый – успешно преодолели преграду в виде входного отсека, пролетев поочередно через два герметичных люка. Попав на станцию, Майкл и Эстер застали вновь прибывших астронавтов выходящими из своих машин.

По своему внешнему виду Сергей и Билл напоминали боевиков подразделений специального назначения. «GP-3», – отметил про себя Егор Донцов, которому дважды в своей жизни приходилось снаряжаться подобным образом.

– Представители инопланетной расы есть на борту космической станции? – не успев поздороваться, громко спросил один из «боевиков».

Когда ему был дан отрицательный ответ, он пробежался по всем каютам, соблюдая все меры предосторожности, так, будто бы за каждой дверью его могли ожидать толпы вооружённых инопланетян. В это время второй с каменным лицом стоял около колонистов, держа свой бластер наперевес. Когда его напарник вернулся, он сказал ему, похлопав по плечу:

– Всё, Билли, никакой опасности.

– Постой, – отмахнулся парень и обратился ко всем присутствующим: – Где инопланетяне? В ваших интересах выдать их, раскрыть их месторасположение.

Всё это время Неянин стоял позади Егора Донцова, трогательно уцепившись за него, по крайней мере, тремя из всего множества рук. Поскольку он был маленький и щуплый, видно его не было. Капитан, почуяв угрозу, исходящую от новоявленного «спецназа», сказал меллу немедленно спрятаться – и в ту минуту вряд ли можно было найти место лучше.

– Мы продолжим обыск, пока не найдём доказательств! Все виновные в сокрытии будут наказаны! – продолжал оратор Билли.

Тут произошло то, чего никак нельзя было ожидать. Неянин вышел из своего укрытия «на свет божий» и медленно встал посреди комнаты. Лицо Билли мгновенно скорчила гримаса отвращения – это было видно даже из-под чёрной маски на пол-лица.

Мог ли мелл защитить себя? Например, с помощью телекинеза, которым владел, правда, оставалось невыясненным, в какой степени. Или применив гипноз, ведь европейцы мастера внушения. Неизвестно. И почему он решил пожертвовать собой – тоже остаётся загадкой; вероятно, впервые в своей жизни столкнувшись со слепой агрессией, он испугался за Егора Донцова, успевшего стать ему другом. Возможно, что мелл, будучи по своей природе очень дружелюбным, не мог до конца поверить, что представитель человеческой расы способен вот так вот, безо всякой видимой причины, жестоко и окончательно с ним расправиться. Так или иначе, но он не сделал ничего для собственного спасения; лишь грустно моргнув своей серебристой бесконечностью, принял огонь на себя.

– Стой, Билл, остановись! – Сергей подбежал сзади и схватил напарника за руки, но было уже поздно. Неянин словно завис в воздухе, глаза его были широко распахнуты; и без того огромные, сейчас и вовсе напоминали блюдца. Даже при ярком освещении холла стало заметно, что они источают свой собственный ровный и сильный свет.

Это длилось всего несколько мгновений, но произвело на всех неизгладимое впечатление. В том числе и на Билли, дрожащими руками прижимающего к себе бластер.

Никто не мог вымолвить ни слова. Первым очнулся Егор, а за ним и Сэм, они кинулись к Дэвису и выбили из его рук смертельное оружие. Сергей Кедров в это время крепко держал Билли за руки, не давая пошевелинуться.

Эльза, рыдая, кинулась к лежащему на полу тщедушному тельцу Неянина. Его глаза к этому времени потухли и затянулись полупрозрачной плёнкой. Кристина, встав на колени, стала осматривать зияющую рану. Но ничего нельзя было исправить, жизнь навсегда покинула это самоотверженное создание.

– Приказ... – сдавленно прошептал Билли. – Я выполнял приказ!

Астронавты были в смятении от произошедшего на их глазах убийства. Один из «боевиков» был обезоружен и повёрнут лицом к стене – Егор держал теперь в руках его бластер. Под вопросом оставался Сергей Кедров, который также получался «по ту сторону баррикады», несмотря на помощь в обездвиживании Билла Дэвиса. Ясно, что хоть он и проявил сочувствие к Неянину и даже пытался предотвратить его гибель, он будет также стоять и за своего сбившегося с пути напарника. К тому же, если этими двумя был получен недвусмысленный приказ на уничтожение «представителей инопланетной расы», то неизвестно, как далеко они могут зайти, чтобы выполнить его.

На мужественном лице Кедрова можно было прочесть сожаление о случившемся, но не только. Он был натянут как струна, следил за малейшими движениями астронавтов, особенно за Донцовым и Ричардсом. И в его руках по-прежнему поблёскивал бластер.

– Он... умер, – сказала Эльза, шмыгая носом и моргая покрасневшими глазами в обрамлении светло-рыжих ресниц. – Что же нам делать?

– Что делать, что делать, препарировать, – деланно произнёс Билли. – Не можете сами – тогда заморозить, а потом отправить на Землю. Исследовать мозг... Если там есть что исследовать. Уверен, сэр Гершмит...

Билли осёкся, потому что приклад бластера больно упёрся ему между лопаток.

– Препарировать, говоришь... – прошипел Егор.

– Ну а что... Мы предупреждены, что вы находитесь во власти гипноза, поэтому... – отрывисто продолжал парень, стараясь обернуться назад.

– Заткнись, Билли, – с отвращением в голосе сказал Сергей Кедров, и все удивлённо посмотрели на него, а он и сам не ожидал от себя, что, наконец, выскажется. – Молоко на губах не обсохло, а туда же – препарировать, тьфу! Натворил дел...

Эльза ревела навзрыд и не могла успокоиться, Кристина, обняв её, не говорила ни слова. В раскосых глазах Эстер искрились негодование и нетерпимость к вновь прибывшим астронавтам, по крайней мере, к одному из них.

Вслед за трагедией, произошедшей на научной станции, последовала череда следующих событий: во-первых, Сергей Кедров признался, что неделю назад ими был получен приказ, вынуждающий придерживаться определённой схемы действий, при этом их личное отношение никого, разумеется, не интересовало. Неадекватный поступок Билли, расстрелявшего инопланетянина, в то время как тот не выказывал ни малейшей угрозы, можно объяснить излишней его нервозностью, ведь, как известно, у страха глаза велики. С другой стороны, МКА в лице Гершмита предупредил о скрытой угрозе, которая, в сочетании со злой волей меллов, таится в их умении гипнотизировать, читать мысли на расстоянии и других паранормальных способностях. Поэтому, с формальной точки зрения Дэвис действовал согласно приказу, следовательно, был прав.

Понятно, что Сергей стремился каким-то образом защитить Дэвиса, поскольку был с ним давно знаком, знал за напарником некоторые слабости, к тому же у него давно вошло в привычку время от времени опекать «желторотого юнца», как он иногда называл его мысленно, будучи намного старше.

Сам Билли спустя какое-то время прочувствовал свою ошибку, хоть и продолжал твердить о полученном приказе и об исполненном долге. Он стал хмурым, лицо его побелело, и даже черты заострились. Сергей старался поддержать его, не оставлял одного, занимал беседами, спокойно убеждал; например, один раз он сказал ему такую вещь: «В то время как ты варился, варился также и камень, и камень был первым готов».

Капитан Егор Донцов очень сокрушался по Неянину. Пока всей командой решали, как именно следует поступить, какие слова найти в оправдание человеческого зверства, он всё сидел подле мелла в неизменной позе, глазами уставившись в одну точку.

Но решение принял сам. Взяв на руки Неянина, такого лёгкого, будто воздушного, понёс его обратно к меллам. С ним пошли Крис и Майкл. Это уже во-вторых.

Ликлянин и его племя встретили грустную процессию молчанием. Не говоря ни слова, приняли тело Неянина, бережно передали по рукам. Один из них, положив мелла на холодную землю, сел рядом и запел протяжно, уныло. Постепенно, слово за словом, прощальную песню подхватили другие пещерные жители.

– Не сберегли... – удручённо сказал Егор. Он плакал невидимыми, сухими слезами,

которые ещё больнее, потому что в это время плачет душа.

23. Зелёная пыль

Двухместная субмарина «Атлантида» – новая подлодка на ядерном топливе – уже дважды погружалась в подлёдную бездну. Испытатели, Сэм Ричардс и Майкл Роу, характеризовали её как надёжное и быстроходное плавательное средство, которое можно эффективно использовать для исследования глубин океана.

– Так! Где моя субмаринка?! – рыжая Эльза, звеня короткими кудряшками, выскочила из лифта и устремилась навстречу своим собственным приключениям, которые, впрочем, должен был разделить с ней Крис Ковач.

Все на станции «Галактика» уже привыкли к её чрезмерной активности, хотя поначалу такое поведение настораживало, даже раздражало. Постепенно все поняли, что это не наигранно, а так оно и есть, и, видимо, так оно и было, начиная с момента её рождения. Иногда столь непосредственный детский, не по возрасту, эгоцентризм досаждал, но в другое время становилось ясно, что Эльза наделена чутким сердцем, быстро отзывающимся на чувства других людей. К тому же эта энергичная особа была излишне сентиментальной, не раз и не два её умные голубые глазки наполнялись слезами радости или печали при просмотре трогательного фильма или чтении книги.

Новая подлодка звала и манила. В ней не было, в отличие от ставших родными «Дональдов», ничего безобидно-круглого, будто говорящего: «Я тут для того, чтобы изучить Вас, но не навредить. Да и смогу ли я навредить?».

Спортивно-агрессивный стиль, резкая металлическая синева.

Эльза досконально её изучила.

Эльза не могла оторвать от неё глаз.

Сэм, Майкл и Крис стояли рядом с «Атлантидой», недалеко от шлюза, прикрытого изысканно-брутальной решёткой. Мельком взглянув на Эльзу, как на несносного ребёнка, они продолжили обсуждать особенности конструкции и «что ещё можно попробовать». Затем, пожелав Крису и Эльзе удачного плавания, и понаблюдав ещё пару минут за погружением «Атлантиды», Сэм и Майкл направились к лифту.

В салоне подводной лодки было два кресла – для двух пилотов.

Едва отчалив, субмарина, ведомая эксцентричной Эльзой и не менее эксцентричным, но более сосредоточенным и спокойным Крисом, стала быстро набирать обороты.

– Скорость десять узлов... скорость двадцать узлов... скорость тридцать узлов... – педантично и занудливо сообщал Крис, будто нарочно произнося эти слова «в нос».

– Глубина сто метров... глубина пятьсот метров... – вторила ему Эльза. – Подумать только, мы можем опуститься на самое дно!

– Торопиться не надо... – двусмысленно ответил Крис. – На самое дно мы всегда успеем. Держи немного вле... Вот так.

Спустя пару часов ледяная синева сменилась водами насыщенно-зелёного цвета.

– Прибор показывает, что дно на расстоянии каких-то ста метров, – гнусаво произнёс Крис.

– Ого!

– Никакое не «ого», а самое что ни на есть дно, – проворчал Крис недовольно. Казалось, будто Эльза в качестве компаньонки его не совсем устраивает, что на самом деле было не

так, и Эльза это прекрасно знала. Как знала вся команда (к этому времени уже состоящая из девяти астронавтов), какой ворчун и зануда их местный компьютерный гений.

Эльза включила максимально яркое освещение, и стало видно, что в воде множество «помех» – облака взвешенных пылинок, напоминающих своим видом океанический фитопланктон, придающих воде цвет сочной зелени.

Луч прожектора едва пробивался сквозь эту, несомненно, живую, пелену.

– Не верю своим глазам, живая вода!

Крис не слишком одобрительно взглянул на Эльзу:

– Откуда ей быть живой? Пыльная вода, грязная, осталось понять, что является причиной.

– Мм... Зелёная пыль? Именно так называется один вид водорослей. Правда, одно из условий её появления – интенсивное освещение, а тут тьма, хоть глаз коли!

– «Хоть глаза выколи» – так надо говорить.

– Возможно, перед нами колонии бактерий, окрашивающих воду в частый зелёный, – продолжала немка.

– «В густой зелёный» – ты это имела в виду?

– Да, да! Возьмём пробу и выясним это в лаборатории. О, Крис! Обрати внимание на температуру воды. Да тут можно принимать горячие ванны!

– Не преувеличивай. Прохладные ванны ты хотела сказать? Тридцать по Цельсию – это жуть как холодно! – после небольшой паузы он добавил: – Мда... Не иначе под нами горячий источник. Проверим сейсмическую активность дна... Приборы показывают, что в норме.

По мере снижения подводной лодки взвешенных «пылинок» становилось больше, вода словно густела, температура повышалась. Лучи конусами расходились от субмарины, с трудом пронизывая мутные воды, терялись в догадках, гасли. Украдкой примечая малейшие движения, осязая неровности, заставляя всё и вся отбрасывать тени, круг света медленно полз по дну.

Крис и Эльза были настороже – таких казусов они не ожидали: у самого дна температура воды составляла аж пятьдесят по Цельсию. «Атлантида» плыла медленно, потому что исследователи старались ничего не упустить из виду. Вдруг прямо перед их носом возникло огромное дерево, его голые, жёлтые ветви проглядывали сквозь клубы зелёного дыма.

– Поразительно, насколько это напоминает дерево, – сказала Эльза.

– А может это и есть дерево? – осторожно спросил Крис.

– Ну что ты. Жаль, сейчас не располагаем возможностью рассмотреть получше. Возможно, это образование наподобие рифа – состоящее из продуктов жизнедеятельности организмов. Или огромный жёлтый анемон. А может быть – растение, водоросль. Но только не дерево в традиционном понимании. Посмотри, какое оно огромное. Не думаю, что стоит подплывать слишком близко.

– Согласись, немного жутковато, – угрюмо отозвался Крис, старательно огибая «образование», так некстати образовавшееся на дне океана. – Если бы кто-то намеревался нас напугать, то вряд ли мог придумать что-то более изощрённое.

Мимо проплывали рыбы ярких и скромных окрасок, извивающиеся змеи, чуть поодаль показалась семья зеркальных наutilusов. За высокими бурыми и оранжевыми водорослями дна почти не угадывалось, иногда встречались огромные белые валуны – гладкие, как черепа, но слегка «заржавевшие», облепленные полипами, мидиями или подобными им

организмами.

– Нам предоставлен бесценный шанс изучить уникальную экосистему океанического дна. К тому же чужой планеты! – восхищённо прошептала Эльза, и было заметно, что этим своим шансом она пользуется на полную катушку: её круглые глазки экзальтированно поблёскивали. Крис неодобрительно хмыкнул.

Первый алый цветок – огромный, несомненно хищный, с шевелящимися лепестками, – заставил их обоих удивлённо ахнуть.

– Тюльпан, – сказал Крис.

– Мак, – с видом знатока произнесла Эльза.

– В любом случае предлагаю держаться от него подальше. Да это просто великан среди цветов! Кто бы вообще мог подумать о цветах на дне океана. Только не говори, что это просто огромный красный анемон, – Крис подозрительно покосился на свою рыжеволосую напарницу, – всё равно не поверю!

– Ты не веришь в анемоны? – Эльза посмотрела на него так, будто сама до сих пор не верила в существование людей, не верящих в анемоны.

Но не успела Эльза узнать, верно ли, что есть на свете люди, которые не верят в анемоны, как услышала какое-то странное завывание – будто ветер тихо пел в ветвях деревьев, а то вдруг прибой шумел и бился об острые скалы на диком пустынном взморье. Крис и Эльза одновременно повернулись друг другу со словами:

– Слышишь?!

– Помехи, видимо, – деловито сказал Крис, энергично протирая уши.

– Смотри! – Эльза показала пальцем на что-то, находящееся прямо по курсу «Атлантиды».

Навстречу субмарине летели – не плыли, а именно летели – несколько странных светящихся существ. Они были ещё довольно далеко, но их размер уже можно было оценить как очень и очень внушительный. Приблизительно таким же словом можно было оценить и их скорость, поэтому Крис, не рассусоливая, развернул подлодку на сто восемьдесят градусов, направил чуть кверху и включил ускорение.

– Берём дёру?

– Даём, Эльза! «Даём дёру» – так надо говорить, – сердито отозвался Крис, посматривая на эхолокатор. К его досаде, несколько крупных объектов изменили свой курс и теперь плыли за «Атлантидой». Каждая особь в этой стае втрое превышала своими размерами субмарину. – Боюсь, что поздно...

Судя по эхолокатору, одно из существ почти настигло подводную лодку и двигалось наскоками, будто пытаясь её проглотить.

– Дайте мне сейчас того, кто называет подводные лодки «Атлантидами»! – отчаянно закричала Эльза. – Жми!

Несмотря на переживаемый ужас, она включила обзор заднего вида на одном из мониторов. Яркий, как тысяча ламп, зажжённых одновременно, напоминающий огромное светящееся покрывало, скат перемещался рывками с фантастической для рыбы скоростью. По всей видимости, он был буквально начинён электричеством, поскольку приборы фиксировали необычайно мощные разряды, действующие на корпус.

– Съесть-то он нас не съест, кишка у него тонка! Но эти разряды по силе сравнимы с молнией! Эльза, у нас нет иного выхода, готовь к запуску торпеды!

– Есть, сэр! – почему-то ответила Эльза и стала энергично лупить пальцами по

клавиатуре. Через несколько секунд она сказала: – Код доступа... Получен! Торпеды готовы к запуску.

– Как раз вовремя! Огонь – пли!

Несколько торпед, вырвавшись на свободу из тесного жерла, вонзились в огромного ската, последовала серия взрывов. На мониторе заднего вида началось светопреставление. «Атлантиду» тряхнуло так, будто это была не подводная лодка, а телега, несущаяся с горы и напоровшаяся со всей дури на булыжник. Свет мигнул, погас... Но через секунду загорелся вновь к великому облегчению исследователей.

Крис и Эльза увидели на эхолокаторе, что несколько ярких точек будто застыли в недоумении, а затем повернули вспять...

Эльза с улыбкой обратилась к Крису:

– Мы спасены. Конечно, разве могло стать иначе! – и каждая веснушка на её лице излучала оптимизм.

– Быть, Эльза, «разве могло быть иначе»! Странно, но, похоже, нам крупно повезло. Что-то здесь не так... – Крис, казалось, был недоволен. Посмотрев на него, Эльза рассмеялась.

24. Капитан отморозков

Научная станция «Галактика» была готова к приёму нового экипажа, уже не за горами тот день, когда астронавты второй «Экспедиции» ступят на ледяную равнину Европы. Среди них в основном будут учёные и исследователи, одним словом, хлипкие интеллигенты, а не закалённые в боях с суровой космической реальностью астронавты без страха и упрёка.

Всё работало как часы, но, тем не менее, Джош Бир постоянно гонял Керрио – то тестировать электронику, то прозванивать кабели... Или вот ещё: проверить работоспособность лифтов.

– Сколько уже можно проверять-то! – возмущался Винс. – Исправные они, исправнее некуда!

– Нужно, чтобы они были больше, чем исправные, – терпеливо отвечал Джош, умудрённый годами, убелённый сединой. – И даже больше, чем просто надёжные. Среди астронавтов, которые прибудут сюда через несколько недель, возможно, не будет стоящих инженеров... Хотя Ричардса вроде бронировали... Не важно, даже если будут: наша задача проверить всё досконально, пока мы ещё здесь.

Как могло случиться, что, строго следуя плану, составленному руководством, потеряв сначала половину команды, а затем ещё половину от оставшихся, итого три четверти живых людей, они успевали «покончить» с обитаемым модулем как раз тютелька в тютельку, словно гибель команды была запланирована? Вопрос этот мучил Джоша по ночам, вставал крупными плакатными буквами перед глазами, когда он бодрствовал. Астронавты «Экспедиции» запрограммированы на смерть, или несчастный случай с халатностью собирают свой жуткий урожай на Европе? Так или иначе, одно другому не мешает. *Случайно погибнуть* к концу экспедиции, но не *случайно спастись* – такая постановка не идёт наперекор заложенной программе уничтожения.

Много раз до этого Джош перебирал в памяти лица своих парней – всех, когда они были живы. Они неуправляемы. Они личности, но ожесточены своей профессией. Они как на подбор. Лица в шрамах. Жёсткие складки у губ, суровые оскалы, хищный блеск глаз порой, бесхитростные развлечения. По крайней мере, трём из них когда-то были имплантированы искусственные органы. При виде этих парней, когда они были все «скопом», так и вырывалось это слово – отморозки. Отморозки в царстве холода и льда. «Тут нам и место. Нас будто списали на Европу, – думал Джош, – да что *будто*, не *будто*, а так оно и есть!».

Космический хлам, отработанный материал. Отбросы на далёкой орбите. Да другие бы и не справились. Чтоб крушить породу, самим надо быть твёрдым, как порода. Тяжёлая артиллерия, во как! А деньги... Что деньги. Деньги-то нам заплатили... Немалые. Жёнам детям, у кого они есть. Астронавты всегда составляют завещание – куда бы ни летели, иначе нельзя.

Была одна нестыковка: Керрио не вписывался. Молодой астронавт, перспективный. Высокий, статный, разбитной парень. Излишне самоуверенный – это да. Но ведь не баба же, он и не должен быть размазнёй. Что с ним не так? Его-то за что приговорили? Да и Аэрта тоже! Гогочка по сравнению с другими! Упокой его душу.

Думая же о себе, Джош вполне допускал мысль о «списании со счетов». Многое сделал, многое умел, но годы... Да и характер отнюдь не ангельский, чего хотя бы стоила его стычка

с руководством лет пять назад. Давно уже это было, но ведь было же, никуда не делось, за всё нужно платить.

Ни семьи, ни детей... Жизнь отдана космосу, отчего и смерть не отдать ему же? «Но только решать это мне, а не Гершмиту и прочим ... – грустно размышлял Джош. – Не бывать тому, что на очереди мы с Винсом». С некоторых пор Керрио стал ему как сын.

Если у вас паранойя, то это не значит, что за вами не следят – примерно так думал Джош. «А если бы не было паранойи, я бы никогда и не допустил мысли... Они не всё рассчитали. Если я и отморозок, то только снаружи. Внутри всё обрывается, когда я думаю о своих парнях, которых не сберёт – Герман, Мэтью, Аэра, Вульф, Янко, Грэм».

Джош снова нащупал крошечный имплантат размером с булавоочную головку где-то на сгибе руки. Первый раз он обнаружил его, когда стоял под колючими струями душа, кипятком хлестал – так ему нравилось. Обнаружил, но вскоре забыл. Все восемь парней тогда были в полном здравии. Гибель четверых из них гильотиной отсекала всё то, что не было непосредственно связано с ней. Скорбь, как и любовь, убивает всё непохожее на себя. Дальше были Янко, и вот теперь – Грэм.

Он был оглушён, и единственно жило упрямото закончить всё вовремя.

Джош откровенно поделился с Керрио. У того прощупать имплантат оказалось сложнее, но всё-таки нашли его там же – на сгибе руки.

Теперь, когда он наедине с собой... Нож или бритва. Чёрт, этот имплантат вживлён на волосок от вены, глубже, как бы под ней... Малейшее неверное движение... Джош был уверен, что это сделано специально – истеки он кровью, навесят самоубийство и опять всё шито-крыто. Однако выбора нет.

Точное, быстрое движение. Кровь, но вена цела. «Вот он, гнусный шпион в моём собственном теле. Уничтожить? Оставить как доказательство? Какой шанс, что он не действует на расстоянии. Какой шанс, что они не узнают об этом вскоре после того, как я его достал? Потом решу, что с ним делать», – подумав таким образом, Джош положил чип в нагрудный карман куртки.

Одно было ясно – оставаться здесь нельзя. Они были приговорены. Положив всё своё здоровье на обустройство «Галактики», справившись с этим, они имели полное моральное право попытаться сохранить себе жизнь.

...

– Я достал его, – сказал Джош, протягивая на ладони металлическую таблетку, чтобы Керрио посмотрел.

– Похоже на батарейку, такие были раньше в часах.

– Батарейки не нащёптывают, что пора бы и честь знать.

– Мне он ничего не нащёптывает, – Керрио потёр левую руку на сгибе, там всё ещё были синяки от прощупываний. – Но я тоже хотел бы избавиться от этого.

– Когда начнёт нащёптывать – будет уже поздно, да ты и не узнаешь, наверняка сигналы на каких-то невидимых приборами частотах.

– Мда... – Керрио покосился на замотанную руку капитана, – Мог бы и меня попросить вообще-то...

– Мог бы, если бы жить вдруг надоело. Готов?

– Да... У тебя ведь нет причин желать мне смерти? – хохотнул Керрио.

– Всё шутишь. Мне-то уже не до шуток. Обезболивающее вколю тебе – и вперёд.

Через полчаса Керрио с замотанной рукой и с видом настрадавшегося человека рассматривал свой собственный «приговор» – чип, который достали из его руки. Он никак не хотел поверить в злонамеренность по отношению к нему, да и вообще к любому астронавту из «Экспедиции».

– Разве законно вживлять в людей такие вот имплантаты, да ещё и без их согласия? – возмутился он.

– О том и речь, что незаконно. Я тоже не уверен на все сто, что нас отправляли на смерть, и наша «Экспедиция» – это билет в один конец для всей команды. Но, к сожалению, многое говорит в пользу этого. Будем ждать, пока сомнения окончательно развеются?

Керрио пожал плечами, обычная дерзкая самоуверенность покинула его.

– Ладно. Так... Что у нас осталось, прежде чем мы доложим о сдаче объекта? Посмотрим, – капитан, сосредоточенно нахмутив брови, заглянул в план работ. Затем дал молодому астронавту задание и наметил свой собственный распорядок.

...

– Всё, нам тут больше нечего делать, – улыбнулся Джош, когда спустя несколько часов Керрио отчитался о выполнении последней поставленной перед ним задачи. – Справились... Осталось доложить начальству, чтобы получить код доступа на взлёт. Им же невдомёк, что Мэтью Дюбуа успешно взломал все существующие коды на этой посудине ещё год назад.

Никогда Керрио ещё не видел Джоша таким спокойным, даже умиротворённым. Капитан оформил заявку на разговор с МКА по коду «безотлагательно». Он доложил об окончании работ на Европе и запросил код доступа на взлёт. Астронавты стали ждать. Через два часа экран монитора засветился, перед ними возникло худощавое лицо «главного европейца», Джонатана Гершмита. Гладко выбритый, в щегольском костюме с модным галстуком, он улыбался своей дежурной приклеенной улыбкой.

– Мм... Код доступа на взлёт? Замечательно. У вас, по крайней мере, ещё две недели... Так... А отчёт о проделанной работе где? Последний раз я получал такой отчёт три месяца назад... как же вы успели... Так вот, кроме этого отчёта я жду от вас рапорта о выполнении приказа за номером Е-87, – хищно сверкнув вставленным в зуб бриллиантом, Гершмит как будто впился глазами в усталое лицо Джоша и застыл на экране – приём закончился, теперь нужно было отвечать.

Джош немедленно начал передачу:

– Ах да, приказ Е-87, этот наш секрет... – Джош усмехнулся, но глаза его оставались серьёзными. – Какого рода информацию хотите, чтобы мы предоставили? – как можно спокойней осведомился он, глядя прямо перед собой и нажал кнопку отправки.

– Ну вот, теперь опять ждать час-полтора, а то и все два, отдыхай, Керрио.

Через полтора часа пришёл гневный ответ от МКА:

– Количество уничтоженных вражеских единиц, разумеется, а под единицами я подразумеваю... кхе-кхе... носителей иноземного разума, их оружие, жилые и производственные здания, всё то, что мешает выполнению проекта «Юпитер-Европа». Я понимаю, сейчас вас двое осталось, но когда вы получили приказ, вас было четверо, не так ли? И что же я вижу? Вы несёте потери от инопланетной диверсии, а сами не сопротивляетесь? Такого рода информацию я жду – что сделано экипажем «Экспедиции» по устранению опасности.

– Позвольте, сэр, но свои выводы – как вы это говорите? – об инопланетной диверсии

вы сделали самостоятельно, не имея перед собой никаких фактов подобного рода вмешательства. Я не давал вам повода так считать. Напротив, я высказался, насколько припоминаю, в совершенно противоположном духе: люди, говорил я, своим присутствием могут навредить – и вредят! – инопланетянам, а не наоборот. Поэтому этот приказ... Скажите мне хотя бы сейчас, что это была шутка, мы с вами вместе посмеёмся, да и забудем.

Джош с удовольствием представил, как при этих словах побелеет лицо Гершмита, улыбнулся и продолжил:

– От вас же сейчас я требую, – он сделал ударение на слове «требую», – код для взлёта «Экспедиции». Как я уже, по-моему, сказал, наш экипаж выполнил с честью свои обязательства. Нас осталось только двое, и мы хотим улететь домой. Да, мы понесли потери, как вы изволили обозначить, но для нас это не пустой звук; мы оплакиваем всех, кого нет с нами. Инопланетяне же не при чём, я их даже не видел ни разу, а вы говорите – диверсия... – Джоша уже понесло, и он не мог остановиться, хоть и старался изо всех сил держать себя в руках. – Посмотрим, как отреагирует общественность на ваши бредовые призывы уничтожать разумную жизнь только потому, что в «Юпитер-Европа» вложены миллиарды!

Ответ пришел чуть более чем через час:

– Так вот, капитан Бир, вы не получите код доступа, пока я не получу отчётов. Обоих, – выдавил из себя Гершмит, высоко приподняв дрожащий подбородок. – Разговор окончен.

Экран погас. Керрио и Джош посмотрели друг на друга.

– Отчёт о проделанной работе за последние три месяца... Поднапряжёмся, всё-таки это часть контракта, – спокойно сказал капитан. – Подготовь данные за себя и Грэма. Я сделаю остальное, к вечеру отчёт должен быть готов. Это будет наш ответ канцелярским крысам, да, Керрио? – наконец улыбнулся он.

Астронавты засели за работу в капитанской рубке, желая приблизить момент, когда их корабль, надсадно дыша пламенем, разрывая пространство, оторвёт свои мощи от поверхности Европы – уж не прирос ли он? – и устремится навстречу Земле, Солнцу. То есть туда, куда уже три с половиной года неизменно обращали они свои внутренние взоры, мечтая, но скрывая свои чаяния ото всех, чтобы все вокруг знали: ты твёрд как скала, и ты не отступишь.

Тишину, ещё более ощутимую благодаря едва угадываемому звуку прикосновения подушечек пальцев к клавиатуре, вдруг нарушил взрыв со стороны жилых кают. Заверещала пожарная сигнализация. Джош и Керрио вскочили и побежали по обозначенному направлению ещё до того, как приятный, но совершенно бездушный женский голос бортового компьютера произнёс: «Внимание! Всем, находящимся на борту корабля. Произошёл взрыв в каюте № 5. Пожар устранён. Все системы функционируют нормально. Внимание! Всем, находящимся на борту...».

– Ах ты ...! – смачно выругался Керрио, – Это ж моя каюта!

На месте взрыва они обнаружили жалкую картину: всё было разворочено и черно от копоти, на обугленные вещи сверху и с боков всё ещё били струи сухой пены.

– Как это могло произойти? – кричал Керрио, стоя в проёме двери. – Компьютер, твою мать, как это случилось?

«Причина взрыва остаётся не выяснена», – холодно и безразлично отвечал голос.

Стоявший сзади Джош похлопал Керрио по плечу:

– В рубашке ты родился, сынок...

– Но как... Почему... – не мог успокоиться астронавт.

– Давай посмотрим. Тут явно был эпицентр взрыва, – Джош показал на обуглившийся пластиковый столик, пострадавший сильнее всех остальных предметов, находящихся в комнате. – Вспоминай, Керрио...

– Я положил на стол чип, имплантат, который был у меня в руке, – от внезапной догадки Керрио стал задыхаться. – Так я мог... Если бы ты не вырезал тогда...

– Да, да, Керрио... Теперь-то ты убедился? – хмуро спросил капитан.

– Более, чем. Как будем спасать свою шкуру?

– Полетим домой. Топливом мы обеспечены, еды, думаю, хватит. К тому же коды нам известны. Пусть эта крыса подавится своими кодами! – зло сказал Джош.

– Ну и как мы это обставим? – спросил Керрио.

– Что? Никак. Уйдём тихо, по-английски, едва притворив за собой дверь... – задумчиво проговорил Джош. – К тому же и прощаться нам не с кем, разве только я попрощаюсь со своими парнями, которые обрели тут покой.

– И я, – Керрио уронил голову на грудь.

– Что касается инсценировки гибели, то стоит мне вынуть чип из кармана и положить на стол...

– Он у тебя в кармане? Не испытывай судьбу, Джош! – закричал Керрио.

– ...то когда он охладится до температуры окружающей среды, будет считаться, что я мёртв, – с этими словами Джош вынул чип и положил его в самое чёрное место на столике в каюте № 5, затем вышел и плотно притворил дверь. – А они неплохо справляются с взрывами, – показал он куда-то вверх. – Мы можем улететь сейчас же. Пожалуй, начнём подготовку. А отчёт... Когда встретим на Земле Гершмита, то лично ознакомим его с отчётом.

– Но, Джош, мы не невидимки. Как, по-твоему, мы пройдем через заслон? Такой большой космолёт как «Экспедиция» вряд ли сможет остаться незамеченным.

– Прорвёмся, – усмехнулся капитан, – не впервой. К тому же, я вообще не уверен, что нам следует прятаться. Да, хотелось бы сделать «сюрприз», но будем реалистами. Самое главное – мы летим домой.

25. Домой

Три с половиной года, проведённые на спутнике Юпитера, не могли пройти даром: всё здесь уже опостылело до крайности, но ведь это место было их домом в течение столь долгого времени. Прощаясь с этим уголком Солнечной системы, с этим почти «потусторонним» миром, откуда Солнце кажется лишь крупной звездой на небосклоне, Джош даже немного взгрустнул. Ведь ясно же – никогда сюда не вернётся, это глава его жизни дописана целиком.

Решая, что выбрать в качестве промежуточной цели полёта, Луну или Марс, астронавты отдали предпочтение красной планете – по нескольким причинам. Лететь до Марса в ближайшие два-три месяца было существенно ближе – это раз. Как следствие, больше шансов остаться инкогнито, хотя на это они не рассчитывали. На Марсе можно было либо подзаправиться, либо, оставив «Экспедицию» в гордом одиночестве, улететь домой на одном из экскурсионных косморобусов – как вариант. Кроме того, у Джоша там было несколько знакомых, к чьей помощи они могли прибегнуть в случае необходимости.

Наконец, настал тот час, когда «Экспедиция» стартовала с Европы, круша и ломая лёд, которым обросла за годы долгого стояния, так сказать, пустила корни, и устремилась по направлению к Земле.

– Нас ждёт долгий перелёт, гиперсон нам в помощь. Недели две ты смело можешь посвятить сновидениям, – сказал капитан, обращаясь к Керрио.

– Нет, сэр, не стану на это размениваться, к тому же я припоминаю, что чувствовал себя полным дерьмом, когда проснулся в прошлый раз после этого гиперсна. В топку его, – попростому ответил молодой астронавт.

– Я, разумеется, тоже спать не стану. В моём возрасте начинаешь дорожить каждой секундой своей никчёмной жизни, не гнушаешься любой возможностью прочувствовать реальность прожитых дней, даже если жизнь не баловала, – подумав, Джош поправил себя: – Тем более, если жизнь не баловала.

День сменялся ночью, а на смену ночи снова приходил день. Для Джоша и Керрио понятие времени суток давно стало чистой формальностью, связь которой с физиологической предрасположенностью организма ко сну или бодрствованию была утеряна.

Оба понимали, что дорога домой может занять намного больше времени, чем полёт к Европе несколько лет назад. Потому что тогда, давно, космический коридор для их «Экспедиции» был тщательно просчитан на Земле сверхмощными компьютерами, благодаря чему большинство участков пути были пройдены скольжением – или лавированием – в гравитационных полях на скорости, лишь на порядок уступающей световой.

Сейчас астронавты также использовали гравитационное лавирование, но корабль при этом подвергался риску столкновения. Чтобы уменьшить риск, такие «скоростные» участки пути приходилось многократно укорачивать.

– Другого не дано, Керрио. Видишь ли, если мы перестанем лавировать, то будем полгода добираться до дому. Умрём от голода прежде, чем попадём на Марс, – сказал Джош.

– Капитан, я знаю это, – улыбнулся Керрио, запуская расчёт очередного космического коридора весьма скромной протяжённости.

Итак, благодаря навигационному искусству астронавтов и гениально сконструированному двигателю космолёта, пояс астероидов был достигнут спустя два с половиной месяца после начала полёта. Однако злая судьба продолжала испытывать «Экспедицию» и её малочисленный экипаж на прочность, в прямом и переносном смысле: корабль попал в метеорный поток. Приняв на себя ручное управление, астронавты повели свою махину, уворачиваясь от больших камней, но то и дело подвергаясь бомбардировке мелкими метеорами, предположительно безопасными для космолёта подобного уровня. «Экспедицию» кидало из стороны в сторону как шхуну, угодившую в шторм на море. Один из ударов оказался роковым.

– Проблема во втором отсеке, капитан, он заблокирован.

Бортовой компьютер после недолгой экспертизы выдал результат: требуется аварийная посадка.

– Мы должны посадить корабль в течение двадцати минут!

К счастью, «автоматная очередь» из метеоров закончилась. Холодный женский голос, которым какой-то умник наделил компьютер, равнодушно отсчитывал минуты, оставшиеся до взрыва во втором отсеке, который приведёт к сильному повреждению корабля, и, как следствие, к быстрой или медленной гибели астронавтов.

Керрио Винс распространял сигналы SOS во Вселенной.

Космический радар судорожно прощупывал близлежащие окрестности в поисках хоть какой-нибудь захудалой посадочной площадки.

Астронавты попрощались друг с другом крепким рукопожатием, обнялись, и уже были готовы попрощаться с жизнью, как вдруг радар выдал информацию об астероиде 5748, или очень на него похожем, который мог спасти экипаж «Экспедиции», равно как и убить в случае неудачного приземления. Терять было нечего, астронавты повели свой корабль, эту бомбу замедленного действия, на 5748-й.

На что им было надеяться даже в случае удачного приземления? Шансов на спасение почти не было. Оставалось верить в то, что взрыв будет не слишком сильным – это во-первых. Во-вторых, что они успеют удалиться от корабля на безопасное расстояние. В-третьих... ничего. Кроме мизерной, стремящейся к нулю возможности, что их призыв о помощи будет услышан, не проигнорирован, и спасатели – кем бы они ни были – успеют вовремя.

Сторонний наблюдатель, если бы таковой имелся, мог увидеть, как космический корабль, подлетев к астероиду, больше всего по своему виду напоминающему гигантский обломок неправильной формы, завис над ним, выпустил посадочные опоры, а затем мягко приземлился. В ту же минуту из люка выскочили два астронавта и скачками побежали прочь от корабля. Удалившись на безопасное по их оценкам расстояние, они укрылись за массивной скалой и начали ждать. Не прошло и пяти минут, как прогремел взрыв. За ним с секундным интервалом – второй, помощнее. Понятно, что услышать взрывы было нельзя ввиду отсутствия атмосферы, зато можно было почувствовать толчки и сотрясения.

И сторонний наблюдатель там был! Он был напуган невероятно. Взрывателей он видел не мало, но так, чтобы взрывали свой собственный космолёт... Крутые, видать, перцы!

– Кажется, мы спасены, но только наполовину, – сказал Джош.

– Вот именно, – вздохнул Керрио, продолжая отсылать SOS с помощью портативного сигнализатора, прихваченного с корабля. – И если мы не спасёмся на вторую половину, то лучше бы нам не спасаться и на первую.

Не успел он произнести эти слова, как из-за соседней скалы показалась сперва чья-то голова в скафандре, а затем в полный рост и сам обладатель этой головы. Он был весь измазан в зелёной флуоресцентной краске, благодаря чему светился в темноте, а в руке держал огромный баллон, по всей видимости, с краской того же цвета. Вид у него был озадаченный.

Джош и Керрио поднялись на ноги и несколькими жестами, во-первых, поприветствовали случайного встречного, а во-вторых, показали, что они настроены мирно и не имеют при себе оружия. Примерно пять минут потребовалось на то, чтобы настроиться на одну с ним радиоволну, познакомиться и вкратце обрисовать все обстоятельства, благодаря которым они оказались на этой далёкой от космических путей координате и очень нуждаются в помощи.

Его звали Дин Ларгон.

По всей видимости, перед ними был один из представителей нового молодёжного движения. Называются они довольно вычурно – нон-эмо-космодралы, и у них есть общие приметы: яркая одежда, большей частью ядовитых оттенков, «пульсары» в ушах (серьги из искусственных мигающих самоцветов). Важным отличительным знаком нон-эмо-космодралов является борода – чем длиннее, тем лучше. С помощью яркой одежды они стараются привлечь внимание к проблемам космоса («пульсары» символизируют связь с космосом), а борода означает приверженность к традиционным ценностям.

Принадлежность Дина Ларгона к движению нон-эмо-космодралов выдавали как раз таки «пульсары», а не борода. Мигающие, довольно крупные серёжки были хорошо заметны через прозрачный шлем сферической формы. Борода у Дина тоже была, но не слишком длинная, из чего можно было заключить, что её владелец не так давно влился в славные ряды нон-эмо-космодралов.

Вопреки последнему предположению, космический челнок (или космобиль) Дина был обшарпан так, будто в буквальном смысле бороздил межзвёздное пространство, побывал во многих переделках, в том числе и у чёрта на рогах. Впрочем, связь между этими двумя обстоятельствами далеко не очевидна.

– Объезженная у тебя кобылка, – сказал Керрио со знанием дела, кивнув в сторону челнока.

– Да, много всего пришлось нам вместе пережить, – согласился Дин Ларгон и рассказал, что, перескакивая с астероида на астероид, совершая по несколько взлётов и посадок в день, он так ловко наострился в этом деле, что, пожалуй, мог бы участвовать в соревнованиях среди космических экстремалов.

– Что, так всё и путешествуете по астероидам? – поинтересовался Джош после того, как их новый знакомый великодушно и совершенно бесплатно предложил им свою помощь и согласился «подкинуть до Марса», как он выразился, на своём космическом челноке.

– Пока да. И не я один. Астероиды – маленькие миры, у каждого из них, вы не поверите, свои особенности.

– Отчего же, охотно верю, молодой человек. И много вас, нон-эмо...

– ...космодралов!

– Да, космодралов, в поясе астероидов?

– Много, но гораздо больше космических агентов, которые снуют тут на своих дорогих челноках, выявляют богатые ископаемыми астероиды с помощью спектрографа, а затем лично помечают их логотипами своих фирм. А потом... – Дин Ларгон грустно вздохнул, – из

этих астероидов извлекается всё ценное прямо на месте, или после транспортировки до ближайшей базы – на Церере, например, много филиалов фирм, занимающихся такого рода деятельностью. Есть и браконьеры!

– Как всё поменялось с тех пор, как я последний раз пересекал пояс астероидов... – вздохнул Джош, покачав седой головой.

– Мы, нон-эмо-космодралы, – продолжал рассказывать Дин Ларгон, – против такого потребительского отношения к астероидам, ведь это всеобщее достояние, а кое-кто наживается и получает сверхприбыли!

– Как же вы боретесь?

– Устраиваем митинги протеста на Земле, Марсе, Луне, Церере, привлекаем на свою сторону прессу. Помечаем астероиды, на которых бываем, вот таким знаком, – Дин показал пальцем на удаляющийся астероид, на котором красовался едва заметный издалека символ – схематично изображённый профиль Клеопатры. Такой же символ, но выполненный профессионально, был на его скафандре. Важная особенность: профиль египетской царицы был изображён на фоне одноимённого и печально известного астероида 216, в виде косточки, который был растаскан одним из первых, благодаря содержащимся в нём металлам – в первую очередь никелю и железу.

Полёт до Марса занял довольно много времени, в течение которого Джош, будучи прекрасным рассказчиком, занимал Дина и Керрио историями из своей жизни, а также услышанными от других. Немало часов было посвящено и рассказам о бытности экипажа «Экспедиции» на Европе.

Несмотря на то, что Дин Ларгон настаивал на том, что спас астронавтов совершенно бескорыстно, Джош и Керрио щедро с ним расплатились по прибытии на красную планету, сполна окупив его затраты, а затем распрощались, высказав надежду повстречаться в будущем.

Теперь вся эта история с чипами-убийцами, вживлёнными в их тела незаконно, без согласия с «носителями», казалась дурным сном. Но всё-таки это было – гибель почти всей команды, извлечение имплантатов, взрыв в каюте. Теперь у Джоша не было с собой главного доказательства – самого чипа. Доставать его из потерпевшего крушение корабля было бы верхом безумия. К тому же эта кроха, жившая в его руке три с половиной года, могла взорваться в любой момент. Джош выбрал жизнь, пусть даже она не стоила теперь ни гроша.

Таким образом, главный вещдок, чип, по-прежнему свидетельствовал в пользу параноидальной идеи о запланированных убийствах, но находился где-то внутри космического корабля «Экспедиция» на астероиде под номером 5748, помеченным профилем египетской царицы.

...

Однако чуть позже произошло то, чего не мог предвидеть ни Джош, ни Керрио, ни уж тем более Дин Ларгон. Рядом с той самой скалой, за которой всего час тому назад скрывались астронавты, вдруг возникла абсолютно чёрная, бесформенная точка, с расплывчатыми, шевелящимися как щупальца спрута, краями. Вокруг была непроглядная тьма, но уверяем вас – чернота этой точки намного превосходила черноту самой чёрной ночи на самом отдалённом от Солнца астероиде. Ах, если бы только точка. Внезапно вокруг неё возникло завихрение, всё нарастающее – до тех пор, пока не приобрело вполне определённую и поддающуюся описанию форму человека в сером, с металлическим отливом

скафандре. В руках человек держал чёрный куб. От шлема исходил расширяющийся конусом луч света. Некоторое время человек стоял неподвижно, как изваяние.

– Взрыва не будет, не должно быть, сам я ничего не менял... А я точно ничего не менял? Ох уж это мне безвременье, в нём и заплутать недолго, – нервно прошептал человек, будто убеждая себя сделать хоть шаг по направлению к потерпевшему крушению космолёту. – Но кто там знает их, с их чипами. Взорвался же один на Европе, если только это не выдумка. А этот – ни в какую не хотел. Но ничего, мы ему поможем, поможем! Взорвётся, как миленький!

Поговорив так сам с собой какое-то время, человек неуверенно двинулся вперед, как ребёнок, делающий первые шаги. Для того чтобы открыть входной люк космолёта, ему пришлось изрядно попотеть, но всё же он сделал и это, воспользовавшись электронным ключом, напоминающим пульт управления.

– Ох уж мне эти космолёты 50-х! Ни за что бы тебя не открыл, консервная ты банка, не приволоки эти олухи тебя в музей через пару десятков лет. До чего же глупы и суетливы люди... Но иногда, нужно быть справедливым, это приносит свои плоды, – ворчал он себе под нос.

Побыв какое-то время внутри космолёта, он вышел, неся в руках всё тот же чёрный куб. Точка висела над скалой. Когда человек приблизился к ней вплотную, чёрные невидимые щупальца схватили его, подняли над поверхностью 5748-го, закружили вихрем (очевидно, разобрав по атомам) и тонкой струйкой втянули в себя безо всякого остатка. Произошёл лёгкий щелчок мироздания, и ворота в неведомое захлопнулись.

26. Тёмная комната

Аудиодневник Майкла Роу

>>>> ...Прошло больше года с тех пор, как наша команда работает на Европе, срок немалый. Теперь нас девять – вместе с теми двумя, которые прибыли на «Экспедиции-3». Долго команда не могла принять Билла Дэвиса из-за того, что он сделал. Сергей Кедров быстро влился, и на него уверенно стали распространять часть работы. К его чести следует сказать, что он не оставлял своего напарника, и мало-помалу тот вошёл в коллектив. Оправданием ему служил приказ, которому он следовал. Окончательно приняли его только тогда, когда он покаялся перед всеми за совершённый поступок.

К меллам с тех пор мы не ходили – лучше так, порознь. Известно, что в давние времена люди нетерпимо относились даже к представителям других национальностей и с трудом уживались вместе на одной территории. Тут же – другой вид разума, устроенный иначе, чем человеческий. Незваные гости тут мы.

Что касается меня, то вместе с полученными аквалангами, подлодкой и другими техническими новинками жизнь моя как исследователя вышла на новый качественный уровень. Но без происшествий не обошлось, чего стоит, например, опыт, приобретённый Крисом и Эльзой на дне океана. Раз Европа породила таких монстров, а это были, так сказать, первые встречные монстры, то нам следует держаться от них подальше, так как кроме ядерных боеголовок нам и противопоставить-то нечего. Да и имеем ли мы моральное право распоряжаться на чужой земле чужими жизнями. Повторяю, гости или захватчики, как вам больше нравится, здесь именно мы.

Поэтому на самое дно океана мы больше не опускаемся. Зато совершили кругосветное путешествие на подводной лодке, узнав при этом много интересного, открыв новые виды животных. Однажды подверглись нападению головоногих, окутывающих себя облаком чёрного дыма, но избежали кровавой бойни, просто-напросто включив ускорение. Эстер сказала, что это Смолистые. Припоминаю, что именно такое животное повстречалось ей в тот злосчастный день, когда она исчезла.

Во время нашего путешествия произошло ещё кое-что... Только никому ни слова, я вас предупредил! Живёт в океане некая эфемерная сущность, фантом. Хотя кто знает, может, всё наоборот – нечто реальное и сравнимое с вечностью. Вот как всё это было. Однажды наши приборы зафиксировали, что мы приближаемся к огромному живому организму, плавно покачивающемуся в пучине вод. Мы резко снизили скорость, чтобы избежать столкновения и, бьюсь об заклад, успели бы, но тут «Атлантиду» будто притянуло мощным магнитом. Скорость упала до нуля, двигатели заглохли, приборы точно с ума все посходили. По всем признакам выходило, что мы пребываем внутри этого существа, но на экранах ничего не было видно, то есть всё, как обычно: вода, безмятежно плывущие куда-то стайки рыб... Попытки разогнать субмарину ни к чему не привели, мы вроде как завязли в невидимой трясине. Спустя каких-то пару минут всё закончилось. Лично у меня создалось ощущение, что, испробовав «Атлантиду» на свой взыскательный вкус, это порождение водной стихии просто выплюнуло её за ненадобностью. Мы поплыли дальше. Что это было – неизвестно. Может, сам дух океана, один из тех, про которых когда-то рассказывал нам Неянин.

Кристина Белова сделала научное открытие, связанное со спектром излучения Юпитера. В этом ей помогла новая аппаратура, которая была доставлена на грузовом

корабле. Она стала работать ещё увлечённое на поверхности Европы, так, что теперь океан её ни мало не привлекает. Однажды она выдала что-то вроде: «Оказывается, циклотронный механизм регенерации икс-лучей пульсирующих пятен коррелирует с величиной флуктуации спорадического радиоизлучения, источником которого являются плазменные бета-колебания в ионосфере!». Ей-богу, дословно я не запомнил, мог что-то и перепутать! Вид у неё был гамма-торжествующий, будто всё её существо пело: «Эврика!». Ещё она добавила что-то про ледяное сияние. Не знаю, как капитан, а я немного переживаю по поводу такой одержимости: вдруг она подверглась гипнотическому влиянию со стороны Юпитера, так сказать, подпала под его животный магнетизм. Лично я опасаясь даже лишней раз взглянуть на немигающий глаз Танна – так меллы называют Юпитер, обожествив его и очеловечив. Ха! Я сказал «очеловечив». Думаю, понятно, что я имею в виду: наделив его качествами разумного существа. Например, добротой, могуществом, чувством справедливости, прозорливостью и дальновидностью.

Сегодня капитан объявил, что на днях нас ожидает лёгкий мозговстряс, если вы понимаете, о чём я. «Не было печали, так черти накачали» – так сказал он об этом. Нам пришлют видеозапись вопросов некой дамочки, ведущей ток-шоу «Тёмная комната», а мы должны будем собраться все вместе в кают-компанию, включить видеокамеру и ответить на эти вопросы. Эх, придётся немного попозировать, спасибо, что не каждый день. На самом деле, нам пришлось усаживаться дважды, так как наши ответы на вопросы породили новые вопросы у этой дамочки. Зовут её, кажется, Азарни.

Думаю, что скрывать нам, конечно, нечего, совесть у нас чиста, но, тем не менее, что-то хотелось бы обойти в разговоре. Например, упоминания о разумных существах. По крайней мере, таким было первое желание, на смену которого пришло понимание: информация о меллах всё равно распространится, что, собственно, уже и произошло, о чём красноречиво свидетельствует история с Биллом Дэвисом и гибелью Неянина. Поэтому наоборот следует рассказать людям о найденных разумных существах и постараться донести мысль о том, что меллов надо оставить в покое. Да, вот так просто. Оставить любые намерения по отношению к ним – злые само собой, но равно и добрые. Само наше присутствие на Европе безнравственно, только одно нас оправдывает – сначала мы прилетели, а лишь потом узнали. В связи с этим напрашивается вопрос: а если бы сперва узнали, то что, не прилетели бы? Ещё стремительнее. Такие уж мы, человеки. Любопытство и жажда знаний – хорошо, но иногда нужно притормозить и задуматься: разве не должны мы поступать с другими так, как нам хотелось бы, чтобы поступали с нами? Разве это не краеугольный камень морали? <<<<

...

Целые сутки провёл он в раздумьях. А лучше сказать, в терзаниях. В непонятных таких терзаниях. Он не какой-то уголовник, а вип-персона, известный человек. Будто известный человек не может быть уголовником... Но он не сделал ничего такого, чего ему следует стыдиться – по крайней мере, перед собой он чист, а это главное. И он всегда поступал так, как считал нужным. Да, и на этот раз он был прав, потому что действовал в интересах... мм... науки, освоения космоса. Да как они смеют! Делать ему такие намёки. Никто ни до чего не дознается, даже если где-то он и перегнул палку.

И поэтому, вернувшись с теннисного корта в свой большой загородный дом, а тренировка была долгой и изнурительной, иначе нельзя, приняв душ, он уверенно набрал ненавистный ему номер телефона и сказал только три слова: «Подтверждаю своё участие».

Но к вечеру опять одолели сомнения, вернулись переживания, он опять разнервничался до головной боли. Таблетка не помогла. Дождавшись, когда в доме совсем стихнет, он снова подошёл к телефону.

– В прессу просочилась лишняя информация о проекте «Юпитер-Европа», кажется, им стало известно о гибели астронавтов, – осторожно произнёс Гершмит.

– Так... официальной версии с нашей стороны не было? Я имею в виду про гибель астронавтов? Что касается проекта, то с самого начала было ясно – засекречен он только временно.

– Не было никакой версии. Существовала только специально состряпанная легенда для астронавтов второй «Экспедиции» – им сказали, что погибли четверо из восьми их предшественников. Полагаю, иначе они бы не полетели.

– Логично, – было слышно, что человеку на другом конце трубки последнее замечание Гершмита добавило веселья. – Ну что ты хочешь, это же журналисты... Пятьдесят на пятьдесят их не устраивает. Им подавай кровь, смерть, жуткие подробности... Это их хлеб. Кстати, возможно, блефуют?

– Возможно. Мне пришлось дать согласие на видео-интервью с Европой. Так или иначе, на завтра назначено ток-шоу...

– Этого нам ещё не хватало. Отмени. Откажись.

– Было бы глупо не использовать такой шанс, чтобы сразу отмести все вопросы. К тому же я уже дал подтверждение, – довольно бодро заявил «главный европеец».

– Тогда опереди их, признай это первым, сделай заявление. Покайся от лица МКА, скажи, да, теперь стало совершенно ясно, что все восемь астронавтов «Экспедиции» погибли на Европе. Напомни им, насколько тернист и труден путь исследователей космоса. Кстати, всё было прописано у них в контракте, все они шли на смерть.

– В контракте было только про высочайший риск.

– Я так и сказал.

– Ещё... они предупредили, что у них открылись новые факты. И даже... что это мой шанс оправдаться, – сухим голосом пробормотал Гершмит.

– Ты знаешь, о чём должен умолчать, – после длинной паузы произнёс его собеседник и повесил трубку.

5 июня 2055 года, Токио.

Большой круглый зал был полон народу. Он разделялся на несколько секторов, как срез апельсина; одну треть уверенно занимала сцена, остальное – места для зрителей и экспертов. Декорацией служило анимированное трёхмерное изображение на космическую тематику – некое попури: тут и космический корабль, летящий на фоне мерцающих звёзд, и чарующая взоры туманность Андромеды, и красноватое из-за пылинок, переносимых ветром, марсианское небо, и оклололунный телескоп «Оракул» – самые большие глаза и уши человечества на сегодняшний момент.

С минуты на минуту должно было начаться известное на весь мир шоу «Тёмная комната», прославившееся тем, что на нём в прямом эфире с молниеносной быстротой поднимались проблемы, зачастую даже не успевшие стать актуальными. Такая сверхоперативность была возможна благодаря слаженной работе команды, звездой первой величины которой сияла несравненная Азарни – ведущая этого ток-шоу.

Она появилась на сцене под овации, и представление началось. Произнеся несколько

заготовленных фраз об астронавтах, чьи героические будни мы, простые смертные, давно таковыми не считаем, о покорении далёких лун, о семимильной поступи научно-технического прогресса, она задала провокационный вопрос залу: «Ваша первая фраза после того, как вы вдруг узнаете, что одна из планет Солнечной системы, кроме Земли, населена разумными существами?», потребовав на него ответа у нескольких человек. Затем объявила первого гостя:

– Встречайте! Джонатан Гершмит, в разное время руководил несколькими крупными космическими программами, в настоящий момент под его началом осуществляется проект «Юпитер-Европа».

Яркий, самоуверенный, знающий себе цену руководитель легко взошёл на сцену, взмахами обеих рук подбадривая зал на аплодисменты, а затем уселся в одно из белоснежных кресел, стоящих на сцене, перекинув ногу на ногу.

– Сэр, готовы ли приподнять завесу тайны над проектом, посвятить нас в его суть, рассказать, что нового стало известно благодаря работе вашей команды?

– Я вижу, что настала пора зажечь свет в этой тёмной комнате, – ответил Гершмит, а затем, выдержав секундную паузу, чтобы все успели оценить, как ловко он обыграл название шоу, продолжил: – Сразу предупреждаю: когда вы слышите слово «Европа» от людей, приближенных к космосу, то скорей всего это слово означает не часть света, а один из многочисленных спутников Юпитера. Европа заинтересовала нас, прежде всего, своим подлёдным океаном, а также возможностью получше познакомиться с Юпитером, рассмотреть его, как говорится, через увеличительное стекло. Так вот, проект «Юпитер-Европа» начался более пятнадцати лет назад разработкой и запуском автоматической станции «J-Water-1». Она была направлена к Европе 12 марта 2040 года, перед ней стоял круг измерительных и картографических задач, с которыми она успешно справилась.

– Насколько мне известно, на Европу были посланы люди, которые создали во льду грот и оборудовали в нём научную станцию. Теперь это дом для учёных, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, – сказала Азарни.

– Совершенно верно, вы неплохо осведомлены. Да, действительно, сейчас на Европе трудится команда астронавтов-исследователей в составе из девяти человек, которые в основном занимаются исследованием океана. Они обеспечены всей необходимой техникой – батискафами, аквалангами, гидроботами, есть даже небольшая подводная лодка на ядерном топливе. Часть учёных работает на поверхности Юпитера, сфера деятельности, поверьте, обширная. Совершенно множество научных открытий, которые в своё время будут обнародованы, открыты новые виды животных, – зал при этих словах ахнул и затаил дыхание, приготовившись внимать каждому слову. – Да, Европа, как оказалось, богата флорой и фауной. Это уникальный мир.

– Астронавты, которые сейчас находятся на Европе... Как они себя чувствуют?

– У них есть всё для полноценной жизни. Надо сказать, что обитаемый модуль, называется он «Галактика», долго и тщательно создавался на Земле, прежде чем был установлен на Европе. В его разработке участвовало множество специалистов, в том числе психологов. Подбором экипажа, помимо других специалистов, также занимались психологи.

– То есть вы уверены в том, что все астронавты на МКС «Галактика» в добром здравии? – уточнила Азарни.

– Несомненно. К чему вы клоните? – заволновался Гершмит.

– Просто я подумала о людях, которые побывали на Европе до этой команды, –

помедлив, сказала Азарни. – О тех, чьими руками была построена МКС. Каковы судьбы этих людей?

Гершмит, слегка откашлявшись, торжественно произнёс:

– От имени международного агентства космонавтики я готов сделать заявление. Поверьте, нелегко говорить это вслух, слова так и стынут в горле, – услышав это, зрители на своих местах слегка подались вперёд. – Все восемь членов экипажа космического корабля «Экспедиция», посланного на Европу первым, героически погибли, выполнив свой долг.

В зале стояла полнейшая тишина, когда Гершмит перечислял поимённо первопроходцев Европы. На вопрос Азарни об обстоятельствах, приведших к гибели людей, он ответил, что погибли они не одновременно, а при различных обстоятельствах, большая часть которых не установлена и оставляет место для гипотез и домыслов.

– Для гипотез и домыслов оставляет также место тот факт, что об «Экспедиции» большинство из нас узнало за минуту до того, как прослышало о её гибели, – глубокомысленно произнесла Азарни и, а затем подвела промежуточные итоги:

– Итак, что мы имеем: меллы – гипотетические создания, описанные в рассказе, внезапно вызывают бурю сочувствия у читающих фантастику тибетских монахов, до такой степени, что они производят несколько церемоний в защиту маленьких крох. Только ли? Сэр Гершмит, что вам про это известно?

– Ээ... Долгое время я не мог поверить в существование разумной жизни где бы то ни было, кроме Земли. То есть отрывочные сведения разного рода, конечно, имеются, но кто видел этих инопланетян? Вот такого рода сомнения... Сейчас я могу достоверно заявить: да, на Европе есть пещеры, заселённые разумными существами, обладающими сверхъестественными способностями, благодаря которым они могут манипулировать астронавтами, гипнотизировать, подчинять своей воле. Приоткрывая и дальше завесу тайны, скажу, что именно эти... меллы виновны в гибели всего состава первой «Экспедиции». Если бы мы узнали о них раньше, то смогли бы предотвратить трагедию, разыгравшуюся на Европе!

В очередной раз в зале повисла тишина, потревоженная через некоторое время вопросами маститых экспертов и зрителей со своих мест. В основном людей интересовал внешний вид инопланетян; на подобные вопросы Окин терпеливо отвечала, что никогда не видела меллов, а просто придумала их; Гершмит же нервничал и говорил, что только наслышан об их существовании, но лучше бы их вообще не было.

После того, как первая волна вопросов улеглась, ведущая провозгласила продолжение шоу:

– Вместе с нами сегодня – звёздная команда, которая уже больше года живёт и работает на спутнике Юпитера! – загорелся большой экран, на котором зрители увидели астронавтов, собравшихся в кают-компанию. Центральной фигурой был капитан Егор Донцов – открытая улыбка, уверенный взгляд; было видно, что именно он приготовился отвечать.

Азарни рассказала, каким образом будет происходить интервью. На Европу отправлялись фильмы, в которых Азарни задавала свои вопросы. Вопросов было много. Астронавты на них отвечали и прислали свои фильмы. Получилось подобие беседы. И теперь, если в ходе разбирательства возникнет вопрос, на который есть ответ, над экраном замигает зелёное табло и можно будет просмотреть фрагмент фильма, в котором астронавты отвечают именно на этот вопрос. Устроители шоу, объединив свои усилия с МКА, пошли на такой эксперимент для того чтобы на суд зрителей предоставить полную картину

происходящего.

После приветствия Азарни обратилась к капитану:

– Егор, у всех ли астронавтов хорошее самочувствие?

Над экраном и вправду замигало зелёное табло. Получив утвердительный ответ от капитана, Азарни попросила рассказать всё, что известно ему о людях, чьими руками была построена научная станция «Галактика» – о первопроходцах.

– До нас на Европе работала команда из восьми человек, я знаю их всех по именам, а с некоторыми был знаком лично – это известные в нашем профессиональном кругу люди. До начала полёта Джонатан Гершмит предупредил меня о том, что некоторые из наших предшественников, четверо из восьми, погибли на Европе, и поэтому мне было приказано докладывать в МКА обо всём, что может пролить свет на обстоятельства, приведшие к гибели этих людей.

– Спасибо, Егор. Вопрос к сэру Гершмиту: не думаю, что я ослышалась – «четверо из восьми». Но несколько минут назад вами было сделано заявление о гибели всего экипажа «Экспедиции».

– В то время мы не располагали всеми сведениями, как ни странно это звучит, и жива была некоторая надежда... – ответил Гершмит. Глаза его загравленно поблёскивали, как будто просили о снисхождении.

– Немного настораживает сам факт того, что МКА не владеет полной информацией с здоровье и жизни людей, завербованных для тяжёлой работы вдали от родной планеты. Возможно, сыграло злую роль отсутствие доверительных отношений? К сожалению, наша передача ограничена по времени, мы не можем выяснить всех нюансов, но мы можем забить тревогу, – сделав паузу, она снова повернулась к капитану: – Егор, нам стало известно, что на Европе найдена разумная жизнь, что вы можете сказать по этому поводу?

Замигало зелёное табло.

– Моим первым желанием было скрывать это как можно дольше, но уже слишком поздно. Да, на Европе живут разумные существа – называются они меллы, это, насколько я понимаю, самоназвание. Это абсолютно беззлобные, дружелюбные, очень любопытные, обладающие паранормальными способностями, а также научившиеся в процессе эволюции объединять свои умственные усилия – то, что мы называем групповым разумом. И это ещё не всё. У них есть общая генетическая память, некое хранилище, откуда с ловкостью жонглёров они могут извлекать воспоминания о событиях любой давности. Эти существа уникальны и самобытны. Несмотря на свои способности, они почти беззащитны. Для них любая агрессия противоестественна, чего нельзя сказать о людях.

– Вы подвергались гипнозу или другим воздействиям со стороны инопланетян? – спросила Азарни.

– Нет, – ответил Егор не слишком уверенно, вспомнив случай с исчезновением Эстер. Очевидно, что меллы, заставив её позабыть о контакте, стремились таким образом изолировать себя от людей. Вреда же ей причинено не было. Поэтому уже с полной уверенностью в голосе он добавил: – Мне неизвестны случаи вражды со стороны меллов по отношению к людям.

– Вы сказали, что хотели бы скрыть от людей правду о разумной жизни на Европе. Почему?

– Из-за моего отношения к этому. Мы, наша команда, являемся невольными оккупантами на чужой территории. Нас никто не звал, от нас одни беды для меллов. Но

сейчас уже поздно что-либо скрывать – это не защитит их. Наоборот, сейчас я собираюсь воспользоваться случаем и рассказать про агрессивные планы МКА по отношению к меллам, – решительно заявил капитан.

– Вы располагаете фактами подобной агрессии? – спросила Азарни.

– Безусловно. Это приказ на уничтожение меллов, полученный лично Сергеем Кедровым и Биллом Дэвисом – астронавтами, которые прибыли на МКС восемь с половиной месяцев назад.

– Протестую! – Гершмит соскочил со своего места, не в силах сдержаться, но тут же сел обратно.

– Сэр Гершмит, не стоит отрицать. Вам, наверное, отрадно будет узнать, что, по крайней мере, одна «вражеская единица» уничтожена согласно вашему приказу. Это мы тоже узнали от астронавтов, – сказала Азарни.

– Я не отрицаю, что издал подобный приказ, но вы ответите за то, что раскрываете секретные директивы! Я обладаю большей информацией, нежели вы. Астронавты находятся сейчас во власти гипноза и даже не замечают этого. Они перед лицом смертельной опасности. Вы знаете, что произошло с их предшественниками?

– Теперь знаем: они погибли все, – ответила ведущая.

– Да, они погибли, и виной тому – целое сонмище гипнотизёров недалеко от МКС! – Гершмит как будто не замечал, что в его голосе проскакивают визгливые нотки.

Неожиданно и как-то озорно подмигнуло зелёное табло над экраном (операторы, видимо, веселились на всю катушку):

– Ага, в двух кварталах. И у них конференция по вселенскому групповому разуму! – это ввернул ехидное словечко Крис Ковач, но сразу смолк, стоило капитану зыркнуть на него. Тем не менее, его замечание вызвало смешки в зале.

– У меня вопрос к сэру Гершмиту, – сказала Азарни. – Если вы так уверены в том, что именно инопланетяне убили астронавтов первой «Экспедиции», почему в это логово зла – иначе и не назвать! – была отправлена новая команда?

– Я уже, по-моему, не раз говорил, что мы мечемся в догадках и можем утверждать что-то только с известной долей вероятности. Далеко не все факты открылись сразу, – снова уклонился от прямого ответа Гершмит.

– Я правильно поняла вас: нет ни одного факта, подтверждающего виновность инопланетян в смерти астронавтов, есть только подозрения? – спросила ведущая, глядя Гершмиту прямо в глаза.

Он попал в ловушку и заметался. Стал просчитывать на несколько ходов вперёд как шахматист, желающий избежать мата. Если настаивать на существовании «фактов», то следует их перечислить. Возникает дилемма: либо сказать, что данная информация секретна, но в этом случае он лишь отдалит своё фиаско; либо придумать с ходу эти самые факты – опять-таки скользкий путь, хотя проверить им будет сложно... Тогда резонный вопрос – откуда он сам понабрался этих фактов? Спросят, и рухнут все построения. Нет, не подходит. Если признать, что нет фактов, но слишком много совпадений, из которых вытекает целая теория – да, вот так лучше всего.

– Возможно ли собрать факты? Да. Мои факты – это гибель восьмерых астронавтов, одного за другим, при таинственных обстоятельствах. Это были здоровые, психически устойчивые люди, но, тем не менее, все они погибли. Единственное, что можно было предположить – внешний фактор. Когда мы узнали об этих существах, меллах, которые

могли говорить с людьми, не зная языка – посредством телепатии, то всё объяснилось. Мощные гипнотизёры, желающие во что бы то ни стало изгнать пришельцев со своей территории.

– Есть такое понятие в юриспруденции как «презумпция невиновности», и хотя вряд ли Европа находится в юрисдикции Земли, всё-таки, положив руку на сердце, хотелось бы обобщить: любое разумное существо не виновно, пока не доказано обратное, – вдумчиво произнесла Азарни. – Но наше ток-шоу это не судебное разбирательство, отнюдь. Поэтому – встречайте новых гостей! Это те, кто внесёт ясность в наше дело!

Если бы Джонатан Гершмит стоял сейчас на ногах, то он упал бы. В зал вошли два астронавта, облачённые в узнаваемые жёлтые космические скафандры без шлемов.

– Перед нами – астронавты Джош Бир и Керрио Винс! – представила Азарни. Гершмит в это время лихорадочно протирал очки носовым платком. – Присаживайтесь, господа. И сразу вопрос: назовите место вашего присутствия ну, скажем, два года тому назад?

– Не могу похвастаться феноменальной памятью, – сказал один из астронавтов, тот, который был старше, – но я точно не ошибусь, если скажу, что два года назад я был на одном из спутников Юпитера, на Европе. С уверенностью заявляю, что и Керрио был там же.

Гершмит, наконец, привёл в порядок свои очки и уставился на посетителей.

– Вы, конечно, не могли быть свидетелями, – сказала ведущая, обращаясь к астронавтам, – но всего несколько минут назад руководитель проекта «Юпитер-Европа» объявил во всеулышанье, что восемь астронавтов «Экспедиции» погибли на Европе. Вы же своим появлением опрокинули всю теорию. Сэр Гершмит, как вы можете это объяснить?

– Не знаю, ничего не знаю, – «главный европеец» был раздражён не на шутку. – Вы проверили их личности, прежде чем предъявлять их сюда?

– Само собой. Сомневаетесь в нашем профессионализме только потому, что мы сомневаемся в вашем? – это был вопрос «в воздух», после которого Азарни сразу перевела своё внимание на Джоша и Керрио: – Расскажите о том, что, по-вашему, произошло на Европе – я имею в виду гибель шести астронавтов из экипажа «Экспедиции».

Джош рассказал, как одного за другим терял своих людей, здоровых, полных сил, о терзающих его догадках на грани сумасшествия, о том, как подтвердились подозрения об имплантатах, и как однажды, набравшись смелости, они с Керрио вырезали их. Рассказал он и о найденных доказательствах существования разумных существ на Европе. О полученном приказе E-87 на уничтожение этих существ, по всей видимости, выражающем интересы определённых лиц. О том, что им не дали даже код на взлёт, несмотря на то, что работа по обустройству научной станции была выполнена; о взрыве в каюте. Рассказал, как они направились к Марсу, совершили аварийную посадку на одном из «островков» астероидного пояса и уже готовы были прощаться с жизнью, но получили руку помощи от случайно оказавшегося поблизости Дина Ларгона.

– Мы проверили этот чип, – торжественно заявила Азарни, когда история Джоша подошла к концу.

– Что? – переспросил капитан первой «Экспедиции», как будто плохо расслышал.

– Мы провели экспертизу над вашим имплантатом, – повторила ведущая.

– Как? Где взяли? Извините, но это невозможно, он на астероиде...

– Именно там и взяли, – радостно сказала Азарни, видимо, получая удовольствие от недоумения Джоша. – А как мы это сделали, и кто нам в этом помог, вы узнаете спустя всего несколько секунд! Поэтому встречайте нового гостя, представителя молодёжного

неформального течения нон-эмо-космодралов, Дина Ларгона!

Благодарный зрительский зал в очередной раз взорвался аплодисментами, и на сцену уверенной размашистой походкой вышел Дин Ларгон собственной персоной. Джош и Керрио признали его с трудом, потому что он окультурил свою бороду, был одет в строгий деловой костюм, причёсан, приглажен, отутюжен – ничего не выдавало в нём того взъерошенного, обросшего молодого человека со слегка ошалелыми глазами, которого им посчастливилось повстречать на астероиде одиннадцать месяцев тому назад. Ничего, кроме «пульсаров» в ушах и прикреплённой к лацкану пиджака эмблемы, изображающей Клеопатру – царицу и астероид.

В качестве приветствия неформал пожал руки астронавтам, Гершмиту, галантно склонился над ручкой Окин. Ведущая попросила его рассказать о том, чем он занимается, и как могло произойти, что он находился «на нужном астероиде в нужное время». Дин охотно и подробно ответил на все вопросы.

Вскоре выяснилось, что только благодаря его равнодушию и активной жизненной позиции об астронавтах – Джоше Бире и Керрио Винсе – стало известно организаторам шоу «Тёмная комната». При его деятельном участии на 5748-й астероид была высажена группа поисковиков, в основном роботов, и космический корабль, потерпевший крушение, был вскрыт и осмотрен. После нескольких часов работы поисковой группы была достигнута основная цель: на борту «Экспедиции» был найден маленький электронный чип. Его поместили в контейнер, не являющийся прозрачным ни для одного вида излучения, используемого людьми в технических целях, и доставили на Землю для изучения.

– Это устройство способно вырабатывать волны, которые влияют на психику человека, в том числе и негативно. Например, могут усиливать депрессию, преуменьшать чувство опасности, нарушать внимание, даже запрограммировать человека покончить с собой. И – о, да! – чип может взрываться при получении соответствующего сигнального кода извне! – грустно и как-то обречённо сказала ведущая.

Гершмит был повержен и всем своим видом выражал теперь безразличие к происходящему.

– Клянусь, я ничего не знал, но скорей всего вы врётё, – промямлил он невнятно, и совсем потерялся лицом.

– Может быть, астронавтам, которые находятся сейчас на Европе, тоже грозит опасность? – продолжала Азарни. – Узнаем, что им известно об имплантатах.

Табло над экраном мигнуло, и Егор Донцов рассказал о чипе, который старейшина племени меллов достал из руки Аэра Холлингсворта по просьбе самого астронавта. И о том, что это электронное устройство хранится в настоящее время у него в каюте.

Азарни обратилась к Джошу Биру:

– Как вы думаете, что следует предпринять астронавтам, чтобы обезопасить себя?

– Взрыв в каюте был не слишком сильный, – ответил Джош Бир, – но достаточный для того, чтобы с гарантией прикончить носителя. Советую астронавтам избавиться от этой штуковины как можно скорее – например, вынести на поверхность или утопить в океане...

– Не стоит уничтожать его, – вмешалась Азарни, – нужно оставить чип в качестве дополнительной улики. Вынести на поверхность – да, это лучше, чем топить в океане. Вопрос к Джонатану Гершмиту: правда ли, что в каждом астронавте по имплантату?

– Нет, в этих ничего нет, – хрипло и тихо сказал Гершмит, но с первыми же его словами установилась такая напряжённая тишина, что каждое последующее слово будто усиливалось

эхом. – Все они, со второй, с третьей «Экспедиции», достаточно управляемы, позитивны, настойчивы, предсказуемы, социальны. Да, жизнелюбивы. Это было условием подбора. А знаете ли вы, что за контингент был послан на Европу в первую очередь? Это бунтари, некоторые даже бывшие уголовники! Их отбирали по другому критерию. «Матёрый человечище» – знакомо вам такое понятие? Так вот, матёрым человечищам самое место на окраине солнечной системы. Ну, так и получилось, что они все как на подбор... Почти все. У нас не оставалось выбора. Интеллектуальный Чип Управления Эмоциями – так это звучит. Целый компьютер в одной таблетке. Если человек впадал в депрессию, причем настолько тяжёлую, что рассеивая вокруг себя флюиды отчаяния, мог заразить и остальных, то чип принимал единственно верное решение из целого спектра. Например, он мог помочь человеку справиться с депрессией, излучая антидепрессанты. Редко – в безнадежном случае – усилить эффект депрессии в отношении самого человека, с тем, чтобы он не смог заразить своим унынием остальных. Каким образом? Являя окружающим резкий отрицательный пример, которому интуитивно они не хотели следовать. Возможно, что после зеркального эффекта человек подсознательно стремился самоуничтожиться. Я не программировал эти чипы, поэтому не знаю! На что чип мог подтолкнуть? На самоубийство? Не верю. Допускаю, что самое большее на подсознательное стремление к опасным ситуациям, «случайной» забывчивости, невнимательности и так далее. Таким же образом контролировались и любые проявления агрессивности. Повторяю, чип самостоятельно принимал решения!

– Главное решение изначально принимается человеком, а не электроникой. Вы понимаете, о чём я. Ответственность понесут люди, а не чипы, – сказала Азарни. – И всё-таки: а как же взрыв? Чип принял решение самоуничтожиться, захватив с собой по возможности наибольшее количество людей на тот свет? Его можно понять, он не хотел садиться в тюрьму!

– Вы ничего не докажете. Откуда я знаю, что у Винса там взорвалось в каюте.

– Ошибаетесь, это уже доказано. По всей видимости, с Земли была послана последовательность сигналов, представляющая собой уникальный код. Какая именно последовательность – скоро узнаем. Сейчас это выясняет группа дешифровщиков. Позвольте, я задам ещё один вопрос. Как вы думаете, почему чипы во всех случаях принимали решение не в пользу своего носителя? Из рассказа капитана Бира я поняла, что погибали люди здоровые, весёлые, полные энергии и желания работать.

– Это субъективное восприятие капитана Бира, – буркнул Гершмит, и будто вспомнив что-то, быстро добавил: – Не надо придавать такое значение этим чипам, они вполне безобидны, протестированы в лаборатории! Сосредоточьте своё главное внимание на инопланетянах с паранормальными способностями. У чипов нет и не может быть мотива, а у инопланетян он налицо!

– К сожалению или к радости, но наше ток-шоу в прямом эфире подошло к концу. Все материалы данной передачи будут направлены в соответствующие органы, которые, к слову, ими уже заинтересовались. Разбирательство всего произошедшего на Европе требуют более детального подхода, чем в нашей передаче. Но кое-что, как говорится, уже есть: противозаконно вживлять в людей имплантаты без их согласия – это раз. Нарушены нормы морали по отношению к разумным инопланетным существам, именующими себя меллами, – это два. Разве не должны мы поступать с другими так, как нам хотелось бы, чтобы поступали с нами?

Зал зашевелился, поток людей медленно потянулся к выходу. Блистательная Азарни

принимала цветы от зрителей. Астронавты с далёкой космической станции махнули напоследок рукой, и экран, соединяющий два мира, погас.

Джош и Керрио увлечённо разговаривали с Дином Ларгоном – человеком, обладающим редким даром: направлять поток своей энергии в нужное русло. К Джонатану Гершмиту подошли два человека в одинаковых тёмно-серых костюмах и посоветовали не покидать Землю в ближайшие несколько суток.

27. Космическая клятва

Пронзая невидимые волны межзвёздного эфира, космический исполин «Экспедиция-3» на чудовищной скорости мчался по направлению к Земле. До дома оставалось не более двух суток. Капитан корабля, недавно очнувшийся от долгого гиперсна, вглядывался в расплывчатый голубоватый диск на огромном экране. В горле встал ком, защемило где-то в области солнечного сплетения. Душа, не иначе. Сколько их было – взлётов и посадок, расставаний и встреч, сколько их ещё будет...

Его лицо – чуть красноватое, будто навеки впитавшее в себя марсианскую пыль. Светлые, зачёсанные назад волосы. Смеющиеся голубые глаза.

На борту корабля находились и те, кто возвращался домой в последний раз: овечьные космической славой Герман Зотов, Роберт Лоуренс и Грэм Питерс.

...

Прошло уже три месяца с тех пор, как Азарни в своём всемирно известном шоу осветила потаённые уголки космического проекта «Юпитер-Европа», но расследование до сих пор продолжается. Джонатану Гершмиту предъявлено обвинение по одной из статей Свода Законов – в организации преступных действий по вживлению в организмы людей электронных устройств обманным путем, то есть без согласия этих людей.

Что касается его секретных депеш, которые он отправлял астронавтам, желая заставить их проливать чужую кровь на чужой планете, то тут он не подпадал де-юре ни под какую статью по той простой причине, что речь шла о подстрекательстве к уничтожению не людей, а *всего лишь* меллов. Правда, некоторые сотрудники МКА, возмущённые тем, что творилось у них под боком, ратовали за то, что имело место грубое превышение полномочий. Это оставалось спорным вопросом: что ни говори, а формально Гершмит мог издавать подобные приказы, поскольку всё, что могло ему в этом помешать, не было обрисовано достаточно чётко в соответствующих положениях. А как известно, разрешено всё, что не запрещено. Для того же, чтобы сместить «главного европейца» с должности, достаточно было и предстоящей ему уголовной ответственности за вживление имплантатов.

Закономерно, что и в свете финансов проект «Юпитер-Европа» зиял чёрными дырами и удивлял, простите за каламбур, космическими нестыковками. Проверкой занялась специальная комиссия, хотя было изначально ясно, что вряд ли они увидят свет в конце туннеля: уж очень далеко находился основной объект затрат – научная станция «Галактика».

Однако, по вполне понятным причинам больше всего словопрений навеяла ситуация с инопланетянами: как должно и справедливо к ним отнестись. Поэтому возникла потребность в правилах, которые могли бы стать прообразом, а вернее и с точностью наоборот, антиподом закона, предусматривающего наказание за их нарушение.

Имеет смысл изложить здесь лишь основное из «Космической клятвы», рождённой в обсуждениях и спорах, но сначала, чтобы доказать, насколько её создатели были серьёзно настроены, можно процитировать небольшой отрывок. Начинались клятва весьма обстоятельно, с обозначения объекта «коренная раса»:

«Если на планете (спутнике планеты), отличной от Земли, найдена разумная жизнь, представленная одной или более расами существ, живущих в биоценозе (которая в процессе эволюции развилась на этой планете), а равно как и обитающие на планете разумные

существа, также представленные одной или более расами существ, живущих в биоценозе (которые в поисках места жительства нашли и обустроили эту планету по-своему и живут там уже достаточно долго – не одно поколение), далее коренная раса или коренные жители, то при обнаружении такой планеты...».

Основной же смысл «Космической клятвы» сводился к нескольким пунктам:

1. Если человек своим присутствием наносит вред коренной расе, населяющей планету, в том числе, если он вызывает резкую неприязнь у коренных жителей, несмотря на то, что не оказывает прямого вреда, то он должен покинуть эту планету при первой благоприятной возможности.
2. Запрещено наносить физический, моральный, материальный вред коренным жителям за исключением случаев самозащиты.
3. Запрещено похищать представителей коренной расы.
4. Непозволительно проводить медицинские эксперименты без освидетельствованного согласия на биоматериалах, имеющих прямое отношение к коренной расе.
5. Запрещено портить или присваивать имущество.
6. Недопустим прямой контакт с коренными жителями в том случае, если возможно обоюдное или одностороннее заражение, за исключением особых обстоятельств.
7. Запрещено нарушать эпидемиологические правила, а также правила безопасности при обращении с любыми биологическими агентами.
8. В случае наличия собственных юридических или иных видов общепринятых законов у представителей коренной расы, необходимо им следовать, при этом незнание законов и, как результат, причинение вреда, не освобождает от ответственности за их нарушение, опять-таки за исключением особых обстоятельств.
9. Недопустимо самовольное вмешательство в развитие обособленной цивилизации разумных существ, незаконное распространение технологий, поскольку это может нанести вред обеим сторонам.

В числе «особых обстоятельств» называлась, например, необходимость самозащиты или неизбежного выбора между причинением меньшего и большего вреда. Также в ранг особых возводились возможные случаи, когда собственное законодательство коренных жителей представлялось чрезмерно суровым. Такие законы предполагалось считать неприемлемыми для человека и в этой ситуации рекомендовалось либо улететь с планеты при первой же открывшейся возможности, либо договориться с коренными жителями о нераспространении действия данного закона в отношении человека.

Спорные случаи следовало разбирать, руководствуясь общими принципами гуманности.

Это был своеобразный переворот в общественном сознании. Многие обыватели не могли поверить в существование сложносочинённой ереси, да ещё и узаконенной. Даже на страницах газет появлялись заголовки вроде: «Узаконенное безумие». Действительно, судачили между собой филістеры, как могут эти бездельники с юридическим образованием печься об инопланетянах и их правах, в то время как на Земле столько нерешённых проблем: которое десятилетие зреет и наливается энергетический кризис, права людей попираются то тут, то там, каждые пять минут с лица Земли исчезает вид животных или растений... Не лучше ли сперва навести порядок у себя дома?

Вот такие ходили толки. Но к счастью и в основном «Космическая клятва» пришлась по душе простым, наслышанным про Европу людям, даже тем, кто был далёк от космоса.

>>>>Раз, два, три... Я, Майкл Роу, клянусь... Так начинается клятва, слова которой все мы сегодня произнесли по очереди, разумеется, каждый от своего имени. Эти правила для нас придумали на Земле после всех разбирательств с проектом «Юпитер-Европа». В основном они «про запас» или даже, лучше сказать, «на вырост». Я имею в виду, что многие из них не подходят даже для Европы. Например, у меллов нет никаких юридических законов, они им не нужны. Понятно, что разработчики «Космической клятвы» абстрагировались от конкретной сложившейся ситуации и, с одной стороны, правильно сделали, но с другой – когда ещё человечество, блуждая в межзвёздном пространстве, наткнётся на цивилизацию разумных существ? Очень и очень нескоро. Если только наша Солнечная система не готовит нам ещё какой-нибудь сюрприз, вроде марсианских городов, упрятанных глубоко под поверхностью благодаря высочайшим технологиям, которые нам и не снились. И, конечно, коварные марсиане давно заметили нас, копошащихся на поверхности, изучили, а сейчас решают, что с нами делать – прикончить сразу или чуть позже, когда вдоволь насмотрятся. Вряд ли тогда «Космическая клятва» будет иметь смысл для нас, людей, кроме первого пункта, где рекомендуется «покинуть эту планету при первой благоприятной возможности». Всё, стоп. А то сейчас навывдумываю.

До «биоценоза» с коренными жителями Европы нам далеко, о том, чтобы размещать здесь колонии людей в будущем никто уже и не думает. Зато сейчас, уверен, мы нашли золотую середину в отношениях с меллами. Мы к ним не приходим, да и они к нам тоже. Решено, что всю запланированную экспедицию мы пробудем на Европе, продолжая научные исследования в океане и на поверхности спутника, но уже не будем опасаться за меллов, благодаря принятому закону. Теперь сюда точно не сунутся бритоголовые молодчики с короткими шеями и не начнут расстреливать всё, что не похоже на человека. Слышал я также, что этой экспедицией и закончится исследование Европы, если не считать планов размещения телескопа на обратной стороне спутника. Колонии землян при нём не потребуется, справятся роботы.

Ещё один важный момент... История с имплантатами, вживлёнными в левую руку каждого из наших предшественников – астронавтов первой «Экспедиции», – нашла своё продолжение. У одного из нас был найден такой же чип. Сэм Ричардс обнаружил его на сгибе левой руки, когда вместе со всеми узнал о «подарочке» от прошлого руководства МКА. С Земли нас проинструктировали не трогать имплантат, а Ричардса – постараться отнестись как можно спокойнее. Видимо, раньше часто практиковался подобного рода контроль над астронавтами, и этот чип сидел у него давно. Как я уже говорил, Сэм был самым старшим из нас. А так как на Европе были найдены тела нескольких первопроходцев, то немного погодя было принято решение транспортировать их на Землю на одном из двух космолётов, имеющихся в нашем распоряжении. За штурвалом – прославленный астронавт Сэм Ричардс. Несколько видов рыб, змей, крабов, парочка наutilusов, семейство тумановидных обремосов – все в условиях, максимально приближенных к естественным – были также отправлены на Землю. Не по своей, конечно, воле. Но кто стал бы их спрашивать? Ведь они не обременены разумом, а у людей хватило интеллекта лишь на то, чтобы защитить законом разумных существ – да и только.

Но даже это вселяет надежду.

Как мы ловили рыб, змей и обремосов – отдельная история. Но я никогда этого не

забуду. Буду старым, буду сидеть в кресле-качалке, закрою глаза, и сразу перед глазами возникнет Крис Ковач, убеждающий меня, что одного обремаса недостаточно, так как ему будет скучно. И всё последующее за этим тоже возникнет перед моими старческими подслеповатыми глазками с невероятной ясностью...<<<<

28. Вы Окин Магвайр?

Позвонил Морсби и сказал, что тело Грэма транспортируют на Землю. «Вы сможете с ним попрощаться, – грустно сказал старик и добавил: – Окин, несмотря на ту вашу выходку, а вы не отрицайте, пожалуйста, что это вы, просто молчите, так вот, несмотря на ту вашу выходку и все наши противоречия, я подготовил... отзыв... благоприятный отзыв о вас... Я считаю, что вы достаточно настрадались и заслуживаете... отдыха. Возможно, это поможет окончательно снять с вас подозрения. – Морсби помолчал, Окин тоже не произнесла ни слова. – Попозже я вам перезвоню, скажу точное время церемонии. Место вы знаете – Монумент Героям Космоса».

Окин улыбнулась: перед ней стоял Грэм. Когда она хотела, то вызывала его из своей памяти. Он протянул к ней руки и обнял. Протопали маленькие ножки, и Сибил обхватила сзади её (их?) колени. Грэм присел на корточки и улыбнулся дочке.

Жалко, что Сибил так и не встретилась с Грэмом, подумала Окин, когда образ исчез. Она изо всех сил боролась с горечью в глубине своей души, не давала ей выплеснуться наружу и завладеть ею.

Снова зазвонил телефон. Окин прикоснулась к кафе на ухе. Звонивший представился: Сэм Ричардс. Астронавт, на борту космического корабля которого Грэм вернулся домой.

– Окин, я знал Грэма. А про вас тоже узнал: ваша фотокарточка была в моей каюте всё то время, пока я жил на Европе. Раньше это была каюта Грэма. На обороте было написано ваше имя. В МКА... – Сэм откашлялся, но затем твёрдо продолжил: – В МКА я узнал ваш номер телефона. Вы позволите...

Дальше Сэм предложил Окин встретиться, если у неё есть время, чтобы познакомиться перед церемонией. «Будет замечательно, если вы придёте с дочкой», – сказал он. А завтра, в день церемонии, предложил заехать за ней и её родными, чтобы вместе попрощаться с погибшими астронавтами.

Окин согласилась.

– Вы Окин Магвайр? – перед ней стоял тот самый астронавт, Сэм Ричардс. Загорелые открытые по локоть руки. Чуть красноватое лицо. Смеющиеся голубые глаза. Окин обратила внимание на свежий шрам на сгибе левой руки. Улыбался он открыто и уверенно, обнажая ровный ряд зубов. Пожал руку – мягко и крепко. Окин понравилось такое рукопожатие. Она улыбнулась:

– Да, а вы Сэм...

– Ричардс, – подсказал астронавт.

Окин успела посмотреть информацию об этом герое, и, конечно, она не забыла его фамилию, просто не хотела выставлять напоказ свою осведомлённость.

– Разрешите пригласить вас... – начали они одновременно и засмеялись. Сэм закончил предложение за обоих:

– ...на чашку кофе.

– С удовольствием, – ответила Окин и опёрлась на галантно предложенную ей руку.

29. Даemon безвременья

На следующее утро Сэм пошёл в камеру хранения и забрал свои вещи – скафандр и усилитель. Он размышлял так: наука в лице Филха не стоит на месте, потому что Филх двигает её. И он верил, что гений, претворивший в жизнь путешествия во времени, помнит о своём многострадальном друге и следит всеми своими приборами, не промелькнёт ли где условленный сигнал из прошлого. Одно беспокоило его: Филх много раз произносил заумную фразу о том, что время в разных мирах течёт по-разному. Это связано со скоростью и направлением потоков, да мало ли с чем ещё. По-разному, да и всё тут! Чтобы донести свою мысль, Филх рисовал на электронной доске перпендикулярные прямые, соответствующие разным временным потокам, и говорил, что сколько бы веков не прошло на одной из этих прямых, для другой это всего лишь пшик, доля секунды, поскольку проекцией одной прямой на другую является точка. На практике это означало, что полгода тут не есть полгода там.

Полгода тут могли сжаться в один день там или, наоборот, вольготно расправиться, растянуться на века. И хорошо ещё, если не с отрицательным значением. Хотя, какая к чёрту разница для истинного путешественника во времени, коим является Филх. А Сэм не сомневался в своём друге. В друге – нет, никогда. А в собственном везении – сколько угодно. Поэтому мысли о разнонаправленности временных потоков не могли его не беспокоить.

Как бы то ни было, Сэм хотел вернуться.

Он волочил за собой сумку со скафандром, а в руке нёс усилитель. На костылях это было нелегко. Плечи прямо-таки ныли от усталости. Когда он проходил мимо огромного телевизора, то увидел на экране счастливую физиономию своего молодого двойника, астронавта Сэма Ричардса. Тот рассказывал об открытии новой формы жизни в марсианской пещере. Среди зевак Сэм заметил своих старых знакомцев из социальной службы. Один из них, увидев его, заорал во всю глотку:

– Вот он!

Все трое сорвались с места и побежали. К счастью, их сдерживала толпа, а Сэму были известны все скрытые от глаз простых смертных лазейки. В последний момент он успел нырнуть в технический люк. Затаился, отдышался и осторожно пополз на четвереньках среди проводов. Костыли он отбросил, но скафандр и усилитель упорно толкал перед собой. Передвигался медленно, дюйм за дюймом, освещая путь фонариком, который всегда был при нём, как предмет первой необходимости (известно, что он вёл весьма специфический образ жизни).

Когда Сэму стало совсем невмоготу из-за нехватки воздуха, сумка со скафандром, которую он толкал, вдруг провалилась куда-то вниз и мягко стукнулась об пол. Впереди была маленькая комната. С превеликим трудом Сэм спустился вниз, по проводам.

После короткого отдыха он включил усилитель и облачился в скафандр.

Сэм чувствовал себя искалеченным куском плоти. Как доставало ему костылей... В этой темноте, которая едва рассеивалась светом фонаря, среди всех этих пыльных муфт и проводов... На что ему было надеяться? На то, что время не повернулось вспять и не слишком замедлилось или ускорило? Или на то, что Филх вытащит его из любой временной дыры? Он и сам не мог дать ответа на эти вопросы.

Вдруг Сэм услышал шум и голоса, которые эхо повторяло на все лады: это были его

преследователи. Казалось, что всё, конец, но тут – о, чудо! – прямо перед ним, из ничего, возникла тёмная точка с размытыми краями, создающая вокруг себя временные и пространственные завихрения. Сэм почувствовал радость, благодарность и даже... чуть не расхныкался. Не думая, он нырнул во временной портал.

Сторонний наблюдатель, если бы таковой имелся, мог увидеть, как человек в оранжевом скафандре, неуклюже подавшись вперёд, упал плашмя, раскинув руки, на трепетный кусочек чёрной материи, висящий в воздухе сам по себе – вопреки всем очевидным законам физики. А дальше произошло совсем уж невероятное: превратившись в плазменное облако, закружившись вихрем, человек (или то, что от него осталось) втянулся тонкой струйкой в образовавшийся разрыв времени и пространства и исчез там навсегда.

И сторонний наблюдатель там был: тот самый Матеуш Новак, который всегда принимал самое живое участие в Сэме. Вообще-то, это была его территория. Те, кто имел обыкновение лазать по трубам, знали об этом. В последнее время он часто отсиживался тут: вверху участились набеги на честных бродяг. В общем, Матеушу не нужны были неприятности. Он мирно посапывал, когда сверху свалилась огромная сумка, чуть не придавив его, а следом, по проводам, спустился её хозяин. Матеуш тихонько отполз в угол, прикрыв лицо одеялом. Каково же было его удивление, когда незваный гость оказался одноногим Сэмом, тем самым, который умел здорово играть в карты. Сначала Матеуш собирался поздороваться, но решил чуток обождать и поглядеть, что будет дальше. Он не поверил своим глазам, когда увидел, что Сэм оделся – во что бы вы думали? – в скафандр! Включил какую-то машину, и посреди комнатки появилось *это*. Поднялся вихрь. Какое-то время старик стоял, пошатываясь, уставившись, как загипнотизированный на развёрстое нечто. Потом, видать, совсем отчаялся и упал, не совладав с собой. *Это* сожрало его в долю секунды. Полностью, без остатка! Матеуш вскочил на ноги и так сильно прижался к стене, как только мог. Вихрь усилился и чуть не сшибал его с ног. Нет, ему ещё рано *туда*, он ещё так молод! А потом пришли люди в серой униформе... Первый раз в жизни он был им рад.

...

Падение в никуда продолжалось довольно долго.

Во время полёта Сэма не покидало неотвязное чувство, что он не один.

Чтобы понять это, ему не требовалось включать воображение, что-то представлять себе. Не нужно было делать морального выбора, а также верить или хотеть. Всё было просто до невозможности: он знал это.

«И в этот раз, и много времени назад, и смотрим, как обрушивается в бездну не родившееся, и знаем, что грядёт свершённое, и место, где всё сущее. Да будет так» – прошептал Сэм и удивился самому себе: откуда вдруг пришли на ум эти слова, напоминающие молитву? Из его старого сна?

Он попытался осмотреться вокруг. Но не увидел ничего, кроме теней, стремительно проносящихся мимо. По необъяснимой причине смотреть прямо по курсу было страшно, но он осмелился. Впереди, как и предполагалось, зияла бездна. Сэм бросил в неё единственный взгляд, и вот она уже не отпускала, целиком завладев его вниманием.

Вскоре он начал различать лицо. Сначала смутно, потом всё отчётливее. Он всматривался в призрачные черты, не в силах отвести порабощённого взгляда. Лицо напоминало человеческое – глазницы, губы; оно словно проглядывало из тумана, из тускло светящейся дымки. Глаза смотрели внимательно и строго, а губы шевелились, как будто

говорили или кричали – одно и то же много раз подряд. Сэм никак не мог определить, что именно. Наконец, его осенило: «Non est mea culpa, sed venit tua tempus?!» – спрашивала бездна, что означало в переводе с латинского: «Моей вины нет, просто пришло твоё время?!». То, что это был именно вопрос, Сэм не сомневался. А также он знал, что именно должен ответить.

– Non est tua culpa, sed venit mea tempus, – повторил он несколько раз, переиначивая эту фразу на свой лад, желая сказать: «Не вини себя, просто пришло моё время».

Воистину, бездна проникла в него и поселилась в нём. Он почувствовал себя с ней единым целым, и это принесло успокоение. По едва уловимым изменениям в выражении лица он понял, что бездна, приняв его, чувствует то же самое. Одиночество, боль, страх растворились в бесконечности и перестали иметь значение.

«Демон безвременья», – догадался Сэм. Ему захотелось поскорее встретиться со своим другом, чтобы рассказать обо всём увиденном, но падение продолжалось. Мысль о Филхе нашла отклик в бездне и ещё больше породнила их.

Оказалось, Филх был рядом. Всё, что имело когда-либо значение для Сэма, было с ним и сейчас. Ему больше некуда было стремиться. Мысли прояснились, воспоминания стали яркими и подробными. Но сейчас это принадлежало не только ему. Это стало частью *всего*. «Старость – падение долгое и беспощадное, но, к счастью, не бесконечное», – пришло на ум. Выход был, но только один. Достаточно было просто понять, что пришёл конец, и принять его. Именно тогда Сэм и освободился.

...

– Сэм, очнись же, – говорил Филх, чуть не плача.

Он сидел на полу и держал своего друга на руках. Шлем он снял ему сразу же, а теперь пытался расстегнуть скафандр, чтобы сделать искусственное дыхание. Глаза бывшего астронавта были широко раскрыты, а губы медленно шевелились, шептали, повторяя одно и то же. Но сколько бы Филх не вслушивался, он никак не мог разобрать, что именно.

– Non est tua culpa, sed venit mea tempus... – наконец отчётливо произнёс Сэм, вложив всего себя, без остатка, в эти слова. Потом облегчённо вздохнул и закрыл глаза.

– Не винить себя, просто пришло твоё время?! – вскричал Филх. – Так значит...

Догадка поразила его, как молния. Это было то самое зашифрованное сообщение, которое он получил от демона безвременья незадолго до отправки Сэма в прошлое.

– Сэм, если только ты меня слышишь! Знай, я сделал то, что ты просил! Я слетал на 5748-ой и всё сделал! Всё, как ты хотел.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net